

**ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 2 (125) • 2025

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2025

Выход в свет: № 2 (125) • 2025 • Апрель. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-90192 от 07.10.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А. А. КАЛИТНИК

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М. Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОЙСЕЕНКО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А. С. ЛОБЫШЕВА (8202) 51-78-54

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

Google
scholar

OCLC
WorldCat

СОЦИОНЕТ

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-to-Z™

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

© Череповецкий государственный университет, 2025

**CHEREPOVETS
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN**

Scientific journal established in December 2002

№ 2 (125) • 2025

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2025

Date of publication: No. 2 (125) • 2025 • April. Comes out six times a year.

“Cherepovets State University Bulletin” is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal “Cherepovets State University Bulletin” has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications

5.9 Philology

5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Cherepovets State University”, a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

The certificate was issued by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El no. FS77-90192 dated 07.10.2025.

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)

E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: A. A. KALITNIK

COMPUTER DESIGN: M. N. AVDUKHOVA

TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO

EXECUTIVE EDITOR: A. S. LOBYSHEVA (8202) 51-78-54

Journal website: <https://vestnik.chsu.ru/>

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
BIBLIOTEKA
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

Google
scholar

OCLC
WorldCat

СОЦИОЛЕТ

ULRICHSWEB[®]
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-Z

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Cherepovets State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алияри Шорехдели М., Ганбари Ф.</i> Сопоставительное изучение критериев классификации союзов в русском и персидском языках	7
<i>Ананьина М. А., Томберг О. В.</i> Аллюзивный антропоним-символ как разновидность антропонимического кода культуры	18
<i>Баскова А. А.</i> Лексические единицы конланга на 'ви: аспекты восприятия носителями русского языка	31
<i>Большакова Н. В.</i> Детские слова в диалектном лексиконе	41
<i>Дубовицкая М. А.</i> Прагматика и метапрагматика социолингвистических и структурных аспектов кодового переключения (на материале художественного произведения Розанны Амаки)	50
<i>Елепова М. Ю., Орлова Д. С.</i> Приемы и функции комического в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»	66
<i>Исаева М. Г., Кожина И. Ю.</i> Стилистические функции структурных типов кодовых переключений в произведении Дж. Куликкья "Sicilia, o saga. Un viaggio sentimentale"	79
<i>Михайлова О. А., Харламова М. А.</i> Репрезентация концепта «Война» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья	89
<i>Некрасов М. А.</i> Французский характер в русской интерпретации: Диалог культур по Ф. М. Достоевскому	100
<i>Пиотровская Л. А.</i> Функционально-семантический анализ двувёршинных синтагм в лекторской речи	112
<i>Сабанова О. Д.</i> Риторическое утверждение как средство диалогизации в ранней прозе Э. В. Лимонова (на фоне англоязычных интерпретаций)	123

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Климина А. И.</i> Анализ основных подходов в области подготовки будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников	137
<i>Листвин А. А., Гарт М. А.</i> Среднее профессиональное образование: тенденции интеграции и дифференциации	146
<i>Невзорова А. В.</i> Теория и практика педагогического контроля в современной школе	156
<i>Овсянников А. О.</i> Технология самообучения информативному чтению на втором иностранном языке на неязыковых факультетах гуманитарного вуза	168

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Зайцева Н. Ю., Жеребина Е. А., Курбатова С. Г., Ивкина А. В., Абдуллина А. Ф.</i> Итоги международной научной конференции «77-е Герценовские чтения. Иностранные языки»	177
Информация для авторов	191

CONTENTS

PHILOLOGY

Aliyari Shorehdeli M., Ghanbari F. Comparative study of criteria for classifying conjunctions in the Russian and Persian languages	7
Ananyina M. A., Tomberg O. V. Allusive anthroponym-symbol as a type of anthroponymic code of culture	18
Baskova A. A. Lexical units of conlang na'vi: perception aspects by Russian native speakers	31
Bolshakova N. V. Children's words in the dialect lexicon	41
Dubovitskaya M. A. Pragmatics and metapragmatics of sociolinguistic and structural aspects of code-switching in Rosanna Amaka's literary work	50
Elepova M. Yu., Orlova D. S. Devices and functions of comic in the novel by A. P. Chudakov "Darkness falls upon the worn steps"	66
Isayeva M. G., Kozhina I. Yu. The stylistic functions of the code-switches' structural types in the novel "Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale" by G. Culicchia	79
Mikhailova O. A., Kharlamova M. A. Representation of the war concept in the regional corpus of the Middle Irtysh folk speech	89
Nekrasov M. A. French character in Russian interpretation: The dialogue of cultures by F. M. Dostoevsky	100
Piotrovskaya L. A. Functional and semantic analysis of sense-groups with two stresses in lecturer's speech	112
Sabanova O. D. Rhetorical statement as a means of dialogization in E. Limonov's early prose (against the background of English-language interpretations)	123

PEDAGOGY

Klimina A. I. Analysis of the main approaches in the field of training future teachers for the digitalization of preschool education	137
Listvin A. A., Gart M. A. Secondary vocational education: trends in integration and differentiation	146
Nevzorova A. V. Theory and practice of pedagogical control in modern school	156
Ovsianikov A. O. Self-learning technology of second foreign language informative reading at nonlinguistic departments of arts and humanities universities	168

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Zaitceva N. Iu., Zherebina E. A., Kurbatova S. G., Ivkina A. V., Abdullina A. F. Results of the International scientific conference "77 th Herzen Readings. Foreign Languages"	177
For the authors attention	191

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 7–17.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 7–17.

Научная статья
УДК 812
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-1>
<https://elibrary.ru/mrhgek>

Сопоставительное изучение критериев классификации союзов в русском и персидском языках

Махбубех Алияри Шорехдели¹, Фатеме Ганбари^{2✉}

^{1,2}Университет Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран,

¹m.aliyari@modares.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-9624-8099>

^{2✉}fateme.ghanbari@modares.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-6392-9501>

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному рассмотрению союзов как части речи в русском и персидском языках. В статье в сопоставительном аспекте дается понятие союза как части речи, выделены критерии классификации союзов в русском и персидском языках, рассмотрены их морфологические и синтаксические особенности.

Ключевые слова: сочинительный союз, подчинительный союз, сопоставительный анализ, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Алияри Шорехдели М., Ганбари Ф. Сопоставительное изучение критериев классификации союзов в русском и персидском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 7–17. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-1>; EDN: MRHGEK

Comparative study of criteria for classifying conjunctions in the Russian and Persian languages

Mahboubeh Aliyari Shorehdeli¹, Fateme Ghanbari^{2✉}

^{1,2}Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran,

¹m.aliyari@modares.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-9624-8099>

^{2✉}fateme.ghanbari@modares.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-6392-9501>

Abstract. This article focuses on a comparative examination of conjunctions as parts of speech in the Russian and Persian languages. In this paper, in a comparative aspect, the concept of conjunctions, morphological and syntactic characteristics of conjunctions are studied and criteria for the classification of this part of speech in both languages are specified.

Keywords: coordinating conjunction, subordinating conjunction, comparative analysis, Russian language, Persian language

For citation: Aliyari Shorehdeli M. A., Ghanbari F. Comparative study of criteria for classifying conjunctions in the Russian and Persian languages. *Cherapovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 7–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-1>; EDN: MRHGEK

Введение

Одним из основных средств выражения обобщенных смысловых отношений между высказываниями и его частями в русском и персидском языках является союз. Несмотря на функциональное сходство союзов в русском и персидском языках, есть различия в критериях их классификации.

Отметим, что в сопоставительном аспекте союзы русского и персидского языков мало изучены. В данной статье на основе более 40 источников по грамматике принята попытка сопоставить структурные и семантические особенности союзов в указанных языках.

Целью данного исследования является изучение критериев классификации союзов в русском и персидском языках и степени их соответствия. Результаты проведенного анализа могут быть использованы исследователями в области компаративистики, а также при подготовке учебных материалов для студентов, изучающих русский и персидский языки.

Новизна данной работы заключается в сопоставительном изучении союзов русского и персидского языков.

Основная часть

Союз в рамках изучаемых языков определяется как неизменяемая служебная часть речи, которая обозначает связь между однородными членами предложения, частями сложного предложения и отдельными предложениями в тексте. При этом союз служит для выражения сочинительных или подчинительных отношений¹.

Союзы как в русском, так и в персидском языках разнообразны и в каждом из этих языков классифицируются на основе различных критериев, в том числе по особенностям строения, происхождения, употребления, характера синтаксических функций и типа выражаемых ими отношений. Далее подробно рассмотрим эти критерии.

Первый критерий, на основе которого союзы классифицируются в обоих языках, – по строению. С точки зрения строения все союзы в русском и персидском языках делятся на простые, т. е. состоящие из одного слова, и составные, состоящие из нескольких слов. Сложные союзы в русском языке включают в себя компоненты, соотносительные со знаменательными или со служебными частями речи, а в персидском языке – союзы или простые предлоги².

¹ Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. Москва: Айрис-пресс, 2010. 448 с.; Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1980. 792 с.; Faršidvard Xosro. *Dastur-e mofasal-e emruz*. Tehran: Sohan, 2004. 705 p.; Šafahi Ahmad. *Mabani-ye elmi-ye dastur-e zaban-e farsi*. Tehran: Novin, 1985. 652 p.

² Камынина А. А. Современный русский язык. Москва: Издательство Московского университета, 1999. 240 с.; Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1980. 792 с.; Ahmadie givi Hasan, Anvari Hasan. *Dastur-e zaban-e farsi 1*. Tehran: Fatemi, 2012. 271 p.

Приведем некоторые примеры (см. табл. 1).

Таблица 1

Простые и составные союзы в русском и персидском языках

Простые союзы	Русские	<i>и, а, но, или, тоже, хотя, что, когда</i> и т. п.
	Персидские	<i>vā [и], ätma [но], väli [но], ya [или], ta [чтобы], čon [потому что], ägär [если]</i> , и т. п.
Составные союзы	Русские	<i>Потому что, несмотря на то что, если бы, в то время как, как будто, для того чтобы</i> и т. п.
	Персидские	<i>an gah ke [когда], äz anja ke [поскольку], äz in ru [поэтому], be šärt-e an ke [при условии, что], dār hali ke [нока], väqti ke [когда], häman towr ke [как], dār nätiye [так что]</i> и т. п.

В работах грамматистов отмечается, что в персидском языке, кроме вышеуказанных видов союзов, встречаются и другие группы, а именно:

– союзные группы (*gouha-ye räbti*), которые образуются из двух и более слов и не теряют своей самостоятельности: *be mänzure in ke [для того чтобы], be elläte in ke [по причине того чтобы], väqti ke [когда]*;

– квазисоюзы (*šebhe häräfe räbt*), которые представляют собой в основном сочетание предлогов и союзов с другими словами, в том числе с указательным местоимением, существительным, наречием и др.; например: *äz an ras ke [после того как], äz anja ke [поскольку], hämčenan ke [а также], angah ke [когда], äz an jähät ke [так как]*¹.

Вторым критерием, на основе которого классифицируются союзы, является число занимаемых в предложении мест. По числу занимаемых в предложении мест союзы в русском языке делятся на **одноместные** и **неодноместные**. **Одноместные** союзы употребляются в предложении один раз и примыкают к одному из соединяемых элементов.

Компоненты **неодноместных** союзов располагаются при каждом соединяемом элементе и могут быть **повторяющимися**, т. е. такими, которые дублируются перед несколькими связываемыми элементами, или **двойными** (парными), представляющими собой соединения двух формально не совпадающих и позиционно разобщенных элементов².

Рассмотрев персидские источники, приходим к выводу, что такие союзы имеются и в персидском языке, однако, в отличие от русского языка, отдельного критерия для

¹ Хатибрахбар халил. *Horuf-e ezafe va rabt*. Tehran: Saadi, 1989. 564 p.; Šariat Mohammadjavād. *Dastur-e zaban-e farsi*. Tehran: Diba, 1994. 467 p.

² Камынина А. А. *Современный русский язык*. Москва: Издательство Московского университета, 1999. 240 с.; Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. *Современный русский язык*. Москва: Айрис-пресс, 2010. 448 с.

их классификации не существует. Необходимо отметить, что некоторые персидские грамматисты указывают на такие союзы при их классификации по строению¹.

Приведем примеры такого рода союзов (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы союзов по числу занимаемых в предложении мест
в русском и персидском языках

Одноместные	Русские	<i>а, и, но, зато, когда, тоже, что</i> и т. п.
	Персидские	<i>āmma [но], vāli [но], čon [потому что], āgār [если], bānabārin [поэтому], vāqti ke [когда], hāman towr ke [как], hāmin ke [как только]</i> и т. п.
Повторяющиеся	Русские	<i>и... и, или... или, то... то, либо... либо</i> и т. п.
	Персидские	<i>xah...xah, [то...то], hām...hām [и...и], ya...ya [или...или], nā...nā [ни...ни], gahi...gahi [то...то]</i> и т. п.
Двойные	Русские	<i>не только ... но и, не столько ... сколько, если ... то, хотя ... но, чем ... тем, как ... так и</i> и т. п.
	Персидские	<i>nā tānha...bälke [не только ... но и], āz yek tārāf...āz tārāf-e digār [с одной стороны...с другой стороны], āgārče... āmma [хотя ... но], hār čānd...ba inhal [хотя ... но]</i> и т. п.

Еще одним критерием классификации союзов является их происхождение, а также наличие мотивирующих отношений союзов со словами других частей речи. Союзы русского языка с этой точки зрения бывают **непроизводные** и **производные**. **Непроизводные** союзы не делятся на морфологические элементы и не соотносятся в современном русском языке с производящими словами: *а, и, но, да, или, ли, либо* и др.

Производные союзы сохранили живые словообразовательные связи со знаменательными словами, от которых они образовались: *что, чтобы, будто, хотя, потому что, ввиду того что, благодаря тому что, с тех пор как, поскольку, коль скоро, хотя, несмотря на то что* и др.²

В персидском языке так же, как и в русском языке, существуют производные и непроизводные союзы, но в персидских источниках по грамматике критерий для классификации союзов с этой точки зрения, как правило, не упоминается. Только Фаршидвард при классификации союзов по строению вводит такую группу, как производные союзы. Шафахи в своей книге по грамматике персидского языка про-

¹ Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. Москва: Восточная литература, 2001. 600 с.; Ahmadi givi Hasan, Anvari Hasan. Dastur-e zaban-e farsi 2. Tehran: Fatemi, 2012. 419 p.; Faršidvard Xosro. Dastur-e mofasale-ye emruz. Tehran: Soxan, 2004. 705 p.; Xatibrahbar xalil. Horufe ezafe va rabt. Tehran: Saadi, 1989. 564 p.; Šariat Mohammadjavād. Dastur-e zaban-e farsi. Tehran: Diba, 1994. 467 p.

² Лекант П. А. Современный русский литературный язык. Москва: АСТ-ПРУСС КНИГА, 2013. 766 с.; Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. Москва: Айрис-пресс, 2010. 448 с.

сто указывает, что «все лингвисты сходятся во мнении, что союзы образуются из самостоятельных частей речи (существительного, прилагательного, местоимения, числительного, глагола и наречия) и постепенно теряют частично или полностью свои лексические значения и уже служат лишь для выражения грамматических значений»¹.

Наиболее известным критерием классификации союзов является классификация по синтаксическим функциям. При этом в зависимости от того, какие именно синтаксические отношения выражаются с помощью союза, все союзы делятся на две группы: **сочинительные** и **подчинительные**.

В русском языке сочинительные союзы соединяют однородные члены предложения, а также части сложносочиненных предложений. По своему значению эти союзы делятся на:

- 1) **соединительные**, выражающие соединение: *и, ни ... ни, да и, тоже* и др.;
- 2) **противительные**, выражающие отношения противопоставления, несоответствия, различия: *а, но, да, однако, же, зато, а то* и др.;
- 3) **разделительные**, выражающие отношения взаимоисключения, чередования действий, явлений, признаков: *или, либо, то ... то, то ли ... то ли* и др.;
- 4) **пояснительные**, выражающие отношения пояснения и уточнения: *то есть, а именно* и др.;
- 5) **присоединительные**, служащие для присоединения слов, словосочетаний и предложений, содержащих добавочные замечания, не предусмотренные первоначальным планом высказывания: *да и, также, а также, тоже* и др.;
- б) **градационные** (сопоставительные), выражающие сопоставление или противопоставление по степени значимости: *не только... но и, если не... то, как ... так и, не столько ... сколько* и др.²

Определение сочинительного союза в персидском языке такое же, как и в русском языке. Здесь отметим, что изучение работ по грамматике персидского языка показывает различия в наименовании и количестве классификации сочинительных союзов. Так, в работе Хомаюн Фаррох все союзы разделяются на 5 групп, а в работе Хатибрахбар на 13 групп. Шафахи делит сочинительные союзы на 3 основные группы, каждая из них в свою очередь делится на подгруппы, при этом он считает, что смысловые отношения, выражаемые сочинительными союзами, проще и меньше (с точки зрения количества), чем смысловые отношения, выражаемые подчинительными союзами³.

Можно предположить, что отсутствие метода и неучет взаимоотношений слов внутри предложения является одной из причин этих различий.

¹ Šafahi Ahmad. *Mabani-ye elmi-ye dastur-e zaban-e farsi*. Tehran: Novin, 1985. 652 p.

² Белошапкина В. А. Современный русский язык. Москва: Азбуковник, 1999. 928 с.; Камынина А. А. Современный русский язык. Москва: Издательство Московского университета, 1999. 240 с.; Тихонов А. Н. Современный русский язык. Москва: Цитадель-трейд, 2003. 464 с.

³ Xatibrahbar Xalil. *Horuf-e ezaf-e va rabt*. Tehran: Saadi, 1989. 564 p.; Homaunfarox Abdolrahim. *Dastur-e jame-ye zaban-e farsi*. Tehran: Fatemi, 1986. 1256 p.; Šafahi Ahmad. *Mabani-ye elmi-ye dastur-e zaban-e farsi*. Tehran: Novin, 1985. 652 p.

В данной статье, соглашаясь с большинством иранских лингвистов, мы приводим следующие группы сочинительных союзов персидского языка¹:

1) **Āfzayeš** (букв. перевод: ‘увеличение’): *vā [и], hām [тоже], niz [тоже], hāmčenin [также], māxsusān [особенно], beālave [кроме того], hāta [даже], gozāšte az in [кроме этого], vangāhi [причём]* и т. п.;

– *Xodkar ra bārdaštām vā šomare telefonāš ra yaddašt kārdām (Я взял ручку и записал ее номер телефона).*

2) **Tāzad** (букв. перевод: ‘противопоставление’): *vāli [но], āmma [но], likān [однако], hānuz [еще], ba in hal [все же], ba in vojūd [при этом], ba in hāte [несмотря на]* и т. п.;

– *Gah pelkha ra ru-ye hām migozašt, āmma āfkare gunagun yekbar-e hojum miāvārdānd (Иногда он смыкал веки, но сразу разные мысли хлынули в голову).*

3) **Tāshih** (букв. перевод: ‘исправление’): *bālke [но / а], bārāks [наоборот], belāks [напротив]* и т. п.;

– *U nāyamāde āst, bālke name nevešte āst (Он не пришел, а написал письмо).*

4) **Nātije** (букв. перевод: ‘результат’): *rās [итак], ta inke [чтобы], bānabārin [поэтому], dār natije [в результате]* и т. п.;

– *Emšāb aseman saf āst bānabārin fārda baran nemīāyād (Сегодня небо ясное, поэтому завтра не будет дождя).*

5) **Tāvāli** (букв. перевод: ‘последовательность’): *angah [тогда], bāād [потом], serās [затем], digār [еще]* и т. п.;

– *Neyām ra bārdaštām, serās ruberuyāš nešāstām (Я взял мой най, потом сел перед ней).*

6) **Tānavob** (букв. перевод: ‘периодичность’): *ya [или], ya inke [или / или же], vāella [а не то], vāgār nā [в противном случае]* и т. п.;

– *Mīxahi be rahāt edame dāhi ya inke haminja otraq mikoni? (Вы хотите или продолжить свой путь, или остановиться здесь).*

7) **Yeksani** (букв. перевод: ‘одинаковость’): *če...če [ли... ли], xah...xah [то...то]* и т. п.;

– *Mān hāqiqāt ra mīguyām če be xahi če nāxahi (Я говорю правду, хочешь ли ты этого, или нет).*

8) **Nāfyē** (букв. перевод: ‘отрицание’): *nā...nā [ни...ни], nā... vā nā [ни...ни]* и т. п.;

– *Nā sārma-ye hāva ra ehsas mikārdām, nā tārsi āz tariki-ye nim-e šāb daštām (Ни холода не чувствовал, ни полуночной тьмы не боялся).*

Среди вышеуказанных союзов союзы “**tāzad**” и “**nātije**” служат только для соединения предложений и реже членов предложения, а остальные сочинительные союзы употребляются и для соединения членов предложения, и для соединения предложений².

¹ Faršidvard Xosro. Dastur-e mofasale-ye emruz. Tehran: Soxan, 2004. 705 p.; Arzhang Gollamreza. Dastur-e zaban-e farsi-ye emruz. Tehran: Qatreh, 1996. 186 p.

² Faršidvard Xosro. Dastur-e mofasale-ye emruz. Tehran: Soxan, 2004. 705 p.

При сравнении классификации сочинительных союзов русского и персидского языков наблюдаются сходства и различия. Например, разные группы “*äfzayeš*”, “*näfyē*” в персидском языке в большинстве случаев соответствуют одной группе в русском языке, т. е. соединительным союзам. Сочинительные союзы “*yeksani*” и “*tānavob*” подобны разделительным союзам в русском языке. Присоединительные союзы русского языка похожи на союзы группы “*äfzayeš*” в персидском языке. В персидском языке не встречаются союзы, которые соотносятся с пояснительными и сопоставительными союзами в русском языке. В то же время в персидском языке есть сочинительные группы “*tāvali*”, “*nätije*”, соответствующие значения которых выражаются наречиями, союзными словами, подчинительными союзами или другими частями речи в русском языке.

Подчинительные союзы в русском языке, как правило, соединяют главную и придаточную части сложноподчиненных предложений и реже членов простого предложения, а в персидском языке только служат для выражения синтаксических отношений между частями сложных предложений¹.

В большинстве грамматических описаний русского языка подчинительные союзы по значению и грамматическим функциям подразделяются на 8 нижеследующих групп:

1) **временные**, обозначающие, что придаточное предложение уточняет время действия другого предложения: *когда, пока, с тех пор как, лишь только, перед тем как, прежде чем, после того как* и т. п.;

2) **условные**, обозначающие, что придаточное раскрывает условие, при котором осуществляется действие другого предложения: *если, если бы, раз, кабы* и т. п.;

3) **целевые**, обозначающие, что придаточное раскрывает цель действия, названного в другом предложении: *чтобы, для того чтобы, затем, чтобы* и т. п.;

4) **причинные**, обозначающие, что придаточное раскрывает причину осуществления действия в другом предложении: *потому что, оттого что, так как, благодаря тому что, из-за того что* и т. п.;

5) **уступительные**, обозначающие, что в придаточном указывается, в противовес чему осуществляется действие в главном предложении: *хотя, пусть, несмотря на то что, вопреки тому что* и т. п.;

6) **следственные**, когда союз указывает, что обозначаемое в придаточном есть результат обозначаемого в главном предложении: *так что, поэтому, вследствие чего, в результате чего* и т. п.;

7) **изъяснительные**, выражающие, что содержание придаточного является восполнительным к содержанию главного и не конкретизирует характер зависимости: *что, чтобы* (в значении *что*), *как, будто, как бы не* и т. п.;

¹ Белошапкова В. А. Современный русский язык. Москва: Азбуковник, 1999. 928 с.; Arzhang Golamreza. Dastur-e zaban-e farsi-ye emruz. Tehran: Qatreh, 1996. 186 p.; Faršidvard Xosro. Dastur-e mofasale-ye emruz. Tehran: Soxan, 2004. 705 p.; Xatibrahbar xalil. Horuf-e ezafe va rabt. Tehran: Saadi, 1989. 564 p.

8) **сравнительные**, когда союз обозначает, что придаточное разъясняет член другого предложения через сравнение: *как, словно, подобно тому как* и т. п.¹;

В персидском языке подчинительные союзы делятся на три основные группы²:

а) союзы, образующие придаточные предложения, выполняющие роль существительных, т. е. эти придаточные предложения играют роль подлежащего, дополнения и других функций существительных: *agar [если], ke [что / чтобы], ta [чтобы], koja* (стар.) [где];

– *Be u goftām ke be xane bārgārdād* (Я сказал ему, **чтобы** вернулся домой).

б) союзы, образующие определительное придаточное: они воспроизводят придаточное предложение как определение к одному из членов главного предложения: *ke [который / что / чтобы], ta [чтобы], koja* (стар.) [где];

– *Be yade šātrānji oftadām ke dār mānzal-e Mahan dide budam* (Я вспомнила шахматную доску, **которую** видела в доме Махана).

в) союзы или союзные группы, образующие обстоятельственные предложения: эти союзы охватывают большую группу подчинительных союзов. Они воспроизводят придаточное предложение как обстоятельство или дополнение главного предложения и делятся на следующие группы:

1) **Zāman** (время): *vāqti [когда], hengami ke [когда], hār gah [когда / всякий раз], ta [пока]* и т. п.;

– *Vāqti dašt in majāra ra tāarif mikārd, hič ehsasi dār čehreāš nābud* (Когда он рассказывал эту историю, на его лице не было видно никаких эмоций).

2) **Mākan** (места): *koja [где], hār ja [езде], anja ke [там где], jaije ke [где], be hār koja ke [куда-нибудь]* и т. п.;

– *Mān xane-ye kučāki dār rusta ejare kārdām, jaije ke be dur āz šoluqiha-ye šāhr mitāvan zendegi kārd* (Я снял домик в деревне, где можно жить вдали от городской суеты).

3) **Keyfiyāt vā halāt** (образа действия): *hāmant towr ke [таким же образом, как / так же, как], čenan ke [если], beturi ke [как / так что]*, и т. п.;

– *U hāman towr ke mixast ba ma rāftar kārd* (Он относился к нам, так же, как он хотел).

4) **Meqdar** (меры и степени): *ta [чтобы], hār qādr ke [сколько ни ... / как ни...], hārče [сколько ни], čāndan ke [сколько ни ... / как ни...]*, и т. п.;

– *Hārče negah kārdām, pārāndehha bi hārākāt mandānd* (Сколько ни вглядывался, птицы оставались неподвижными).

5) **Ellāt** (причина): *zira [так как], čon [потому что], be ellāte inke [по причине того что], be bāhaneye inke [под предлогом того что], āz bās [поскольку], āz anja ke [оттого что]* и т. п.;

¹ Лекант П. А. Современный русский литературный язык. Москва: АСТ-ПРУСС КНИГА, 2013. 766 с.; Тихонов А. Н. Современный русский язык. Москва: Цитадель-трейд, 2003. 463 с.; Шанский Н. М. Современный русский литературный язык. Ленинград: Просвещение, 1988. 670 с.

² Faršidvard Xosro. Dastur-e mofasale-ye emruz. Tehran: Soxan, 2004. 705 p.

– **Çon** kar daštām, nātāvanestām sār saāt piš-e to beayām (Я не смог прийти к тебе вовремя, **потому что** я был очень занят).

б) **Māqsud** (цель): *bāraye inke* [для того чтобы], *ke* [чтобы] и т. п.;

– **Bāraye inke** mesle šōma veiolon benāvazām tāname omrām ra midāhām (Я бы отдал всю свою жизнь, **чтобы** играть на скрипке, как вы).

7) **Tāqabol** (уступка): *ägār* [если], *ägār çe* [хотя], *hār çänd* [хотя], *ba anke* [несмотря на то, что], *ba vojude anke* [несмотря на то, что] и т. п.;

– **Šāhamāt-e** pesārāš ra tāhsin mikārd, **hārçänd** dār an xami vā naroxtegi midid (Он восхищался храбростью сына, **хотя** и видел в нем непродуманность и незрелость).

8) **Šärt** (условия): *ägār* [если], *be šārti ke* [при условии, что], *dar surāti ke* [в случае, что], *dār hali ke* [если], *ägār çenançe* [в случае, если] и т. п.;

– **Ägār** pišbini-ye u dorost bašād, bezudi äz in gārma-ye taqātfārsa xālas xahim šod (Если его предсказание будет верно, мы скоро избавимся от этой изнуряющей жары).

9) **Estesna** (исключения): *mägār* [за исключением того случая, если...], *mägār inke* [если только не...], *bejoz inke* [за исключением], *be estesnaye inke* [исключая] и т. п.;

– Farda häva bāraye gārdeš aali xahād bud, **mägār inke** baran **nābarād** (Завтра погода будет идеальной для прогулки, **если только не** пойдет дождь).

Сравнивая критерии классификации подчинительных союзов в русском и персидском языках, мы пришли к выводу, что в обоих языках встречаются группы союзов для выражения временных, причинных, целевых, уступительных и условных отношений. Кроме того, союзам, образующим придаточные предложения и выполняющим роль существительных в персидском языке, соответствуют изъяснительные союзы в русском языке.

Среди различий между двумя языками можно указать и то, что в русском языке существуют подчинительные союзы следственные и сравнительные, а группы союзов с такими названиями в классификациях союзов у персидских лингвистов не выделяются. В персидском языке выделяют союзы, выражающие смысловые отношения места, образа действия, меры и степени, исключения, которые выражаются в русском языке союзными словами.

Выводы

Проведя сопоставительный анализ критериев классификации союзов в русском и персидском языках на основе более 40 источников по грамматикам русского и персидского языков, мы пришли к следующим выводам.

В русском языке союзы классифицируются по строению, происхождению, по числу занимаемых в предложении мест, по характеру синтаксических функций и типу выражаемых ими отношений. В персидском языке, в отличие от русского языка, при классификации союзов не учитываются в качестве самостоятельных критерии происхождения и число занимаемых в предложении мест. Эти критерии рассматриваются в рамках строения союзов.

Классификация союзов по смысловым отношениям в персидском языке более дробная, чем в русском языке. Сочинительные союзы по смысловым отношениям в

русском языке представлены 6 группами, тогда как в персидском языке по этому основанию выделяют 8 групп сочинительных союзов. Подчинительные союзы по смысловым отношениям в русском языке представлены 8 группами, а в персидском языке – 11 группами.

В персидском языке встречаются союзы, которые выражаются в русском языке союзными словами или другими частями речи.

Список литературы / References

Белешапкова В. А. *Современный русский язык*. Москва: Азбуковник, 1999. 928 с.

Beloshapkova V. A. *Modern Russian language*. Moscow: Azbukovnik, 1999. 928 p. (In Russ.)

Восканян Г. А. *Русско-персидский словарь: ок. 30000 слов*. Москва: Восток-Запад, 2008. 865 с.

Vaskanian G. A. *Russian-Persian dictionary: about 30000 words*. Moscow: Vostok-Zapad, 2008. 865 p. (In Russ.)

Камынина А. А. *Современный русский язык*. Москва: Издательство Московского университета, 1999. 240 с.

Kamynina A. A. *Modern Russian language*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1999. 240 p. (In Russ.)

Лекант П. А. *Современный русский литературный язык*. Москва: АСТ-ПРУСС КНИГА, 2013. 766 с.

Lekant P. A. *Modern Russian language*. Moscow: AST-PRUSS KNIGA, 2013. 766 p. (In Russ.)

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. *Современный русский язык*. Москва: Айрис-пресс, 2010. 448 с.

Rozental D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. *Modern Russian language*. Moscow: Airis-press, 2010. 448 p. (In Russ.)

Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. Москва: Восточная литература, 2001. 600 с.

Rubinichik U. A. *Grammar of modern Persian literary language*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2001. 600 p. (In Russ.)

Рубинчик Ю. А. *Персидско-русский словарь: в 2 т.* Москва: Русский язык, 1985.

Rubinichik U. A. *Persian-Russian dictionary: in 2 vols*. Moscow: Russkii iazyk, 1985. (In Russ.)

Тихонов А. Н. *Современный русский язык*. Москва: Цитадель-трейд, 2003. 463 с.

Tikhonov A. N. *Modern Russian language*. Moscow: Tsitadel'-treid, 2003. 463 p. (In Russ.)

Шанский Н. М. *Современный русский литературный язык*. Ленинград: Просвещение, 1988. 670 с.

Shanskii N. M. *Modern Russian language*. Leningrad: Prosveshchenie, 1988. 670 p. (In Russ.)

Шведова Н. Ю. *Русская грамматика: в 2 т. Vol. 1.* Москва: Наука, 1980. 792 с.

- Shvedova N. U. *Russian grammar: in 2 vols. Vol. 1*. Moscow: Nauka, 1980. 792 p. (In Russ.)
- Ahmadie givi Hasan, Anvari Hasan. *Dastur-e zaban-e farsi 1*. Tehran: Fatemi, 2012. 271 p.
- Ahmadie givi Hasan, Anvari Hasan. *Dastur-e zaban-e farsi 2*. Tehran: Fatemi, 2012. 419 p.
- Arzhang Golamreza. *Dastur-e zaban-e farsi-ye emruz*. Tehran: Qatreh, 1996. 186 p.
- Farshidvard Khosro. *Dastur-e mofasale-ye emruz*. Tehran: Sokhan, 2004. 705 p.
- Homaunfarokh Abdolrahim. *Dastur-e jame-e zaban-e farsi*. Tehran: Fatemi, 1986. 1256 p.
- Khatibrahbar khalil. *Horuf-e ezafe va rabt*. Tehran: Saadi, 1989. 564 p.
- Shafahi Ahmad. *Mabani-ye elmi-ye dastur-e zaban-e farsi*. Tehran: Novin, 1985. 652 p.
- Shariat Mohammadjavad. *Dasture zabane farsi*. Tehran: Diba, 1994. 467 p.

Сведения об авторах

Махбубех Алиари Шорехдели – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-9624-8099>, m.aliyari@modares.ac.ir, Университет Тарбиат Модарес (к. 132, 1-этаж, 111-14115, гуманитарный факультет Университета Тарбиат Модарес, ул. Джалале-але Ахмад, Тегеран, Иран); **Mahboubeh Aliyari Shorehdeli** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-9624-8099>, m.aliyari@modares.ac.ir, Tarbiat Modares University (room 132, 111-14115, Faculty of Humanities, Tarbiat Modares University, ul. Jalal-ale Ahmad, Tehran, Iran).

Фатеме Ганбари – аспирант; <https://orcid.org/0000-0001-6392-9501>, fateme.ghanbari@modares.ac.ir, Университет Тарбиат Модарес (к. 132, 1-этаж, 111-14115, гуманитарный факультет Университета Тарбиат Модарес, ул. Джалале-але Ахмад, Тегеран, Иран); **Fateme Ghanbari** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0000-0001-6392-9501>, fateme.ghanbari@modares.ac.ir, Tarbiat Modares University (room 132, 111-14115, Faculty of Humanities, Tarbiat Modares University, ul. Jalal-ale Ahmad, Tehran, Iran).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 22.07.2024.

The article was submitted 24.03.2024; Approved after reviewing 08.07.2024; Accepted for publication 22.07.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 18–30.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 18–30.

Научная статья

УДК 811.111-26

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-2>

<https://elibrary.ru/muqapx>

Аллюзивный антропоним-символ как разновидность антропонимического кода культуры

Марина Александровна Ананьина^{1✉}, Ольга Витальевна Томберг²,

^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,

^{1✉} ananinama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>

² olgatomborg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4979-1782>

Аннотация. Современная когнитивная стилистика ставит в качестве одной из целей создание единой и целостной концепции стилистического приема, содержанием исследований становятся языковые способы передачи концептуальной информации в тексте. Данная работа выполнена в русле лингвокогнитивного и лингвокультурологического подхода к изучению механизмов функционирования аллюзивного антропонима-символа как художественного концепта. Аллюзивный антропоним-символ понимается как метаязык культуры вследствие своей семиотичности, первоначального возникновения в сфере культуры и последующего оязыковления в текстах. В структуре значения аллюзивного антропонима-символа выделяются денотативное, сигнификативное и коннотативное значения, устойчивые признаки хранятся в когнитивной базе в виде национально-детерминированного минимизированного инварианта восприятия имени.

Результаты исследования показали, что данные единицы в когнитивном плане представляют собой художественные концепты, актуализируемые в виде представления, понятия, прототипа, эталона, гештальта и фрейма. С когнитивно-стилистических позиций аллюзивный антропоним-символ может быть основан на метонимических или метафтонимических моделях, первичной является метонимизация, на основе которой строится метафора. Таким образом, аллюзивный антропоним-символ функционирует в качестве одной из групп, составляющих антропонимический код культуры.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним, символ, художественный текст, художественный концепт, фоновые знания, антропонимический код культуры

Для цитирования: Ананьина М. А., Томберг О. В. Аллюзивный антропоним-символ как разновидность антропонимического кода культуры // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 18–30. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-1>; EDN: MUQAPX

Allusive anthroponym-symbol as a type of anthroponymic code of culture

Marina A. Ananyina^{1✉}, Olga V. Tomberg²,

^{1,2} Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia,

^{1✉}ananimama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>

²olgatomborg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4979-1782>

Abstract. Modern cognitive stylistics sets as one of its goals the development of a unified and holistic concept of a stylistic device; it aims at studying the linguistic ways of conveying conceptual information in the text. This work is carried out in the context of linguocognitive and linguocultural approach to studying the mechanisms of an allusive anthroponym-symbol as a literary concept. The allusive anthroponym-symbol is understood as a metalanguage of culture due to its semiotic nature, initial emergence in the cultural sphere and subsequent verbalisation in texts. The meaning of an allusive anthroponym-symbol includes denotative, significative and connotative meanings; stable features are stored in the cognitive base in the form of a nationally-determined minimised invariant of the name perception.

The results of the study have shown that these units in a cognitive sense are literary concepts actualised in the form of representation, concept, prototype, model, gestalt and frame. From the cognitive and stylistic positions, an allusive anthroponym-symbol can be based on metonymic or metaphonymic models, the primary one being based on metonymy, from which a metaphor derives. Thus, the allusive anthroponym-symbol functions as a type of anthroponymic code of culture.

Keywords: allusive anthroponym, symbol, literary text, literary concept, background knowledge, anthroponymic code of culture

For citation: Ananyina M. A., Tomberg O. V. Allusive anthroponym-symbol as a type of anthroponymic code of culture. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 18–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-2>; EDN: MUQAPX

Введение

Аллюзивный антропоним и смежные с ним языковые и культурные феномены являются предметом исследования в работах Е. А. Белозеровой, О. А. Бирюковой, К. В. Богдановой, Н. А. Гончаровой, Т. М. Наумовой, М. М. Патиевой, С. М. Пак, Е. С. Петровой, О. А. Постниковой, И. Э. Ратниковой, В. В. Робустовой, М. А. Стещенко, А. А. Фомина, О. И. Фоняковой и др. Многие аспекты, связанные с лингвокогнитивными и лингвокультурологическими особенностями аллюзивных антропонимов-символов, остаются нерешенными. Рассмотрение специфики когнитивных механизмов реализации концептуальных признаков аллюзивного антропонимического символа позволило бы решить ряд задач типологии ономастических концептов, проблем интерпретации художественного текста, особенностей динамического аспекта формирования значения аллюзивного антропонима, его рассмотрения в качестве антропонимического кода культуры и реализации в тексте в виде художественного концепта, что определяет актуальность работы.

Цель исследования заключается в анализе лингвокогнитивных и лингвокультурных особенностей аллюзивного антропонимического символа как антропонимического кода культуры. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) рассмотреть особенности семиотической природы аллюзивного антропонима как

антропонимического кода культуры; 2) проанализировать понятия символа и аллюзивного антропонима-символа; 3) обосновать возможность лингвокогнитивного анализа концепта аллюзивного антропонима-символа и привести типологию концептов аллюзивных антропонимов-символов; 4) отобрать и проанализировать методом сплошной выборки аллюзивные антропонимы-символы в исследуемом материале и сделать необходимые выводы. Новизна работы заключается в попытке выяснить лингвокогнитивные и лингвокультурные особенности аллюзивного антропонима-символа в художественном тексте, разработать типологию концепта аллюзивного антропонима-символа. Материалом исследования послужили рассказы О. Генри, роман А. Кронина «Цитадель», Г. Миллера «Тропик Рака», У. Фолкнера «Свет в августе». Разнообразие материала вызвано желанием рассмотреть вариативность когнитивных форм концепта аллюзивного антропонима-символа независимо от идиостиля автора, что придавало бы результатам объективный характер. В работе используется системно-структурный метод, метод сплошной выборки, концептуальный анализ, контекстуальный анализ, фреймовая семантика. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в теоретические вопросы стилистики английского языка, когнитивной стилистики, проблемы лингвокультурологии. Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения результатов исследования в курсе художественной ономастики, лингвокультурологических основ интерпретации художественного текста.

Основная часть

Аллюзивные антропонимы могут рассматриваться как своеобразный метаязык культуры. Его изучение открывает доступ к исследованию культурных ценностей, в этом смысле данный знак понимается как разновидность антропонимического кода культуры, который М. В. Ковшова определяет как «совокупность собственных имен с конкретной, неопределенно-обобщенной и фикциональной семантикой, обозначающих персоны (реальные и вымышленные, лица и группы лиц) и персонажи (антропные и антропоморфные), которые были выделены в мировой и/или национальной культуре», выделенные в качестве мифологем, символов, эталонов и стереотипов¹. Наличие антропонимического кода в культуре обусловлено сложной семиотической природой антропонима. Аллюзивный антропоним-символ является комплексным знаком, имеющим культурную ценность, это имя человека, получившего известность благодаря каким-либо важным для социума событиям, качествам или ситуации, и имеющим стойкие ассоциации с данными признаками, например, имя Uriah Heep ассоциируется с концептом смирения (humility), Ariel, свободный дух из сказочного произведения У. Шекспира «Буря», – с концептом отсутствия человеческой симпатии и эмоций (indifference). В контексте художественного текста выбор конкретного акцентируемого признака может свидетельствовать об особенностях национальной языковой картины мира и картины мира автора. Можно предположить, что путь вхождения аллюзивного антропонима в культуру и тексты проходит

¹ Ковшова М. В. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2022. С. 150.

этапы символизации. Символ возникает в культуре, упрочивается в ее фактах, подвергается вторичной семиотизации, происходит его оязыковление¹. Антропоним воспроизводит закрепленный за ним смысл, не давая ему исчезнуть. Аллюзивный антропоним-символ переносит тексты, сюжеты, схемы и другие семиотические структуры из одного пласта культуры в другой. Однако не всякий аллюзивный антропоним является символом, поскольку его функционирование в культуре и языке проходит ряд этапов, символические черты возникают на заключительном этапе формирования аллюзивного антропонима, когда процесс апеллятивации носит выраженный характер, и имя попадает в словарь.

На наш взгляд, антропонимический код реализуется в процессе взаимодействия когнитивных структур концепта аллюзивного антропонима с культурными таксонами по определенному алгоритму, в результате чего аллюзивный антропоним-символ получает реализацию в художественном тексте, выполняет предназначенную ему стилистическую функцию.

Рассмотрим соотношение понятий символа и аллюзивного антропонима-символа. В лингвистике существуют разные трактовки символа. Согласно Ю. М. Лотману, символ отличается от других знаков следующими особенностями: 1) у символа план выражения служит для выражения другого, более ценного содержания; 2) самостоятельность плана выражения, наличие отчетливых границ; 3) наличие архаических структур значения; 4) способность сохранять в свернутом виде обширные и значительные тексты; 5) принадлежность нескольким срезам культуры; 6) устойчивость культурного континуума; 7) перенос текстов, сюжетных схем и других семиотических образований из одного пласта культуры в другой; 8) неопределенность в отношении текста-выражения и текста-содержания, смысловые потенции символа шире их «данной реализации»; 9) отражение коллективной памяти; 10) наличие иконичности, подобия плана выражения и содержания². Кроме того, содержательной основой символа является образ, увидеть и понять который можно лишь абстрагировавшись от языкового значения слова и погрузившись в культурный контекст³. Символ обладает богатым импликационалом, бесконечными границами смысловой интерпретации⁴. В философии понятие символа активно разрабатывается в трудах Э. Кассирера. Символизм внутренне присущ человеческому сознанию и «проникает в более глубокие слои сознания, чем это обычно признается»⁵. Смысл символа обладает духовной силой и «открывается только чисто художественному видению, эстетическому «созерцанию»»⁶. Считается, что в основе символа лежат тропы, такие как метонимия,

¹ Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-составители М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. Москва: Гнозис, 2018. С. 19.

² Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. С. 240–249.

³ Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2016. С. 199.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. С. 127.

⁶ Там же. С. 159.

метафора и синекдоха¹. К важнейшим свойствам символов относят комплексность содержания, равноправие реализуемых значений, принцип сложения концептов / понятий, сходство транспозиций переносных значений по типу метафоры, метонимии, синекдохи, имманентную многозначность, архетипичность, встроенность символа в структуру мифа, универсальность символа в отдельно взятой культуре и перекрест символов в разных культурах². Символ принадлежит культуре, попадая в контекст, он начинает оязыковляться и становится вербальным символом культуры³. Символ понимается как знак, избранный в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий и смыслов. Оязыковленный символ является знаком культуры, имеющим ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, и замещающим данный смысл. Аллюзивный антропоним может быть назван символом лишь условно, в структуре его значения нет аналогии плана содержания и выражения, архаические структуры значения также являются факультативным признаком данных ономастических единиц. Аллюзивные антропонимы относятся к культурно-стереотипным символам, которые представляют собой символы современности, «понятные всем представителям данной культуры, с прозрачным либо полупрозрачным основанием переноса»⁴. Процесс символизации антропонима «является промежуточным этапом между окказиональным употреблением личного имени в символическом значении и его апеллятивацией»⁵.

Воспользуемся терминологией, введенной В. В. Красных, для характеристики структуры значения прецедентных имен⁶. Если прецедентное имя функционирует в различных дискурсах и жанрах текста, то аллюзивный антропоним соотносится только с художественными текстами, имея при этом сходную с прецедентным именем концептуальную структуру. Лексическое значение аллюзивного антропонимасимвола включает денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Под денотатом имени понимается «представление об именуемом им “культурном предмете”»⁷. Отмечается, что возможна связь имени с двумя денотатами в индивидуальном когнитивном пространстве. Под сигнификатом имени понимается его связь с понятием, характеристиками и свойствами референта имени, которые приводят к формированию коннотаций. Согласно концепции Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, существует хранящийся в когнитивной базе национально-детерминированный ми-

¹ Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании // Вопросы языкознания. № 4. Москва: Наука, 1997. С. 128.

² Там же. С. 131–141.

³ Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-составители М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. Москва: Гнозис, 2018. С. 122.

⁴ Постникова О. А. Антропонимическая символика в англоязычной культуре: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2009. С. 26.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2002. С. 80.

⁷ Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва: ЛЕНАНД, 2020. С. 69.

нимизированный инвариант восприятия прецедентного имени, содержащий дифференциальные признаки имени¹. Периферия связана с наличием атрибутов, потенциально возможных индивидуальных представлений. Функционирование имени-символа предполагает апелляцию либо к прецедентному тексту, либо к прецедентной ситуации. Аллюзивные имена-символы функционируют только интенционально / коннотативно. В таком случае они выполняют функцию характеристики объекта².

Следует отметить, что отечественная концепция ономаσιологических структур с выделением ономаσιологического базиса (основного концепта, именуемого словом), признака (концепта, характеризующего базис) и предиката-связки (концепта, представляющего отношение между базисом и признаком) сопоставима с теоретическими положениями когнитивной грамматики Лэнгекера³ и теории концептуальной интеграции Фоконье и Тернера⁴.

Аллюзивный антропоним является разновидностью ономастического концепта как универсальной единицы хранения и передачи ономастической информации, это особый тип ономастического знания, определяющего семантику имени собственного, об ономастическом фрагменте действительности. К базовым характеристикам такого концепта относятся ментальность образования, ценностность, комплексность бытования, консервативность и относительная изменчивость, полиобъективация, моноклассифицируемость, многомерность как способность быть выраженным при помощи традиционных единиц когнитивистики, таких как фрейм, концептуальная метафора, концепт-представление, конкретно-чувственный образ, предметный образ⁵. Можно сделать предположение о наличии «готовых» схем в памяти культуры, готовых форм выражения ценностей в виде архетипов, мифологем, стереотипов и других форм⁶. Данная особенность структурирования нашей памяти вызвана, по мнению В. Б. Касевича, естественной адекватной стратегией поведения, которая не может каждый раз строиться заново для каждого индивидуального объекта, явления⁷. С целью изучения концептуальной структуры аллюзивного антропонима-символа было отобрано методом сплошной выборки 64 аллюзивных антропонима-символа из названных выше художественных текстов. В результате анализа мы пришли к выво-

¹ Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-составители М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. Москва: Гнозис, 2018. С. 114.

² Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: ЛЕНАНД, 2022. С. 104.

³ Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.

⁴ Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002. 440 p.

⁵ Щербак А. С. Ономастический концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. Москва: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 150–166.

⁶ Зыкова И. В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. Москва: ЛИБРОКОМ, 2016. С. 81.

⁷ Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. Москва: Языки славянской культуры, 2013. С. 49.

ду, что художественные концепты рассматриваемых единиц актуализируются в тексте в виде таких структур, как представление, понятие, прототип, эталон, гештальт и фрейм. В количественном отношении представлено 20 эталонов, 28 прототипов, 7 представлений, 7 понятий, 1 фрейм и 1 гештальт. Мы можем сделать следующие выводы.

1. Среди аллюзивных антропонимов-символов преобладают прототипы и эталоны. Эталоны являются мерилем, с которым сравниваются другие объекты, эталон можно копировать и ему можно подражать, так как он является точным образцом для подражания. К таким именам принадлежат *Madame Récamier* – как эталон

безупречных манер, *Eve-sister*, *Cupid*, а *Sabine* – как эталоны любви. Прототип отличается от эталона тем, что имеется в виду типичный представитель категории, группы людей. Прототип включает основные дифференциальные, ядерные признаки концепта аллюзивного антропонима-символа, например, *the Good Samaritan* как прототип доброго и сострадательного человека, однако в контексте нашего материала имя используется иронично, с насмешкой: “Ha! **The Good Samaritan**. I understand you’ve done my round for me. Extremely noble. But why should you? Why should that blasted Lewis clear out and leave us to do the work?”¹ Говорящий не доверяет собеседнику, не верит в его бескорыстные намерения. Прототип обретает отрицательную аксиологичность в контексте. Понятием является тип концепта, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики. Аллюзивный символ-понятие актуализирует признаки сигнификата имени, как в примере: “By their faces and manner you can tell that the dogmen are bound in a hopeless enchantment. Never will there come even a **dog-catcher Ulysses** to remove the spell”². Рассказчик размышляет о том, что мужчины, гуляющие с собаками, как правило, незаметно становятся своеобразными слугами животных, и автор намекает на известную ситуацию спасения Одиссеем своих товарищей, превращенных в свиней волшебницей Цирцеей. Имя Улисса используется коннотативно, интенционально, актуализируется обобщенный образ некоего волшебника, который бы не смог расколдовать любителей собак. Символический аллюзивный антропоним способен актуализировать такой текстовый концепт, как представление. Противоречия здесь нет, поскольку в культуре и языке имя может иметь характер символа, но его связь с любым из дифференциальных и атрибутивных признаков постоянно сохраняется и может быть актуализирована при желании автора. Представления связаны с выражением чувственного образа: “He had taken the sackcloth of her uncomeliness, had washed, dried, starched and ironed it, and returned it to her sheer embroidered lawn – the robe of **Venus** herself”³. Имя *Venus* в англоязычной культуре связано с концептами *Appearing*, *Beauty*; *Female beauty*, *Love and Marriage*, *Sex*,

¹ Cronin A. J. *The Citadel*: Книга для чтения на английском языке. Санкт-Петербург: Антология, КАРО, 2005. P. 99.

² O Henry. *Ulysses and the Dogmen* // O Henry 100 Selected Stories. London: Wordsworth Classics, 1995. P. 437.

³ O Henry. *The Brief Debut of Tildy* // O Henry 100 Selected Stories. London: Wordsworth Classics, 1995. P. 84.

Sexuality¹. В данном контексте рассказчик апеллирует к одеянию Венеры, зрительной детали, поэтому мы считаем, что в данном примере концептуальная актуализация концепта осуществляется в форме представления. Гештальт представляет собой концептуальную структуру, целостный образ, совмещающий в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, в которой целостный образ, будучи проще своих составных частей, доминирует над ним: “The walls were thin. After a while the big blonde woman came up the hall, without haste. They could both hear her. She entered. “Get this,” the man said. “She says maybe she likes him best. It’s **Romeo and Juliet**. For sweet Jesus!”² Данная концептуальная структура совмещает два имени, неразрывно связанные в языковой картине мира. В ней присутствуют устойчивые представления о характере отношений между возлюбленными, их чувствах и переживаниях. В контексте происходит переоценка дифференциальных признаков интенционала, в результате приводящая к насмешке над героями. К фреймовой структуре мы относим пример из рассказа О. Генри, в котором героиню по ошибке поцеловал мужчина и сказал ей об этом. Автор иронически пишет о том, что “the kiss had been maudlin and unmeant; the court had not stirred at the false alarm; she must for evermore remain **the Sleeping Beauty**”³. В данном случае имеет место классификационный фрейм, включающий слоты участников ситуации, время, место действия, субъектов фрейма, соотношение предметов / участников действия, характеристику действия (с привлечением энциклопедической информации)⁴.

2. С когнитивно-стилистических позиций, аллюзивный антропоним-символ может быть основан на метонимических, метафорических, метафтонимических моделях, причем первичной является метонимическая транспозиция, осуществляющая связь референта аллюзивного антропонима с широким культурно-историческим пространством. Самыми распространенными метонимическими моделями являются носитель свойства вместо свойства (Tolstoi – the ideas of Tolstoi) и ее варианты: категория вместо базовой характеристики, имя – произведение, герой / лицо – судьба / сюжет / хобби, исполнитель действия вместо действия, имя – ситуация / статус / эпоха / национальная символика.

3. С точки зрения культурной значимости, эталоны являются символами таких ценностей, как манера поведения в обществе (Madame Récamier), любви, любовных отношений (Prince Charming, a mark of Cupid, an Eve-sister, a Sabine, the Old Adam and the Old Eve), доброты (Gabriel himself, The Good Samaritan, Christ), высокого со-

¹ The Oxford Dictionary of Allusions / ed. by A. Delahunty, Sh. Dignen, P. Stock. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. P. 451.

² Faulkner W. Light in August: Книга для чтения на английском языке. Санкт-Петербург: Антология, КАРО, 2006. P. 168.

³ O Henry. The Brief Debut of Tildy // O Henry 100 Selected Stories. London: Wordsworth Classics, 1995. P. 85.

⁴ О структуре фрейма см.: Томберг О. В., Ананьина М. А. Фреймовая структура аллюзивного антропонима как художественного концепта (на материале романа Донны Тартт «Тайная история» / Donna Tartt “The Secret History”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 2. С. 564–572. <https://doi.org/10.30853/phil20240081>

циального положения женщины (the Queen of Sheba), дипломатичности (a regular Machiavelli), влиятельности, масштаба личности (Napoleon – 3 times, Emperor Christophe), таланта ученого, писателя, художника (a Fleming, Loius Pasteur). Прототипы являются носителями таких ценностей, как типичный добродетельный человек (the Good Samaritan, a Good Samaritan), типичный ученый, персона нон грата (unwitting Lears), типичный представитель профессии / рода деятельности (Nat Gould, Astor), прототипическая харизматичность (Mr Rochester – about the behavior of a duckling), типичная феминистка (a shining Joan of Arc), а также к этой группе относятся женщины-сплетницы, любители многословия и многоречивости (Mrs Gaskell), типичное проявление слабости (The new Achilles), символ государства (Cathlin – the symbol of Ireland, Uncle Sam – the USA, Miss Panama – developing countries), типичный любовник (Romeo), толстяк (Falstaff), типичный представитель зла (Satan), типичная внешность (a Van Dyke beard), богатство (Aladdin's trove, Aladdin's haul.) Представления связаны с культурными ценностями различных образов (the robe of Venus), образа героя любовного романа, чопорности, подчеркнутой вежливости (Mr Rochester – имя утенка по его поведению), образа историка, летописца (Herodotus), героев античности (Brutus, Cato), образа безнравственной женщины (юмористич. – Manon Comtesse de Lascot), образа мудреца (Mr Wren). Понятия выражают такие ценностные аспекты, как обобщенный признак любви к удовольствиям (the Bacchae), манера письма, стиль (Gertrude Stein), стихия воды, мощь (the sleeping Leviathan), способность к волшебству (Ulysses), философским мыслям (Tolstoi), трагизм ситуации (Melpomene), красота в различных проявлениях (Amaryllis, Flora), сатира (Monus), нездоровье (St. Vitus' dance). Мы можем констатировать наличие ценностей и антиценностей, транслируемых аллюзивным антропонимом-символом в исследованном материале.

Выводы

Аллюзивные антропонимы-символы имеют большую значимость в культуре и могут быть рассмотрены как антропонимический код, отражающий систему ценностей, ритуалов и правил благодаря своей семиотической природе и связи с иными культурно-историческими пространствами.

Аллюзивный антропоним-символ является комплексным знаком, имеющим культурную ценность, это имя человека / антропоморфного существа, получившего известность благодаря каким-либо важным в культуре и социуме качествам и имеющего стойкие ассоциации с данными признаками, отражаемыми данными знаками. Символическая природа аллюзивного антропонима проявляется в интенциональном, коннотативном использовании в художественном тексте и значимости транслируемых признаков в лингвокультурном сообществе.

Аллюзивные антропонимы-символы в плане выражения являются знаками, именами собственными, они актуализируются в виде ономастических художественных концептов, которые могут выступать в качестве представления, понятия, прототипа, эталона, гештальта и фрейма. Процесс актуализации аллюзивного антропонима-символа представляет собой в когнитивном плане результат взаимодействия различных лингвокультурных когнитивных пространств.

Отобранный материал свидетельствует о количественном превосходстве когнитивных структур прототипа и эталона, а также о важности таких ценностей, передаваемых аллюзивным антропонимом-символом, как любовь, доброта, добродетель, дипломатичность, влияние, талант, деятельность. К антиценностям относятся отсутствие добродетели, зло, слабость, любовь к удовольствиям и многословие. Когнитивная структура аллюзивного антропонима-символа может быть основана на метонимических, метафорических, метафтонимических моделях, причем первичной является метонимическая транспозиция, осуществляющая связь референта аллюзивного антропонима с широким культурно-историческим пространством. На основе метонимии строится метафора, а весь комплексный характер транспозиции основан на метафтонимии. Перспективным является проведение подобного исследования на более обширном материале.

Список литературы / References

Гудков Д. Б. *Прецедентное имя и проблемы прецедентности*. Москва: ЛЕНАНД, 2020. 152 с.

Gudkov D. B. *Precedent name and the problems of precedence*. Moscow: LENAND, 2020. 152 p. (In Russ.)

Гудков Д. Б. *Теория и практика межкультурной коммуникации*. Москва: ЛЕНАНД, 2022. 200 с.

Gudkov D. B. *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: LENAND, 2022. 200 p. (In Russ.)

Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 2000. 396 с.
Gumbol'dt V. fon. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 2000. 396 p. (In Russ.)

Зыкова И. В. *Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое*. Москва: ЛИБРОКОМ, 2016. 368 с.

Zykova I. V. *Culture as an information system: Spiritual, mental, material-significant*. Moscow: LIBROKOM, 2016. 368 p. (In Russ.)

Касевич В. Б. *Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности*. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 185 с.

Kasevich V. B. *Cognitive linguistics: In search of identity*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013. 185 p. (In Russ.)

Кассирер Э. *Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания*. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. 397 с.

Kassirer E. *Philosophy of symbolic forms. Vol. 3. Phenomenology of cognition*. Moscow; St Petersburg: Universitetskaia kniga, 2002. 397 p. (In Russ.)

Ковшова М. Л. *Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры*. Москва: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

Kovshova M. L. *Linguocultural method in phraseology: Cultural codes*. Moscow: LENAND, 2016. 456 p. (In Russ.)

Ковшова М. Л. *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры*. Москва: ЛЕНАНД, 2022. 400 с.

Kovshova M. L. *Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture*. Moscow: LENAND, 2022. 400 p. (In Russ.)

Красных В. В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. Москва: Гнозис, 2002. 282 с.

Krasnykh V. V. *Ethnopsycholinguistics and linguocultural studies*. Moscow: Gnozis, 2002. 282 p. (In Russ.)

Кубрякова Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

Kubriakova E. S. *Language and knowledge: Towards the knowledge of language: parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in understanding the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 555 p. (In Russ.)

Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Lakoff J. *Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 792 p. (In Russ.)

Лотман Ю. М. *Семiosфера*. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ, 2000. 704 с.

Lotman Ju. M. *Semiosphere*. St Petersburg: Iskusstvo–SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)

Постникова О. А. *Антропонимическая символика в англоязычной культуре: дис. ... канд. филол. наук*. Санкт-Петербург: [б. и.], 2009. 219 с.

Postnikova O. A. *Anthroponymic symbolism in English culture: Cand thesis in Philological Sciences*. St Petersburg, 2009. 219 p. (In Russ.)

Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-составители Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Москва: Гнозис, 2018. 189 с.

Dictionary of linguocultural terms. Compiled by Kovshova M. L., Gudkov D. B. Moscow: Gnozis, 2018. 189 p. (In Russ.)

Томберг О. В., Ананьина М. А. Фреймовая структура аллюзивного антропонима как художественного концепта (на материале романа Донны Тартт «Тайная история» / Donna Tartt «The Secret History»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2024, т. 17, вып. 2, с. 564–572. <https://doi.org/10.30853/phil20240081>

Tomberg O. V., Anan'ina M. A. Frame structure of allusive anthroponym as a literary concept (on the material of Donna Tartt's novel "The Secret History"). *Philology. Theory & Practice*, 2024, vol. 17, iss. 2, pp. 564–572. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20240081>

Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа. *Вопросы языкознания*, № 4. Москва: Наука, 1997, с. 125–143.

Shelestiuk E. V. On the linguistic study of the symbol. *Topics in the Study of language*, no. 4. Moscow: Nauka, 1997, pp. 125–143. (In Russ.)

Щербак А. С. Ономастический концепт как единица знания. *Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке*. Москва: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009, с. 150–166.

Shcherbak A. S. Onomastic concept as a unit of knowledge. *Cognitive studies of language. Iss. IV. World conceptualisation in language*. Moscow: Institut iazykoznaniiia RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009, pp. 150–166. (In Russ.)

Cronin A. J. *The Citadel: Книга для чтения на английском языке*. Санкт-Петербург: Антология; КАРО, 2005. 478 p.

Cronin A. J. *The Citadel: A book for reading in English*. St Petersburg: Antologiiia; KARO, 2005. 478 p.

Fauconnier G., Turner M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books, 2002. 440 p.

Faulkner W. *Light in August: Книга для чтения на английском языке*. Санкт-Петербург: Антология, КАРО, 2006. 445 с.

Faulkner W. *Light in August: English reading book*. St Petersburg: Anthology, KARO, 2006. 445 p.

Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar*. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.

Miller H. *Tropic of Cancer: Книга для чтения на английском языке*. Санкт-Петербург: КАРО, 2005. 352 с.

Miller H. *Tropic of Cancer: English reading book*. St Petersburg: Anthology, KARO, 2005. 352 p.

O. Henry. *100 Selected Stories*. London: Wordsworth Classics, 1995. 735 p.

The Oxford Dictionary of Allusions; ed. by A. Delahunty, Sh. Dignen, P. Stock. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. 453 p.

Сведения об авторах

Марина Александровна Ананьина – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>, ananinama@yandex.ru, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (д. 51, пр-т Ленина, 620000 Екатеринбург, Россия); **Marina A. Ananyina** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>, ananinama@yandex.ru, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (51, pr. Lenina, 620000 Yekaterinburg, Russia).

Ольга Витальевна Томберг – доктор филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-4979-1782>, olgotomberg@yandex.ru, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (д. 51, пр-т Ленина, 620000 Екатеринбург, Россия); **Olga V. Tomberg** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-4979-1782>, olgotomberg@yandex.ru, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (51, pr. Lenina, 620000 Yekaterinburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 24.07.2024.

The article was submitted 26.06.2024; Approved after reviewing 10.07.2024; Accepted for publication 24.07.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 31–40.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 31–40.

Научная статья
УДК 811.9'373.47
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-3>
<https://elibrary.ru/jtmbll>

**Лексические единицы конланга на'ви:
аспекты восприятия носителями русского языка**

Анастасия Андреевна Баскова

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

anastasiya_basko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>

Аннотация. Описание лексем конланга на'ви из речи персонажей фильма «Аватар» направлено на выявление особенностей их восприятия носителями русского языка в ходе ассоциативного эксперимента. Материал исследования составляют 18 слов-стимулов, отобранных из на'ви-русских электронных словарей, и 320 реакций, представленных двадцатью участниками эксперимента в возрасте от 18 до 24 лет. Реакции были даны участниками эксперимента в процессе выполнения ими трех письменных заданий, связанных с их первичными ассоциациями на слова-стимулы. Результаты эксперимента выявили наличие семи типов ассоциативной связи, среди которых превалирует фонетический тип, так как реакцию респондентов определяет озвученное ими графическое оформление лексем. При соотношении изображения со стимульным материалом доминировал описательный тип восприятия. Новизна проведенного исследования заключается в применении психолингвистического метода ассоциативного свободного эксперимента к изучению аспектов восприятия вымышленного авторского языка.

Ключевые слова: конланг, восприятие, свободный ассоциативный эксперимент, стимул, реакции

Для цитирования: Баскова А. А. Лексические единицы конланга на'ви: аспекты восприятия носителями русского языка // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 31–40. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-3>; EDN: JTMBLL

Lexical units of conlang na'vi: perception aspects by Russian native speakers

Anastasiya A. Baskova

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,

anastasiya_basko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>

Abstract. Through an associative experiment, the description of na'vi conlang lexemes in Avatar reveals how Russian native speakers perceive them. The data consist of 18 stimulus words chosen from na'vi Russian electronic dictionaries, and 320 responses to the materials are analyzed using both quantitative and qualitative methods. A group of twenty participants, aged between 18 and 24, were

asked to write down the initial associations caused by the stimulus material. The experiment's findings revealed seven types of associative connections, with the phonetic type prevailing, as the respondents' reactions were determined by the graphic lexeme presentation they expressed. Descriptive perception was the dominant type revealed when relating the image to the stimulus material. The originality comes from applying psycholinguistic method of free associative experiment to explore conlang perception.

Keywords: conlang, perception, free associative experiment, stimulus, response

For citation: Baskova A. A. Lexical units of conlang Na'vi: perception aspects by Russian native speakers. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 31–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-1>; EDN: JTM BLL

Введение

Язык, искусство и социум тесно связаны посредством воздействия на человеческое сознание, мироощущение и языковую картину мира. Актуальность данной работы обусловлена мотивированностью современного общества на создание персональных искусственных языков, растущей заинтересованностью в исследовании конлангов и изучением аспектов их восприятия носителями русского языка¹.

Следует уточнить, что конланг – это язык, грамматика, фонология, морфология и лексический строй которого намеренно конструируются и иногда базируются на компонентах уже существующих языков². Его целью является осуществлять коммуникацию людей или человекоподобных существ в какой-либо вымышленной вселенной³. Изучаемый искусственный язык на'ви является вымышленным агглютинативным конлангом эргативно-аккузативного строя одноименного племени на планете Пандора в кинематографической вселенной режиссера Джеймса Кэмерона «Аватар». Конланг разрабатывался лингвистом Полом Фроммером с 2005-го года в течение шести месяцев при участии одного из самых известных типологов – Бернарда Комри. По своей структуре на'ви напоминает австралийские и папуасские языки, но сам П. Фроммер отмечал схожесть некоторых лексем с немецким и полинезийским языками, а также филиппинским образцом инфиксации глагольных форм. По сюжету носителями языка стали синекотские гуманоидно-человекоподобные трехметровые существа, с внешними признаками семейства кошачьих: хвост, острые подвижные уши, клыки, нос, характерное шипение в ситуации драки, неприятия или опасности.

В процессе восприятия важную роль играют индивидуальные особенности личности. На то, как люди воспринимают объективную реальность, влияют их знания, интересы и эмоциональное отношение к окружающему. Уникальность каждого человека отражается и в индивидуальности его восприятия. По А. Г. Маклакову, восприятие – это целостное отражение предметов, явлений или ситуаций, возникающих при воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов

¹ Пиперски А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. Москва: Альпина нон-фикшн, 2017. 158 с.

² Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. Москва: 1989.ru, 2006. 183 с.

³ Destrue M. Reality in Fantasy: linguistic analysis of fictional languages. Boston: Morrissey College of Arts and Sciences, 2016. 99 p.

чувств. Как следствие, все окружающее человек воспринимает в качестве полновесных образов, следовательно, восприятие базируется на ощущениях, но немаловажными компонентами будут и личный опыт, такие психические процессы, как мышление и память¹.

Хотя и существуют значительные индивидуальные различия в восприятии, можно выделить определенные типы этих различий, которые характерны для целых групп людей.

А. Г. Маклаков выделяет несколько типов восприятия:

1) **целостный, или синтетический**: у склонных к нему лиц ярче представлено общее впечатление от предмета, общее содержание восприятия, общие особенности того, что воспринято;

2) **детализирующий или аналитический**: лица с данным типом склонны к четкому выделению деталей и подробностей;

3) **описательный**: лица, относящиеся к этому типу, ограничиваются фактической стороной того, что видят и слышат, не пытаются объяснить себе суть воспринятого явления;

4) **объяснительный**: лица, относящиеся к этому типу, всегда стремятся объяснить увиденное или услышанное;

5) **объективный**: для лиц этого типа восприятия характерно строгое соответствие тому, что происходит в действительности;

б) **субъективный**: лица с этим типом восприятия выходят за пределы того, что им дано фактически, и приносят многое от себя и говорят о том, что чувствовали или что думали в момент восприятия.

Цель данного исследования – выявление особенностей восприятия лексических единиц конланга на'ви носителями русского языка с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Процедура его проведения заключается в следующем: первый компонент – стимул, слово, активизирующее ассоциативные связи, которые подводят реципиента к вербализации ассоциации, второй – индивидуальная речемыслительная деятельность индивидуума, третий – реакция реципиента. Следует указать, что Ю. Н. Караулов объясняет «стимул» так: «Слово-стимул при ассоциативном эксперименте выступает как импульс, “запускающий” процесс активации в сети и приводящий в предречевую готовность значительный ее участок, в результате чего испытуемый вербализует один из находящихся в предречевой готовности узлов»². Ограничений на реакции не существует, реципиент получает список стимулов и в течение 5–6 сек фиксирует реакцию. По В. Е. Гольдину и А. П. Сдобновой, ассоциативная реакция испытуемого на стимул – это контекст (в широком смысле данного слова), выделяющий ту сторону стимула, для которой в текущем состоянии испытуемого обнаружилась содержательная и/или формальная связь³.

¹ Маклаков А. Г. Общая психология. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 583 с.

² Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.

³ Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. К проблеме коммуникативного анализа ассоциативных данных // Известия Саратовского университета. 2012. № 12 (3). С. 3–7. EDN: PMYKPN

Метод эксперимента в лингвистике позволяет изучать систему языка и его уровень с помощью контролируемых условий, созданных исследователем, и регулирования процедуры проведения эксперимента¹.

В данной работе метод ассоциативного эксперимента применяется для изучения лексической системы конланга на'ви с помощью контролируемых условий, созданных исследователем. Методика исследования далее включает описательный метод для представления результатов эксперимента, а также метод сопоставительного анализа для выявления общих и различительных черт восприятия лексем выбранного конланга различными группами носителей русского языка. Для изучения количественных данных используется описательная статистика.

Материал исследования насчитывает 18 слов-стимулов, отобранных из на'ви-русских электронных словарей, и 320 реакций, которые подвергаются количественному и качественному методам анализа².

Основная часть

При выборе лексем использовался принцип рандомизации тематически связанных лексем с описываемой вселенной с упором на фонетически-необычное оформление слова, что определяет их уникальность и дает специфическую окраску стимльному материалу.

В эксперименте приняли участие 20 респондентов, возрастом от 18 до 24 лет. Шесть из них были знакомы с языком и/или фильмом. Всем респондентам был предложен список из 18 лексем с тремя разными заданиями.

1. Какие ассоциации вызывают у вас следующие слова? Ориентируясь на свое воображение и графическое оформление слова, ответьте, пожалуйста, первым пришедшим в голову словом (или словами).

2. Какие ассоциации вызывают у вас следующие слова с переводом? Ориентируясь на свое воображение, графическое оформление слова и его перевод, ответьте, пожалуйста, первым пришедшим в голову словом (или словами).

3. Подчеркните тот вариант слова-стимула, который, по вашему мнению, описывает изображение. Объясните, почему вы так думаете?

В предоставленной респондентам экспериментальной анкете стимульный материал разделен согласно трем заданиям: первое – слово-стимул (лексема языка на'ви) без перевода на русский язык, второе – слово-стимул с переводом на русский язык, а в третьем задании предлагалось выбрать наиболее подходящий по их мнению вариант лексеммы из трех предложенных к изображению представителя фауны, а также дать краткое объяснение³. 320 полученных реакций были распределены по семи типам ассоциативной связи и по шести типам восприятия.

В приведенных выше условиях эксперимента мы указали, что часть респондентов была знакома с фильмом и/или языком на'ви до начала эксперимента. В резуль-

¹ Щербакова М. В. Психолингвистический аспект восприятия текста // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 49–52. EDN: YNEKTF

² Learn Na'vi. URL: <https://learnnavi.org/> (дата обращения: 12.10.2023).

³ Денисенко В. Н., Чеботарева Е. Ю. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации. Москва: РУДН, 2008. 258 с.

тате исследования было выявлено, что опыт ознакомления респондентов с фильмом и/или языком не повлиял на восприятие лексических единиц языка на'ви, что дает основание говорить об отсутствии различий в реакциях между теми, кто был знаком с кинематографической и игровой вселенной «Аватар», и теми, кто был с ней незнаком.

В первом задании участникам эксперимента предлагалось записать первичные ассоциации, вызванные следующим стимульным материалом – десятью лексическими единицами разных частей речи языка на'ви (2 существительных, 3 прилагательных, 5 глаголов): *Nantang* (змееволк), *paɯwll* (данофет – растение), *kalin* (сладкий), *lekye'ung* (безумный), *onlor* (ароматный), *fak'a* (поднимать), *kaltx'i si* (неприветствовать), *o'iss si* (шикнуть), *nrr* (блестеть), *run* (находить). Далее реакции распределялись согласно семи типам ассоциативных связей – парадигматическому, синтагматическому, дифференциальному признаку, реакциям невыясненного происхождения, фонетическому, тематическому, категориальному.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что:

1) фонетический тип связи составляет 64 реакции, пример: стимул № 9 – Nгг: нырять; гром; гrrr; игнор; mrrr (3); нора; спать; храп; рык (2); рёв;

2) тип «реакции невыясненного происхождения» составляет 58 реакций, пример: стимул № 8 – Oɪssssi: вечер; направо; ножницы; слушать; французский; оставить в живых; себя;

3) тип «дифференциальный признак» составляет 35 реакций, пример: стимул № 2 – Paɯwll: бездомный; мужское имя;

4) тип «категория» составляет 35 реакций, пример: стимул № 1 – Nantang: название города (2); дракон; имя; название реки; оружие (2); животное;

5) тематический тип связи составляет 3 реакции, пример: стимул № 4 – Lekye'ung: темное наречие; стимул № 5 – Onlor: что-то связанное с валие или майэ; стимул № 10 – Run: Форест.

Парадигматического и синтагматического типа связей не выявлено, так как респонденту достаточно сложно продемонстрировать реакцию на незнакомую ему единицу или лексему-ассоциацию того же класса и, например, составить с ней словосочетание, что подтверждается соответствующим комментарием от респондента в анкете в поле для объяснения.

Результаты анализа подтвердили гипотезу о том, что превалирует фонетический тип связи, так как графическое оформление лексемы и ее предполагаемое звучание чаще всего определяет реакцию респондентов. В количественной градации следующим типом является тип «реакции невыясненного происхождения» по причине отсутствия комментариев от самих респондентов. Типы «категория» и «дифференциальный признак» имеют равное число реакций, поэтому выдвигается гипотеза о необходимости для респондента классифицировать незнакомый ему лексический материал, чтобы в случае затрудненной реакции прийти к предполагаемой истине через существующие для него реалии. Согласно полученным данным, тематический тип связи наименее продуктивен.

Во **втором** задании участникам эксперимента предлагалось записать первичные ассоциации, вызванные стимульным материалом с переводом на русский язык из

интернет-источников Learn Na'vi и Pandora форум (5 существительных): 'angts`ik – *Молотоглав*, *suuratan* – *биолюминесценция*, *Toruk* – *большой леоноптерикс*, *tsaheyli* – *нейросвязь*, *unilt`irantokx* – *аватар*.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что:

1. Тип «категория» составляет 29 реакций и является самым продуктивным типом связи, пример: стимул № 5 – unilt`irantokx (аватар): «управляемый объект, оболочка, божество, существо». Тип связи «категория» имеет наибольшее количество реакций, так как для человеческого сознания характерно категоризировать незнакомые или малознакомые лексемы для большего понимания полученной информации и накапливать ментальный лексикон¹.

2. Тип «дифференциальный признак» составляет 26 реакций, пример: стимул № 5 – unilt`irantokx (аватар): «3 метра, синий»; «большой синий человек с хвостом и ушами как у рыси»; «воплощение человека в некоем биологически активном теле»; «металлический»; «синие люди»; «тело»; «хвост». В данном типе связи не наблюдается повторение реакций, каждая лексема имеет свои дифференциальные признаки, отражающие предмет или явление, что позволяет относить их к подобному типу связи.

3. Парадигматический тип связи представлен 15 реакциями, пример: стимул № 2 – suuratan (биолюминесценция): «сияние», «свет» (4), «люмен». Здесь выявлены повторяющиеся реакции, а ассоциативное поле составляют только существительные.

4. Тип «реакции невыясненного происхождения» представлен 13 реакциями, пример: стимул № 5 – unilt`irantokx (аватар): «проявление», «некромант», «марка машины», «литератор», «земля», «уникум».

5. Фонетический тип связи представлен 13 реакциями, пример: стимул № 3 – Toruk (большой леоноптерикс): «торчат», «топор» (2), «турок (2)». Здесь выявлено повторение 3 реакций.

6. Тематический тип связи представлен 6 реакциями, пример: стимул № 1 – 'angts`ik (Молотоглав): «орочь»; стимул № 3 – Toruk (большой леоноптерикс): «торрукмакто»; стимул № 4 – tsaheyli (нейросвязь): «аватар», «Эйва». Данный тип связи имеет отсылки к «Аватару» и «Властелину Колец».

7. Синтагматический тип связи представлен 2 реакциями, пример: стимул № 3 – Toruk (большой леоноптерикс): «большой»; стимул № 5 – unilt`irantokx (аватар): «необычный». Данный тип связи является наименее продуктивным, ассоциативное поле включает только имена прилагательные. Три из пяти стимулов не имеют реакций: стимул № 1 – 'angts`ik (Молотоглав), стимул № 2 – suuratan (биолюминесценция), стимул № 4 – tsaheyli (нейросвязь).

На основании всего вышесказанного мы можем констатировать, что наличие переводов в данном задании способствовало меньшей фиксации (в сравнении с предыдущим заданием) участников эксперимента на графическом оформлении лексем, вследствие реагирования участниками именно на перевод, а не на лексему на'ви.

¹ Доценко Т. И. Категориальность и ментальный лексикон // Социо- и психолингвистические исследования. 2011. № 15. С. 74–85. EDN: TCFLMZ

Этой же причиной можно объяснить наименьшее количество реакций синтагматического типа связи.

В третьем задании участникам эксперимента предлагалось выбрать одну из трех лексических единиц, на их взгляд, описывающих ситуацию, предмет или явление. Дан набор лексем: 1) *ikran*, 2) *prrkxentrkr*, 3) *skhawng*; графическое изображение предмета: представителя фауны – икрана; слот для комментария-объяснения, почему именно эта лексема является правильным ответом. Далее комментарии распределялись согласно шести типам восприятия: целостный, аналитический, описательный, объяснительный, объективный, субъективный¹.

Восемь из двадцати респондентов смогли правильно определить нужную лексему № 1 “*ikran*”. Три комментария связаны с графическим оформлением лексемы, где респонденты указали на схожесть с мужским именем, названием животного и лексемой русского языка, по звучанию похожей на слово-стимул. В первом случае (пример реакции: «*первое слово ассоциируется с мужским именем*») присутствует синтетический тип восприятия, а во втором (пример: «*абсолютно ничем не руководствовалась. Наверное, внутренняя интуиция. Хотя дракон похож на игуану. Поэтому этих рептилий я объединила первой буквой*») и третьем («*он из икры вылупился*») случаях – аналитический. Один респондент описательно отреагировал на предложенное изображение, а не на стимульный материал: «*ikran – красивая большая птица*». Еще один респондент указал на фонетическое сходство с предполагаемым звуковым «сопровождением» данного представителя животного мира, а также добавил ассоциации к оставшимся лексемам: «*ikran – громкий крик; prrkxentrkr – длинное что-то, skhawng – злоба*»; интересно, что последняя лексическая единица имеет пренебрежительный оттенок и переводится как ругательство – «дурак», поэтому ассоциация «злоба» вполне оправдана и указывает на аналитический тип восприятия с опорой на графическое и фонетическое оформление лексической единицы.

В следующих трех комментариях респонденты сообщили о знании изображенного явления в силу их заинтересованности фантастическим фильмом «Аватар». Приведем их комментарии: 1. «*икран – животное, знаю потому что*»; 2. «*кажется, их так в фильме звали*»; 3. «*их вроде так и звали*». Комментарии можно отнести к описательному типу восприятия, так как респонденты руководствовались своими знаниями, фактической стороной личностного опыта, о чем их опрашивали перед экспериментом.

Большинство участников эксперимента отдали предпочтение лексеме № 2 “*prrkxentrkr*”, в переводе «учебное слово-скороговорка». В ниже представленных реакциях видно, что респонденты ориентировались на графическое оформление слова. Выявлено четыре сходных комментария описательного типа, в которых фигурируют такие прилагательные, как «непонятный» и «нереальный»: 1. «*prrkxentrkr, непонятное слово к непонятному существу*»; 2. «*такое же непонятное, как и существо на фотке*»; 3. «*удачное название для такого непонятного и страшного существа*»; 4. «*нереальное животное обозначает нереальное (для меня) слово*». Эти четыре комментария подтверждают восприятие поверхностное, без построения логи-

¹ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2011. 487 с.

ческих связей и желания проанализировать увиденное вследствие отсутствия попыток со стороны испытуемых попробовать объяснить ассоциацию или проанализировать, почему существо на изображении кажется им непонятным. Фонетической стороной лексемы воспользовались двое респондентов и указали наличие шестикратной буквы “r” в написании слова и сходство с рычащей, как правило, манерой издавать звуки такими животными как дракон: 1. «*rrkxentrrkrr – похоже на звуки, издаваемые созданием*»; 2. «*звучит как название дракона*». Еще двое респондентов указали сходство лексемы с названием одного из динозавров юрского и мелового периодов – птеродактилем, поскольку в стимульной лексеме присутствует двенадцать согласных: 1. «*Возникает ассоциация со словом “птеродактиль”, которое напоминает драконов*»; 2. «*2-е похоже на птеродактиля*». Синтетический тип восприятия дает понять, какое общее впечатление сложилось от изображения и данных лексем. Последний комментарий является аналитическим по своему типу, так как респондент сначала узнает язык, но без особой уверенности, а потом объясняет вызванную ассоциацию следствием некоторой осведомленности о кинематографической вселенной «Аватар» и предполагает примерное применение данного явления: «*prrkxentrrkrr (язык нави?) не знаю, что оно значит, но ассоциация...может быть, какая-то связь. Как в фильмах. Народ нави “подсоединялся” к другим существам, чтобы их приручить и т. д*».

Лексему № 3 “*skxawng*” (в переводе «дурак») выбрали три респондента. Комментарий «*3, потому что просто этому дракону подходит это имя, на мой взгляд*» характеризует синтетический тип восприятия (влияние изображения и графического оформления лексемы). Следующий комментарий соответствует аналитическому типу, так как здесь наблюдается так называемый «словообразовательный феномен» толкования слова по его составным частям: «*дракон: skxa – угол, wng – крыло, углокрыл*». Интересно, что интерпретируемое слово “wng” напоминает английскую лексему “wing” – крыло. Трудно определить, чем руководствовался респондент при реагировании на слово-стимул. Последний испытуемый оставил слот для объяснения незаполненным, следовательно, комментарий отсутствует.

Выводы

В результате проведенного исследования мы выяснили, что в каждом типе связи вокруг каждого слова-стимула респонденты образовали ассоциативное поле из разных частей речи с включением тематической лексики; при этом наиболее частотной частью речи является существительное, как и среди слов-стимулов. Ассоциации представляются респондентами описательно; в тематическом типе связи выявляются индивидуальные реакции, связанные с интересующими респондентов сферами деятельности, данные о чем мы получили из комментариев к стимульному материалу, в редком случае – из индивидуального взаимодействия до и после эксперимента. В ходе описанного выше свободного ассоциативного эксперимента через экспериментальное анкетирование респондентов было также выявлено наличие семи типов ассоциативной связи, однако, согласно результатам анализа, не во всех заданиях экспериментальной анкеты присутствовали все семь типов связи. Фонетический тип связи превалировал в задании со стимульным материалом без перевода, парадигма-

тический и категориальный – в задании со стимульным материалом с переводом. Задание на соотнесение графического изображения со стимульным материалом позволило выявить доминирование описательного типа восприятия. Следует оговориться, что 6 из 20 респондентов в разной степени были знакомы со вселенной «Аватар», тем не менее различий при анализе реакций между группой тех, кто знаком с фильмом и/или языком, и тех, кто не знаком, не выявлено. Обе группы респондентов в первом задании реагировали непосредственно на стимульный материал, часто ассоциируя его с известными им языками, а также фокусируясь на графическом оформлении лексемы и ее предполагаемом звучании, во втором задании с переводом лексемы на'ви на русский язык они реагировали только на перевод, а в третьем задании «изображение-выбор подходящей лексемы-комментарий» они описательно реагировали на изображение, а затем выбирали лексему; пример реакции, оставленной в экспериментальной анкете в поле для комментариев: «такое же непонятное как и существо на фотке».

Список литературы / References

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. К проблеме коммуникативного анализа ассоциативных данных. *Известия Саратовского университета*, 2012, № 12 (3), с. 3–7. EDN: PMYKPN

Gol'din V. E., Sdobnova A. P. To the problem of the communicative analysis of associative data. *Izvestiya of Saratov University*, 2012, no. 12 (3), pp. 3–7. (In Russ.) EDN: PMYKPN

Денисенко В. Н., Чеботарева Е. Ю. *Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации*. Москва: РУДН, 2008. 258 с.

Denisenko V. N., Chebotareva E. Yu. *Modern psycholinguistic methods of analysing speech communication*. Moscow: RUDN, 2008. 258 p. (In Russ.)

Доценко Т. И. Категориальность и ментальный лексикон. *Социо- и психолингвистические исследования*, 2011, № 15, с. 74–85. EDN: TCFLMZ

Dotsenko T. I. Categorisation and mental vocabulary. *Sociolinguistic and psycholinguistic research*, 2011, no. 15, pp. 74–85. (In Russ.) EDN: TCFLMZ

Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим, 2011. 487 с.

Zherebilo T. V. *Linguistic terms dictionary*. Nazran': Piligrim, 2011. 487 p. (In Russ.)

Караулов Ю. Н. *Ассоциативная грамматика русского языка*. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.

Karaulov Yu. N. *Russian language associative grammar*. Moscow: Russkii iazyk, 1993. 330 p. (In Russ.)

Маклаков А. Г. *Общая психология*. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 583 с.

Maklakov A. G. *General psychology*. St Petersburg: Piter, 2008. 583 p. (In Russ.)

Пиперски А. *Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского*. Москва: Альпина нон-фикшн, 2017. 158 с.

Piperski A. *Constructing languages: from Esperanto to Dothraki*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2017. 158 p. (In Russ.)

Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. *Интернет-лингвистика: вымышленные языки*. Москва: 1989.ру., 2006. 183 с.

Sidorova M. Ju., Shuvalova O. N. *Internet-linguistics: artificial languages*. Moscow: 1989.ru, 2006. 183 p. (In Russ.)

Щербакова М. В. Психолингвистический аспект восприятия текста. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2017, № 1 (201), с. 49–52. EDN: YHEKTF

Shcherbakova M. V. Psycholinguistic aspect of the text perception. *Bulletin of Orenburg State University*, 2017, no. 1 (201), pp. 49–52. (In Russ.) EDN: YHEKTF

Destruel M. *Reality in Fantasy: linguistic analysis of fictional languages*. Boston: Morrissey College of Arts and Sciences, 2016. 99 p.

Learn Na'vi. Available at: <https://learnnavi.org/> (accessed: 12.10.2023).

Сведения об авторе

Анастасия Андреевна Баскова – аспирант; <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>, anastasiya_basko@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Anastasiya A. Baskova** – Postgraduate student, <https://orcid.org/0000-0002-7882-7070>, anastasiya_basko@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharsky, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 21.02.2024; Approved after reviewing 29.03.2024; Accepted for publication 12.04.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 41–49.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 41–49.

Научная статья
УДК 81'282.2
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-4>
<https://elibrary.ru/jyswqd>

Детские слова в диалектном лексиконе

Наталья Валентиновна Большакова

Псковский государственный университет,
Псков, Россия,

bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования детских слов в диалектном дискурсе. На основе полной выборки лексики с пометой «детское» из «Псковского областного словаря с историческими данными» рассмотрены собственно детские слова и детские слова, используемые в «родительском языке», обращенном к детям. Цель статьи – выявление дискурсивных особенностей детских слов в аспекте гендерной специфики диалектного лексикона. Анализ показал, что тематический диапазон лексики, обращенной к детям, соответствует различным сторонам жизнеобеспечения ребенка (питание, сон, предупреждение об опасности). Рассмотрение детских слов в лексикографическом аспекте выявило корреляцию функции детскости с категорией диминутивности, часто интерпретируемой как особенность народной женской речи. В статье показано расширение функций детских слов в коммуникации диалектоносителя с домашними животными, людьми, нуждающимися в опеке, что указывает на дискурсивную детерминированность детского лексикона.

Ключевые слова: детские слова, псковские говоры, диалектный дискурс

Для цитирования: *Большакова Н. В.* Детские слова в диалектном лексиконе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 41–49.
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-4>; EDN: JYSWQD

Children's words in the dialect lexicon

Natalya V. Bolshakova

Pskov State University,
Pskov, Russia,

bolshakova55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

Abstract. The article considers functioning of children's words in dialect discourse. The author revealed the actual children's words and children's words used in the “baby talk”, addressed to children based on the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data.” The purpose of the article is to identify the discursive features of children's words in the aspect of diminutiveness and gender specificity of the dialect lexicon. The analysis has shown that the thematic range of the vocabulary addressed to children corresponds to various aspects of child's life support (feeding, sleeping, and warning of danger). Examining children's words in the lexicographic aspect revealed the correlation

© Большакова Н. В., 2025

between the function of childishness and the category of diminutiveness, often interpreted as a peculiarity of female folk speech. The article also shows the expansion of the children lexicon functions in the dialect speaker's communication with pets and people in need of care, which indicates its discursive determinism.

Keywords: children's words, Pskov dialects, dialect discourse

For citation: Bolshakova N. V. Children's words in the dialect lexicon. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 41–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-4>; EDN: JYSWQD

Введение

Тематический диапазон диалектного лексикона как источника языковой и национально-культурной информации является поистине всеобъемлющим и ограничивается, как правило, лишь рамками собранного и зафиксированного материала в ходе взаимодействия ученых, краеведов и других собирателей с носителями традиционной народной культуры. Вместе с тем есть сферы, мало представленные в силу их объективной вербальной ограниченности. К таким областям речевой деятельности относится диалектный детский лексикон. Если направление лингвистики детской речи, особенно исследование коммуникации на ранних этапах детского возраста, в современной науке уже достигло значительных успехов¹, то детский диалектный дискурс изучен недостаточно. Описание традиционного мира детства в его речевом выражении опирается главным образом на записи речи взрослых, причем информантов пожилого возраста, представленных в виде воспоминаний, нередко отрефлексированных жизненным опытом говорящего. Сам детский дискурс получает освещение с так называемого «предотроческого» периода детства (4–7 лет), когда дети включаются в хозяйственные работы семьи и ребенок функционирует уже не только как объект, но и как полноценный субъект коммуникации.

Проблеме детских слов на диалектном материале посвящена работа М. М. Алексеевой, выполненная на основе данных одного из говорів украинского языка². Опираясь на лексикографический источник (3000 единиц словника), автор выявил 50 слов с пометой «детское», которые реализуют довольно широкий тематический диапазон, насчитывающий 9 тематических групп. Теоретической основой к проблеме автором статьи избран подход, предложенный Т. О. Гавриловой, автором термина «регистр общения с детьми» (РОД)³, в рамках которого и реализуется общение

¹ Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. Москва: ВЛАДОС, 2000. 238 с.

² Алексеева М. М. Детская лексика в лемковском словаре Александра Гойсака (говор села Высова) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калынь. Москва: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 131–141. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.10>

³ Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты: На материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2002. 17 с. См. также: Андреева Е. А. Речь, обращенная к ребенку, как полимодальный феномен при формировании эффективной коммуникации // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 4 (40).

взрослых с ребенком от рождения до двух лет. Других исследований детской лексики на диалектном материале обнаружить не удалось.

Цель статьи – выявление дискурсивных особенностей детских слов в аспекте гендерной специфики диалектного лексикона на материале псковских народных говоров.

Основная часть

Детские слова в диалектной коммуникации

Детская речевая коммуникация самого раннего периода в диалектном дискурсе отражается лишь косвенно, а именно – в интерпретации взрослых, от которых и записывается информация.

Под диалектным дискурсом здесь понимается совокупность речевого материала как результат коммуникативного взаимодействия информантов с собирателями, в ходе которого речевые высказывания моделируют фрагменты (реплики) диалога. Это особенно важно подчеркнуть, так как источником исследования в данной работе также является лексикографическое издание – «Псковский областной словарь с историческими данными», где, как и в любом словаре толкового типа, речь представлена дискретно, в виде отдельных высказываний, в лексикографической практике называемых цитатами или иллюстрациями. Таким образом, дискурс – это всегда «совокупность особых культурно-речевых практик», которая «рассматривается как культурно обусловленная вербально ориентированная форма существования типового субъекта»¹, каковым в данном случае выступает обобщенный носитель народно-речевой культуры.

Для детских слов «Псковский областной словарь» вводит специальную функциональную помету «при словах и выражениях, употребляемых детьми или взрослыми в разговоре с детьми», что провозглашено в трех редакциях инструкции словаря². Действительно, в словаре отражены обе указанные категории слов. Собственно детские слова в контексте речи взрослых – явление, редко встречающееся в диалектном дискурсе: *Буба – ягада, так малинькие ребята называю́т* (ПОС, вып. 2, с. 193). *Мальчик-та малинький ф са́дики был; ён крича́л: «Де́дя, де́дя!»; фсё крича́л де́дю сваиво́* (ПОС, вып. 8, с. 179). В обоих примерах при введении детского слова цитируется детская речь, примечательно при этом, что во втором примере после собственно цитаты отражена «взрослая» рефлексия употребленного детского слова, как бы неявный, скрытый комментарий словоупотребления, не свойственного говорящему. Диалектный дискурс отражает общую речевую стратегию, направленную на

URL: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.23> (дата обращения: 19.08.2024).

¹ Демешкина Т. А., Тубалова И. В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 39.

² Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / под редакцией Б. А. Ларина. Ленинград; Санкт-Петербург: Издательство ЛГУ; СПбГУ, 1967–2020. (ПОС, вып. 1, с. 14; вып. 15, с. 44; вып. 27, с. 50). При цитировании в статье отсылка к словарю дается в такой же форме.

взаимодействие коммуникантов, что определяет заимствование элементов детской речи и речи взрослых между собой. Причем, как отмечается в исследованиях, это явление наблюдается в разных языках¹.

Преимущественное большинство примеров детских слов из «Псковского областного словаря» отражает особенности речи взрослых, используемой для общения с маленьким ребенком. Такую особенность, свойственную речи «матери, бабушки, старшей сестры, няни, т. е. всех лиц женского пола, ухаживающих за детьми»², в литературе принято называть «родительским языком», «нянькиным языком», «языком нянь»³ либо, как уже сказано, относить к «регистру общения с детьми» (РОД). Весь комплекс выделяемых в психолингвистике особенностей дискурса «взрослый – ребенок» (синтаксические, интонационные, акустические, а также невербальные)⁴ на основе словарного источника не может быть выявлен. Поэтому в работе рассматриваются только лексические средства выражения диалектного родительского языка.

Хотя все выявленные слова являются принадлежностью «родительского языка», тем не менее среди них можно указать такие, которые по ряду признаков могли бы быть атрибутами самой детской речи: *бу́ка* ‘вошь’ (*Дай гало́фку пьчаи́ш, а то бу́ки зайдя́*. ПОС, вып. 2, с. 206); *гу́ля* ‘игрушка’ (*Ня нашлá гу́лю-ть?* ПОС, вып. 8, с. 82); *пéка* ‘петух’ (*Там пéка тебя́ клóнет*. ПОС, вып. 25, с. 200). К таким признакам относятся: повтор слогов, двусложная структура, хореический по преимуществу тип ударения.

Соглашаясь с выделенным в работе М. М. Алексеевой тематическим диапазоном детских слов, подчеркнем, что и в псковских говорах детская лексика по своей тематике относится к области основных, жизненно важных потребностей ребенка (питание, сон, игра); гигиена (см. приведенный пример слова *бу́ка* ‘вошь’); значительное место занимают слова-предупреждения, замечания (*жи́га* ‘употребляется как предостережение: горячо, может обжечь’: *Ня хадí тудá, сынóк, жи́га там*. ПОС, вып. 10, с. 230; *говни́нка* ‘что-н. плохое, дрянное’: *У, каку́ говни́нку ты жуёш зупкам, Лёня, не на́да резинку жевáть*. ПОС, вып. 7, с. 32). Таким образом, лексикон, обращенный к детям, соответствует различным сторонам жизнеобеспечения ребенка.

Особые слова взрослых для общения с маленьким ребенком составляют производные, морфологически оформленные как соответствующие части речи: *биб́ичка* ‘легковой автомобиль’ (*К сельсовéту подй́зхала биб́ичка. Па́па приéхал дамóй на биб́ичке*. ПОС, вып. 2, с. 198); *ку́шенькать*, *ня́мать* ‘есть, кушать’ (*И ку́шенькай, и гла́зыньки зажмурь*. ПОС, вып. 16, с. 446); *пíтинькать* ‘то же, что пить’ (*А ить а́на*

¹ Найдёнова М. В., Авилова И. А., Сахарова О. С. К проблеме «детских» заимствований во взрослом дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 3. С. 422–428. <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2018-37-3-422-428>; EDN: YOFWIX

² Цейтлин С. Н. Указ соч. С. 24.

³ Казаковская В. В. Вопросы-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2006. 47 с.

⁴ Андреева Е. А. Речь, обращенная к ребенку, как полимодальный феномен при формировании эффективной коммуникации // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). URL: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.23> (дата обращения: 19.08.2024).

пiтинькати хоча. Кричiт, *пiтинькати* хочит. ПОС, вып. 26, с. 190); *поестинькати* ‘поесть’ (*Дам тябe пaeстинькати, сынoк*. ПОС, вып. 28, с. 410).

Зафиксированы также неизменяемые образования, употребляющиеся в функции глагола: *бaбуньки* ‘спать’; *пiтиньки*, *пiтьки* ‘пить’; *поестушки* ‘есть, кушать’ (*Бaбуньки-тe хош?* ПОС, вып. 1, с. 87; *Пiтиньки, мoжe, хочет?* ПОС, вып. 26, с. 190; *Пiтьки хoцьш?* ПОС, вып. 26, с. 196. *Пaeстушки хoцьш, дeтушки?* ПОС, вып. 28, с. 410).

Детские слова в лексикографическом отражении

Благодаря программе распознавания PDF текста¹, позволяющей делать полную выборку материала по заданному параметру, на предварительном этапе исследования из всех опубликованных 28 выпусков «Псковского областного словаря» была сделана выборка полного перечня слов, сопровождающихся пометой «дет.» или «детск.» – «детское». Таких слов оказалось не так много – всего 22 единицы.

Использование указанных вариантов пометы (будем считать их за одну) обнаружило ряд существенных проблем в интерпретации такой лексики. Так, функциональная характеристика слова как «детского» конкурирует с экспрессивной оценкой, которая в словаре передается либо пометой «ласк.» (чаще отсылкой к соответствующему нейтральному), либо использованием при слове знака астериска: *пaпoнькa*² ‘ласк. → *пaпa*²’ (*пaпa, пaпкa, пaпoнькa* ‘хлеб’ (*Рaньшe атрeжшeи хлeп и гeвaрiли: «На пaпы». А рeбeнкy хлeб дaвaли: «На тябe пaпу, пaсaci пaпу». Нa пaпынькe, пaпы нa*. ПОС, вып. 25, с. 90, 94, 97)). Данный пример (без учета диминутивности) относится к бесспорным фактам детской лексики, причем имеющей универсальный характер, о чем свидетельствуют материалы М. М. Алексеевой по украинскому лемковскому говору (с отсылкой к разным славянским и другим индоевропейским языкам – по данным этимологических словарей)²; ср., например, в белорусских говорах: ПАПA дзiц. Хлеб. *Дзяцeй вучыли на хлeп казaць «пaпa»*. Савiнiчы. *Бaцькa даў пaпы i кажыць: «Бaба, eшчa!»* Чуцькi, Мiцюкoвa, Партызаны³.

Как показывают наши наблюдения над псковским словарным материалом, квалификация лексемы в спорных случаях обусловлена контекстом употребления. Так, уже приведенное слово *кушенькати* ‘есть, кушать’ в обращении к ребенку определено как «детское» (*И кушьенькай, и глaзынькe зажмурь*. ПОС, вып. 16, с. 446), в то время как однотипная лексема *естинкати**, снабженная функционально-стилистическим знаком «звездочки», не отнесена к категории детских на основании иного дискурсивного употребления (*Гарaст eстинкати хатeлa, типeрь сидиш смяiсси*. ПОС, вып. 10, с. 136). Действительно, в отсутствии уверенности в ситуативном употреблении слова трудно определить его отнесенность к «родительскому

¹ PDF-XChange Editor – ПДФ Эксчендж Эдитор.

² Алексеева М. М. Детская лексика в лемковском словаре Александра Гойсака (говор села Высова) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калынь. Москва: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 137.

³ Мова Сенненшчыны: дыялектны слоўнік. У 2 т. / навук. рэд. В. М. Курцова, Л. П. Кунцэвіч. Мiнск: Беларуская навука, 2016. Т. 2. П–Я. С. 43.

языку», т. е. к «регистру общения с детьми», или к категории слов ласкательных, характерных для «народной женской речи»¹.

Расширение функций детского лексикона в диалектном дискурсе

Понятие «родительский язык» имеет дискурсивный характер, поскольку эта коммуникативная форма рождается, формируется и функционирует в диалоге с маленьким ребенком. В традиционной культуре в условиях многодетной семьи воспитательные функции ложились не только на мать (которая должна была выполнять работы по дому и по хозяйству, работать в поле, огороде), но и на старших детей (особенно девочек), которые также усваивали речевое поведение матери. В большой семье функции нянченья, присмотра за детьми ложились и на бабушек. Таким образом, «родительский язык», сформировавшись в дискурсе, участниками которого являются взрослый и ребенок, расширял свои функции благодаря «бесконфликтности», неагрессивности, общей манере доброжелательности. Несмотря на то, что, как отмечают исследователи, «регистр общения с детьми» включает и лиц мужского пола (отцов, старших братьев), все же основными участниками особого типа «диалога» с еще не говорящим ребенком являются матери, бабушки, старшие дочери, в речи которых «по наследству» вырабатывается специфический дискурс, отличающийся особой просодией, построением высказывания и, конечно, включающий детский лексикон.

Сами детские слова становятся признаком доброжелательности, проявления внимания, заботы, защиты. Их употребление характерно для речи, обращенной к домашним животным (*Харóшыи мой, ё́стиньки хотя́т. – Гу́сынька, гу́сынька. – Га-га-га-га. – Ёссы́тиньки хо́чыи? – Да-да-да-да.* ПОС, вып. 10, с. 136). Общий приветливый, радушный тон обычно характеризует дискурс общения с бабушками-информантами, которые проявляют заботу о студентах на практике (*Й́стиньки вам зде́лала, пака́ вы хадíли.* ПОС, вып. 10, с. 136). В народной традиции всегда существовал ритуал покровительства по отношению к бездомным, странникам, нищим, в категорию которых в военное время могли попадать партизаны (*Прѣ́тиза́ны приду́т, ани́ фсе ё́ськи хатя́. Ли́ба ани́ [партизаны]; ё́сьиушки хо́чат, ли́ба ани́ пítьюшки хо́чат, и припаи́у то кро́мачку хлѣ́ба, то квáсу вядо́.* ПОС, вып. 10, с. 138).

Вопросам особенностей женской речи посвящено большое количество исследований, что сформировало целое направление гендерной лингвистики, при этом гендерная диалектология не стала ее частью, а представлена отдельным междисциплинарным направлением². Общераспространенным признается факт особой экспрессивности женской речи, доминирование в ее составе коннотативной и оценочной лексики. В самом «Псковском областном словаре», в тексте последней инструкции,

¹ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2017. С. 55.

² Демешкина Т. А., Толстова М. А. Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 83–105. <https://doi.org/11.17223/22274200/12/5>; EDN: XNFQEP; Морозова Т. И. Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2015. 212 с.; Толстова М. А. Реализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2020. 23 с.

отмечено «свойственное народной женской речи смягчение выражения, проявляющееся в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов»¹, что эксплицировано в детских словах производного характера (*бибичка, папонька, кушенькать, бабоньки, питеньки* и т. п.). В свете рассмотренных проблем детского диалектного лексикона становится понятным происхождение диминутивности детских слов в женской речи: они сформировались в дискурсе общения с маленьким ребенком и стали гендерно маркированной особенностью диалектного дискурса. Вместе с тем, как представляется, преувеличением будет распространять особую «ласковость» на всю женскую речь. Женская коммуникация в диалекте так же дискурсивно детерминирована, как и в других социально обусловленных сферах языка.

Выводы

Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемый корпус слов в диалектном словаре большого объема оказался невелик, тем не менее в целом коммуникативные формы взрослого речевого поведения, направленного на ребенка, позволили выявить существенные особенности детского лексикона диалектной речи, а также охарактеризовать имитационную речь взрослых в общении с ребенком и другими коммуникантами (домашними животными, людьми, нуждающимися в опеке).

На основе полной выборки лексики с пометой «детское» из «Псковского областного словаря с историческими данными» рассмотрены собственно детские слова и детские слова, используемые в «родительском языке», обращенном к детям. Анализ показал, что тематика лексики, обращенной к детям (питание, сон, предупреждение об опасности), соответствует различным сторонам жизнеобеспечения и здоровья ребенка. В грамматическом отношении особые слова взрослых для общения с маленьким ребенком составляют производные, морфологически оформленные как соответствующие части речи (существительные либо глаголы), а также употребляющиеся в функции глагола неизменяемые образования – модификационные дериваты (*ба́бушки* ‘спать’; *пи́тиньки, пи́тьки* ‘пить’ и т. п.).

Рассмотрение детских слов в лексикографическом аспекте выявило корреляцию функции детскости с категорией диминутивности, которая нередко интерпретируется как гендерная особенность народной речи. Вместе с тем, как показывает речевой материал, женская коммуникация в диалекте дискурсивно обусловлена, проявляясь в общении с нуждающимися, по ощущению говорящего, в защите или опеке. Детские коммуникативные формы, в том числе лексикон, рождаются и формируются в диалоге с маленьким ребенком, проявляя в последующем свои функции в других социально обусловленных сферах языка.

Список литературы / References

Алексеева М. М. Детская лексика в лемковском словаре Александра Гойсака (говор села Высова). *Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны*

¹ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2017. С. 50.

Калнынь. Москва: Институт славяноведения РАН, 2021, с. 131–141. [https:// doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.10](https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.10)

Alekseeva M. M. Children's vocabulary in Alexander Goisak's dictionary (dialect of the village of Vysova). *Research on Slavic dialectology. Iss. 23. In memory of Lyudmila Eduardovna Kalnyn.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2021, pp. 131–141. (In Russ.) [https:// doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.10](https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.10)

Андреева Е. А. Речь, обращенная к ребенку, как полимодальный феномен при формировании эффективной коммуникации. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, № 4 (40). URL: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.23> (дата обращения: 19.08.2024). [https:// doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23)

Andreeva E. A. Child-directed speech as a multimodal phenomenon in establishing effective communication. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. (40). Available at: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.23> (accessed: 19.08.2024). (In Russ.) [https:// doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.23)

Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты: На материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2002. 17 с.

Gavrilova T. O. *The register of communication with children: structural and sociolinguistic aspects: Based on the material of the Russian language: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences.* St Petersburg, 2002. 17 p. (In Russ.)

Демешкина Т. А., Толстова М. А. Гендерная диалектология и словари как ее источник. *Вопросы лексикографии*, 2017, № 12, с. 83–105. (In Russ.) <https://doi.org/11.17223/22274200/12/5>; EDN: XNFQEP

Demeshkina T. A., Tolstova M. A. Gender dialectology and dictionaries as its source. *Russian Journal of Lexicography*, 2017, no. 12, pp. 83–105. (In Russ.) <https://doi.org/11.17223/22274200/12/5>; EDN: XNFQEP

Демешкина Т. А., Тубалова И. В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2017, № 50, с. 36–54. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/3>

Demeshkina T. A., Tubalova I. V. Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 50, pp. 36–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/50/3>

Казаковская В. В. *Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук.* Санкт-Петербург: [б. и.], 2006. 47 с.

Kazakovskaia V. V. *Question-and-answer unities in the adult-child dialogue (based on the material of the Russian language): Abstract Dr thesis in Philological Sciences.* St Petersburg, 2006. 47 p. (In Russ.)

Мова Сяненнічыны: дыялектны слоўнік: у 2 т., навук. рэд. В. М. Курцова, Л. П. Кунцэвіч. Мінск: Беларуская навука, 2016, т. 2, П–Я, 407 с.

The language of Sennenshchina: dialect dictionary, in 2 vols., Science editor: V. M. Kurtsova, L. P. Kuntsevich. Minsk: Belarusskaia nauka, 2016, vol. 2, P-Ia, 407 p.

Морозова Т. И. *Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: дис. ... канд. филол. наук*. Волгоград: [б. и.], 2016. 212 с.

Morozova T. I. *Gender characteristics of the dialect picture of the world of the Don Cossacks: Cand. thesis in Philological Sciences*. Volgograd, 2016. 212 p. (In Russ.)

Найдёнова М. В., Авилова И. А., Сахарова О. С. К проблеме «детских» заимствований во взрослом дискурсе. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 2018, т. 37, № 3, с. 422–428. [https:// doi.org/ 10.18413/2075-4574-2018-37-3-422-428](https://doi.org/10.18413/2075-4574-2018-37-3-422-428); EDN: YOFWIX

Naidenova M. V., Avilova I. A., Sakharova O. S. To the problem of “child” borrowings in adult discourse. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, 2018, vol. 37, no. 3, pp. 422–428. (In Russ.) [https:// doi.org/ 10.18413/2075-4574-2018-37-3-422-428](https://doi.org/10.18413/2075-4574-2018-37-3-422-428); EDN: YOFWIX

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / под редакцией Б. А. Ларина. Ленинград; Санкт-Петербург: Издательство ЛГУ; СПбГУ, 1967–2020.

Pskov regional dictionary with historical data. Iss. 1–28; ed. by B. A. Larin. Leningrad, St Petersburg: Izdatel'stvo LGU; SPbGU, 1967–2020. (In Russ.)

Толстова М. А. *Реализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Томск: [б. и.], 2020. 23 с.

Tolstova M. A. *Implementation of gender representations in women's dialect discourse (based on autobiographical stories): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. Tomsk, 2020. 23 p. (In Russ.)

Цейтлин С. Н. *Язык и ребенок: Лингвистика детской речи*. Москва: ВЛАДОС, 2000. 238 с.
Tseitlin S. N. *Language and the child: The linguistics of children's speech*. Moscow: VLADOS, 2000. 238 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Наталья Валентиновна Большакова – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>, bolshakova55@yandex.ru, Псковский государственный университет (д. 2, пл. Ленина, 180000 Псков, Россия); **Natalya V. Bolshakova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>, bolshakova55@yandex.ru, Pskov State University (2, pl. Lenina, 180760 Pskov, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.09.2024; одобрена после рецензирования 18.09.2024; принята к публикации 07.10.2024.

The article was submitted 04.09.2024; Approved after reviewing 18.09.2024; Accepted for publication 07.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 50–65.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 50–65.

Научная статья

УДК 821.111

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-5>

<https://elibrary.ru/ikyvbj>

**Прагматика и метапрагматика социолингвистических
и структурных аспектов кодового переключения
(на материале художественного произведения Розанны Амаки)**

Мария Анатольевна Дубовицкая

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

Москва, Россия,

clouddancing@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7003-8392>

Аннотация. В статье рассмотрены сложные механизмы кодового переключения. Основной научной проблемой является выявление структурных, прагматических и социолингвистических аспектов кодового переключения, которые влияют на понимание идентичности и социального взаимодействия. Исследовательский вопрос заключается в том, как кодовое переключение отражает культурно-специфические и социальные значения, взаимодействуя с контекстом. Цель исследования – определить прагматические и метапрагматические функции кодового переключения. Материалом исследования послужил дебютный роман Розанны Амаки «Книга Эха», который был подвергнут детальному лингвистическому и социолингвистическому анализу. Основной метод – лингвистический анализ текста, включающий лингвостилистический, лексико-семантический и контекстуальный подходы. Основные результаты исследования показывают, что кодовое переключение выполняет различные функции, включая выражение социальных статусов, культурной идентичности и эмоциональных состояний персонажей. Новизна исследования заключается в интеграции этнопсихологического подхода к общему анализу.

Ключевые слова: прагматика, метапрагматика, кодовое переключение, социальное значение

Для цитирования: Дубовицкая М. А. Прагматика и метапрагматика социолингвистических и структурных аспектов кодового переключения (на материале художественного произведения Розанны Амаки) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 50–65. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-5>; EDN: IKYVBJ

**Pragmatics and metapragmatics of sociolinguistic
and structural aspects of code-switching in Rosanna Amaka's literary work**

Maria A. Dubovitskaya

Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
clouddancing@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7003-8392>

Abstract. The article examines the complex mechanisms of code-switching. The main research problem is identifying the structural, pragmatic, and sociolinguistic aspects of code-switching that affect the understanding of identity and social interaction. The research question focuses on how code-switching reflects culturally specific and social meanings in interaction with context. The purpose of the study is to determine the pragmatic and metapragmatic functions of code-switching. The research material is Rosanna Amaka's debut novel "The Book of Echoes", which underwent detailed linguistic and sociolinguistic analysis. The primary method used is linguistic text analysis, incorporating linguo-stylistic, lexico-semantic, and contextual approaches. The main findings of the study reveal that code-switching performs various functions, including expressing social statuses, cultural identity, and emotional states of characters. The novelty of the research lies in integrating an ethnopsychological approach into the overall analysis.

Keywords: pragmatics, metapragmatics, code-switching, social meaning

For citation: Dubovitskaya M. A. Pragmatics and metapragmatics of sociolinguistic and structural aspects of code-switching in Rosanna Amaka's literary work. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 50–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-5>; EDN: IKYVBJ

Введение

В настоящее время в англо-американской литературе наблюдается огромный интерес к авторам, принадлежащим к разным культурам, которые передают на английском языке особенности своего мировоззрения и поднимают сложные вопросы идентичности, а также готовы отстаивать свое право голоса в многоликом и бесконечно разнообразном мире. В 2021 году лауреатом Нобелевской премии по литературе стал танзанийский писатель, пишущий на английском языке, Абдулразак Гурна, который описал судьбы беженцев в контексте разных культур. Среди лауреатов и финалистов Букеровской премии за последние годы появились нигерийский писатель Чигози Обиома, британская индийская писательница Четна Мару, ланкийский писатель Шехан Карунатилака, зимбабвийская писательница Цици Дангаремба и мн. др. Английская писательница англо-нигерийского происхождения и обладательница Букеровской премии Бернардин Эваристо выступила куратором литературной серии "Black Britain: Writing Back", целью которой является познакомить читателей с британскими писателями, которых ранее игнорировали из-за цвета их кожи.

Писательница Розанна Амака, чье произведение «Книга Эха» ("The Book of Echoes", 2020) попало под пристальное внимание критиков и пользуется большим успехом среди читателей, повествует не только о колониализме, расизме, но и рассказывает о сложностях самоопределения в рамках доминирующей культуры. Безусловно-

ным достоинством романа является то, что читатель ощущает «многоголосье» в постоянно меняющемся контексте, где каждый раз рождаются новые смыслы и появляются разные оттенки¹.

В данной статье мы ставим целью выявить структурные, прагматические и социолингвистические составляющие в высказываниях с кодовым переключением. Актуальность обсуждаемых нами явлений языковых контактов обусловлена определенным социально-культурным контекстом, где язык, с одной стороны, является индикатором власти, статуса, идеологии, а с другой – показателем идентичности и мировоззрения. В статье анализируются и интерпретируются фрагменты с примерами кодового переключения с последующим декодированием скрытого смысла, относящегося к идентичности говорящего. Новизна исследования заключается в новом подходе к анализу контекстов с кодовым переключением с привлечением этнопсихологической составляющей.

2. Материалы, методы, обзор

Эмпирическим материалом данной статьи послужил дебютный роман Розанны Амаки «Книга Эха»², который вошел в шорт-лист премии клуба авторов за первый роман, премии RSL Кристофера Бланда и премии HWA Debut Crown Award. Эта британская писательница имеет африканское и карибское происхождение, а также является «голосом» жителей района южной части Лондона Брикстона, который претерпевает сильные изменения в результате джентрификации и эмиграции. Происхождение автора играет важную роль в описании элементов нигерийской и карибской культур, а также подчеркивает связь персонажей с их историческими корнями и их влияние на мировосприятие. Писательница затрагивает темы колониализма, миграции и расовых предрассудков, что помогает понять, как исторические события влияют на современное восприятие идентичности. Нигерийская и карибская идентичности в «Книге Эха» переплетаются, отражая сложность и многогранность темы идентичности в современном мире.

В нашем исследовании мы используем различные методы, в частности метод лингвистического анализа текста (лингвостилистический, лексико-семантический, контекстуальный) и метод количественного анализа; описательно-аналитический метод, сравнительно-сопоставительный метод, а также фонетический анализ были использованы на отдельных этапах исследования.

Поскольку цель данного исследования – выявить прагматический и метапрагматический аспекты кодового переключения в речи персонажей, важно упомянуть исследования в этой области, результаты которых легли в основу этой статьи. Среди зарубежных исследователей важно упомянуть Дж. Джозефа Гамперца, который внес огромный вклад в изучение переключения кодов в различных социальных кон-

¹ Бахтин М. М. К методологии литературоведения // Контекст: Литературно-теоретические исследования. Москва: Наука, 1975. С. 203–212.

² Amaka R. *The Book of Echoes*. London: Penguin Books, 2020. 384 p. (Далее в тексте ссылка на это издание дается с указанием страниц в круглых скобках.)

текстах¹. Взаимодействие между говорящими на разных языках и переключение кодов было освещено в работе немецкого лингвиста Питера Ауэра². В другой своей работе Ауэр выступает за понимание языковых вариантов как динамичных и контекстуально обусловленных, на которые влияют социальные и культурные факторы. В книге представлен ряд теоретических и эмпирических исследований, иллюстрирующих, как люди используют язык для трансляции своей социальной идентичности в различных условиях. В 1993 году Кэрол Маерс-Скоттон включила контекст африканской культуры для анализа социальных причин переключения кодов. Благодаря важным тезисам о взаимодействии языка, общества и идентичности, работа Маерс-Скоттон оказала глубокое влияние на область социалингвистики³. Среди авторов, занимавшихся вопросами лингвистической теории переключения кода, а также кодового переключения как реализации коммуникативной стратегии, важно отметить Ю. С. Блажевич, Ж. Багана, Е. А. Проценко, Г. Н. Чиршеву, О. Т. Йокояма. Кодовое переключение изучалось в русле психалингвистических исследований (К. Р. Becker, F. Grosjen, P. A. Kolers, J. M. Lipski), а также в социалингвистическом русле (Т. А. Сухоедова, O. Shay, Тхюи Нгуен, Е. В. Тугова, Л. П. Крысин).

В рамках данного исследования необходимо разграничить понятия «диглоссия» и «переключение кода» по принципу явления и процесса. Впервые понятие «диглоссия» употребил В. Марсэ в 1930 году, однако в научный обиход этот термин ввел Ч. Фергюсон в 1959 году как «одновременное сосуществование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах⁴. Дж. Фишман расширил понятие, включив в него неродственные языки: «Диглоссия – это характеристика социального распределения функций различных языков и языковых разновидностей»⁵. Если говорить о нескольких используемых языках в пределах одной культуры или социальной общности, то это явление называется многоязычием, или полиглоссией. Владение разными языками или подсистемами одного языка можно рассматривать со статической и динамической точек зрения. Статический подход подразумевает установление факта взаимодействия между языками и их разновидностями в социально-культурном и историческом контекстах, в то время как динамический подход позволяет наблюдать за процессом языкового взаимодействия, учитывая социально-коммуникативные и психологические компоненты общения. В рамках статического подхода можно говорить о явлении диглоссии или полиглоссии, а в рамках динамического подхода представляется целесообразным использование термина «кодовое переключение» для выявления различных призна-

¹ Gumperz J. J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

² Auer P. *Bilingual Conversation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. 116 p.

³ Myers-Scotton C. *Social Motivations for Code Switching: Evidence from Africa*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 177 p.

⁴ Ferguson Ch. *Diglossia* // *Word*. 1959. Vol. 15, no. 4. P. 325–340. <https://doi.org/10.1080/00437956.1959702>

⁵ Fishman J. *The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society* // *Advances in the Sociology of Language*. Vol. 1. The Hague; Paris: Mouton, 1971. P. 295.

ков в ситуациях общения. Такими признаками могут быть, например, различия в коде, (не)осознанное переключение, интерференция или заимствование.

3. Результаты и обсуждение

В произведении Розанны Амаки встречаются два основных варианта английского языка: нигерийский английский и английский с элементами ямайского креольского языка, на котором чаще всего говорит первое поколение иммигрантов в Лондоне. Что касается второго поколения иммигрантов (детей иммигрантов, которые переехали в младшем возрасте или родились в Лондоне), то они не часто используют элементы патуа, однако являются активными участниками коммуникативного акта с использованием варианта креольского языка. Так, главный герой Майкл, выходец с Ямайки, живет на юге Лондона и в 1981 году становится свидетелем беспорядков в Брикстоне. Его окружают друзья, чьи родители тоже являются иммигрантами первого поколения. Стиль его общения меняется в зависимости от участников коммуникации: с друзьями можно наблюдать использование разговорного молодежного языка, а со старшим поколением – отказ от жаргона и нейтральный стиль общения.

В случае с главной героиней география ее перемещений влияет на ее речь и стиль общения. В деревне в Нигерии молодая девушка Нгози отчаянно пытается вырваться из нищеты, в которой она родилась, и становится служанкой в богатой семье в городе. Через некоторое время она переезжает в Лагос, а затем в Лондон. Язык – это не просто средство коммуникации; он является отражением идентичности, ценностей и переживаний людей. В случае Нгози ее перемещения из одной социальной среды в другую сопровождаются не только изменениями в акценте и словарном запасе, но и трансформацией ее самоощущения и восприятия окружающего мира. Для того, чтобы понять характер и логику языковых флуктуаций главной героини, важно взглянуть на языковую картину в стране, так как изучение этнопсихологической составляющей языка является ключевым аспектом для понимания не только лексических и грамматических особенностей, но и глубинных культурных контекстов, в которых эти языковые вариации существуют.

3.1. Особенности кодового переключения с участием нигерийского варианта английского языка

В Нигерии присутствует многокомпонентная социолингвистическая среда, в которой английский язык взаимодействует с автохтонными языками, а также используется пиджин-инглиш. Что касается официального английского языка, то значительная элита им владеет в совершенстве (на уровне акролекта), основное население не владеет или слабо владеет английским языком (базилектальный уровень), а между этими уровнями находится население, удовлетворительно владеющее английским языком (мезолектальный уровень). В процессе нативизации и адаптации к местным языкам английский язык инкорпорировал разные формы употребления. Можно наблюдать употребление заимствований для выражения специфичных понятий и традиций, а в грамматике происходит изменение видовременных форм, которые больше выявляют черты местных языков. В последнее время роль нигерийского пиджина возросла, в результате чего этот вариант получает все большее распространение.

ние и не является предметом критики. Хотя в коммуникативной сфере есть поляризация английского языка и пиджин-инглиша, граница перехода может быть менее четкой, например в официальной обстановке преимущество отдается английскому языку, но в процессе общения участники коммуникации могут перейти на пиджин.

Социальные аспекты статуса мы видим на примере употребления английского языка. Попав в семью на работу из деревни в город, Нгози сразу ощущает разницу между высшим классом в лице ее хозяина Обинду, который говорит на чистом английском языке, и его женой, которая намного младше и не получила образования, поэтому разговаривает на пиджине. К языковым особенностям пиджина относят его упрощенную грамматическую структуру, что способствует широкому употреблению этого языка среди различных социальных групп:

(1) ‘Waytin you dey do for room? I say wayting you dey do! You dey steal for my room!’ (p. 101)

Здесь *wayitin* означает *what*, а *dey* (are) вместе с глаголом *do* показывает действие в данный момент времени. Частица *dey* полифункциональная и может выступать в качестве другой грамматической связки в зависимости от времени и контекста.

Для выражения будущего времени Нгози употребляет начальную форму без инфинитива:

(2) ‘Madam go come look for me’ (p. 100).

Другим индикатором статуса выступают определенные слова, как например *Oga*, которое является формой обращения к влиятельному человеку, наделенному властью и авторитетом. Служебные части речи тоже могут передавать некую иерархию среди коммуникантов – от более старшего к младшему. Например, восклицание *jare* в языке йоруба не имеет негативного оттенка и употребляется для того, чтобы подтолкнуть к чему-то или сделать что-то быстрее:

(3) ‘Anyway, *jare*, quick, quick, we have a lot to do...Oh, and also the *Oga* will take you to enroll at the school this evening (p. 74)’.

В дальнейшем Нгози переезжает в Лагос и, несмотря на значительные социально-экономические изменения (она работает не прислужкой, а имеет незначительную должность в банке), в ее речи в общении со «своими» сохраняются признаки пиджина:

(4) ‘Stella, *sabi*, you enjoy yourself there in England when you go for holiday?’ asks Ngozi. ‘Yeas, the people there dey live life, O,’ says Stella (p. 210).

Здесь *sabi* является индикатором переключения, это слово с португальского *saber* означает «знать». Можно встретить немало слов португальского языка в штатах Эдо

и Дельта. Согласно гипотезе моногенеза Р. Томпсона, пиджинизированный португальский стал основой нигерийского пиджина¹.

Важно отметить, что при разговоре с англичанами в банке Нгози общается на чистом английском языке, используя свое индивидуальное междометие ‘О’, которое сохранится до конца книги, однако в ходе дальнейшего общения Нгози позволяет себе более разговорные формы:

(5) ‘It’s bettar than where we used to live.’

‘And you, ka?’(say?) (p. 224).

Фонологически измененное слово *bettar* и иноязычное вкрапление *ka*, которое является вопросительной частицей из языка хауса (распространен в Северной Нигерии и прилегающих районах Нигера), несколько контрастирует с диалогами героини в банке, где она общается на официальном английском языке, однако, выйдя из банка, позволяет себе перейти на менее официальный вариант английского языка с тем же самым собеседником. Нужно отметить, что нигерийский пиджин играет все большую роль в жизни общества. Многие нигерийские лингвисты отстаивают право пиджина на употребление в нигерийском социалингвистическом пространстве, утверждая, что нигерийский пиджин – это не просто искаженная форма английского языка, а самостоятельный язык².

В нигерийском варианте английского языка особую роль играют важные в культурном плане лексические единицы.

(6) ‘I heard your mother, the *ashawo* woman, is getting rid of you.’ ...Ngozi lifts her left hand, spreads her five fingers. ‘*Waka*’ she says, swearing at them....They all join in. ‘*Osu*’s baby! *Osu*’s baby!’ (p. 57).

Так, лейтмотивом проходят слова *ashawo* и *osui*, где первое означает кого-то, кто считается распущенным, используется в языке йоруба и нигерийском пиджине в настоящее время. Второе слово отсылает нас к кастовой системе Осу, или неприкасаемым в Нигерии. Люди Осу исторически были маргинализированы божествами Игбо (Алуси), и в результате они часто воспринимаются как низшие. Из всех обычаев юго-востока Нигерии, которые идут вразрез с идеями справедливости и равенства, кастовая система Осу проявляет «невиданное упорство»³. Неудивительно, что в эмоционально нагруженных контекстах мы можем встретить табуированную лексику

¹ Томпсон Р. У. Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизованные диалекты Старого и Нового Света // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. Москва: Наука, 1972. С. 478–484.

² Okon O. Communicating and Social Reception of the Nigeria Pidgin in Cross River State // Tropical Issues in Sociolinguistics: The Nigerian Perspective. Port-Harcourt: Emhai Publishers, 2003. P. 404–417.

³ Mgbada C. O. Osu Caste System and the Problem of Slave Integration in Igboland: The Abakiliki Experience // Issues in Historiography, Nation-Building and the African Diaspora. Markurdi: Aboki Publishers, 2016. P. 351–370.

ку как защитную реакцию главной героини. Слово *waka* является оскорблением, аналогичным известному английскому слову на F***. Это слово всегда сопровождается жестом, или «лексическим аффилиатом», который связан с конкретным словом в сопровождающей речи¹.

В представленных выше примерах в условиях диглоссии / полиглоссии переключение кода может происходить в эмоционально-насыщенных контекстах с табуированной лексикой, что может объясняться психологическим механизмом защиты. Переключение кода можно наблюдать в статусно-ориентированных контекстах, где язык выступает индикатором положения в обществе. Социально-психологический аспект переключения кода проявляется в желании заявить о своей идентичности, утвердить приемлемый статус некодифицированного языка.

3.2. Особенности кодового переключения с афро-карибскими вкраплениями

Другой главный герой произведения проживает в Лондоне. В речи персонажей можно встретить различные элементы лондонского мультикультурного английского, распространенного среди выходцев с Ямайки первого поколения. Район, где проживает главный герой, называется Брикстон, когда-то это один из беднейших и опасных районов английской столицы на юге города, заселенный на 25 % «цветным» населением и называемый «неофициальной столицей афро-карибского британского сообщества»².

Первое поколение иммигрантов из Ямайки владели в разной степени как ямайским креольским языком, так и ямайским вариантом английского языка. Вместо термина «диглоссия» применительно к Ямайке ученые используют понятие «языковой континуум»³ в силу онтологически разных составляющих этих двух языковых вариантов. Исходя из вертикального языкового континуума ямайский вариант английского языка является акролектальным уровнем, однако важно отметить стремление сохранить особенности креольского ямайского языка, или патуа (Patwa / Patois), который вмещает элементы французского, ирландского и африканских языков как важную часть своей идентичности. Мезолектальный уровень ямайского креольского языка может вмещать в себя черты как базилектального уровня креольского, так и акролектального уровня ямайского английского языка⁴. Существенной особенностью мезолектального уровня является американский вариант английского языка. Ямайский английский является одной из разновидностей стандартного международного английского, который сформировался в XX веке на фоне активного развития экономических и социальных связей с США. Это также связано

¹ McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thoughts*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 416 p.

² Caribbean Community Culture in London. URL: <https://roadbook.com/london/city-guide/caribbean-community-culture-london/> (дата обращения: 30.11.2024).

³ DeCamp D. *Toward a Generative Analysis of a Post-creole Speech Continuum // Pidginization and Creolization of Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 349–370.

⁴ Mair C. *Corpora and the New Englishes: Using the ‘Corpus of Cyber-Jamaican’ (CCJ) to Explore Research Perspectives for the Future // A Taste for Corpora: In Honour of Sylviane Granger*. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 209–236.

с популяризацией американской культуры в Ямайке через фильмы, музыку, телевизионные комедии и драмы, что привело к глубокому и постоянно растущему влиянию американского английского языка.

Рассмотрим некоторые особенности этого варианта английского языка, испытывавшего влияние африканских языков и английского на ямайскую речь, в результате чего сформировался особый языковой стиль, передающий личные и эмоциональные нюансы, который может отличаться от стандартного английского языка:

(1) ‘Give me more time, please, *me pickni dem*, oh please, *me pickni*. I ain’t shown *dem* how to live’ (p. 13).

“*Me*” используется вместо “*my*”, что является общей чертой ямайского патуа, где объектная форма *me* используется вместо притяжательной *my*. *Pickni* или *pickney* в ямайском патуа используется для обозначения детей или ребенка без негативного оттенка, в отличие от разговорного английского, где это слово использовалось как расовое оскорбление для афроамериканских детей или как уничижительный термин для детей аборигенов Америки, Австралии и Новой Зеландии. *Dem* – это обозначение множественного числа, используемое в ямайском патуа, аналогично тому, как в стандартном английском языке говорят *my children*.

В следующем предложении используется ямайский патуа для передачи ожиданий матери в отношении своих детей. Использование *mi* для *я* и *fi* для *для* – ключевые элементы диалекта, а общая структура передает сильное ожидание тяжелой работы и ценности потраченных денег:

(2) *You goin’ work hard. Mi na spend all this here money fi nothing less, you hear me’* (p. 129).

Здесь мы видим упрощение конструкции *you are going to*, а также отрицание *na* вместо *not*. Риторический вопрос *you hear me* является экспрессивной формой побуждения. В следующем примере можно наблюдать фонетические изменения, такие как *dat* для *that*, *tink* для *think* и *likkle* для *little*, являющиеся характерными особенностями, которые придают языку особое звучание и ритм, а также редуцированное *bout* от *about*:

(3) ‘Money, *dat’s* all you young men *tink bout*. Please stay a *likkle* longer’ (p. 130).

Грамматическая частица “*da*” в ямайском патуа может заменять глагольные формы:

(4) ‘Can’t you see the boy *da* bleed?’ (p. 26)

“*Da*” используется вместо *is*, так как *da* или *de* может использоваться как маркер настоящего времени, подобно *is* или *are* в стандартном английском. Частотной фо-

нетической вариацией слова *boу* является *bwoу* в ямайском варианте, а в придаточных предложениях местоимения *who* и *that* заменяются на *weу*:

(5) 'The police kill dat *bwoу*. The one *weу* dem stab upon the Frontline. The police kill dat *bwoу*. Dem kill him; dem kill *we*. Kill him!' (p. 34)

Эмоциональность высказывания подчеркивается лексическим повтором *kill*, а также фразой *dem kill we*, подразумевая, что действие затрагивает сообщество или группу в целом, используя *we* для обозначения *нас*. Можно наблюдать опущение некоторых согласных и упрощение фразы в целом, например:

(6) 'Marcia, you no've eyes. You no see the state of this kitchen floor' (p. 140).

Грамматическим маркером продолженного времени является частица *a*:

(7) 'Thought I'd check and see if your toilet still *a* work,' he says.'... 'I've got mi tools *inna* the car' (p. 152).

Здесь мы также видим упрощение предложной фразы *inna* вместо *in the*.

Важно отметить, что первое поколение иммигрантов сохраняют элементы ямайского английского на протяжении всей жизни как часть своей идентичности. В разговоре со своим потенциальным работодателем Майкл придерживается правильных форм английского языка в знак уважения, тогда как Джордж использует смешанные формы мезолектального ямайского английского, так как Майкл является «своим»:

(8) 'You said I should keep checking in,' says Michael.
'Yeah, but *mi* didn't mean every day, son.'
'Well, things could have changed since yesterday?' George laughs.
'True that. *Mi* think you work a market at *di* market?'
'Your hands don't seem like *dem* built *fi* it' (p. 270).

Майкл, как и другие дети первого поколения иммигрантов, не переходит в разговоре на патуа не потому, что не владеет им, а скорее не чувствует непосредственной связи с этим вариантом английского языка. Майкл со своими друзьями скорее склонны употреблять элементы афроамериканского слэнга, а именно лексические маркеры отделения «свой – не совсем свой»:

(9) '...In front. What you see?'
'*Yardies*' (p. 272).

Здесь *yardies* используется для обозначения выходцев с Ямайки или лиц ямайского происхождения. Слово *yard* означает дом на ямайском патуа, так что *yardie*, по сути, означает человека со «двора» или малой родины. В данном примере есть и до-

полнительный оттенок. В районе Лондона Брикстоне *yardie* используется для обозначения ямайских организованных преступных группировок, занимающихся, например, торговлей запрещенными веществами. Так среди персонажей книги происходит отделение «своих» от «не совсем своих». Другим примером того же феномена может служить выражение *woola woolas*, что означает «продавцы психоактивными веществами»:

(10) '...when we teased those *woola woolas* – you know, the African kids. You always knew your own mind' (p. 29).

Со стороны Майкла и его друзей есть стойкое неприятие преступников, именно этим и объясняется лексическое дистанцирование от нежелательной группы. Похожее дистанцирование можно наблюдать в следующем примере:

(11) 'Listen, Leroy, I have nothing against the *pisspot* people, but Saddy was no African' (p. 168).

Несмотря на то, что слово *pisspot* обладает негативным оттенком, в данном примере оно не несет оскорбительного значения, а просто означает «бедный, несчастный», так как произнесено в кругу «своих» и характеризует «не совсем своих».

Ямайский английский и креольский язык, выраженные на языке континуума, представляют собой не только средства общения, но и важные элементы культурной самобытности и исторической памяти. Влияние ямайского патуа, а также заимствования из американского английского создают уникальный стиль, который отражает эмоциональные нюансы и личные переживания персонажей. Примеры использования специфических лексических и грамматических конструкций демонстрируют не только языковую адаптацию, но и стремление сохранить культурные корни в условиях новой социальной реальности. Таким образом, кодовое переключение служит не только средством коммуникации, но и важным инструментом для выражения идентичности. Элементы языка могут служить маркерами принадлежности к определенной группе, а также отражать социальные отношения и восприятие.

3.3. Прагматика и метапрагматика кодового переключения

Говоря о прагматике кодового переключения, нужно учитывать определенную условность подразумеваемых функций. Например, Ш. Поплак отрицала любую прагматическую функцию кодового переключения¹. Однако Д. Гумперц полагал, что переключение кодов передает контекстуальную информацию, подобную той, что в условиях одного языка передается с помощью просодии, синтаксических, лексических или стилистических средств²:

¹ Poplack S. Contrasting Patterns of Code-Switching in Two Communities // Methods V: Proceedings of the V International Conference on Methods in Dialectology. Victoria: University of Victoria Press, 1985. P. 51–77.

² Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Мы можем говорить о совмещении лексического значения и социального значения в процессе коммуникативного акта¹. Социальное значение продиктовано нормами и правилами социального взаимодействия в процессе коммуникации и отражает отношение коммуникантов друг к другу. Социальное значение может выступать наряду с коннотативным значением с преобладающим эмоционально-оценочным компонентом. Для того чтобы в полной мере раскрыть социальное значение, необходим анализ контекстуальных характеристик, который в свою очередь может включать макро- и микросоциальные категории (например, статус, принадлежность к сообществу, группе, возраст, национальность)². Стоит отметить, что социальное значение обладает определенной сложившейся структурой и системностью в силу достаточно продолжительного времени, в течение которого оно формируется. В рамках кодового переключения возможен анализ ряда микро- и макросоциальных характеристик, за которыми стоит то или иное социальное значение. Социальное значение взаимосвязано с прагматикой высказывания, или соотношением знаковых систем и их интерпретаторов³. Однако на метапрагматическом уровне социальное значение полностью раскрывает себя. Говоря о прагматике и метапрагматике, первый термин подразумевает отношение участника к значению в рамках определенного контекста, который определяет стратегию поведения, за вторым же понятием стоит осмысление значения в социальном взаимодействии и выражение определенных социально значимых смыслов. Автор термина «метапрагматика» М. Сильверстейн подчеркивал важность не только изучения дополнительных значений в процессе коммуникации, но и рефлексии этих значений со стороны коммуникантов, каким бы сложным и двусмысленным ни был бы этот процесс⁴.

В контексте истории Нгози и Майкла, кодовое переключение может выполнять разные прагматические функции. Фатическая функция заключается в поддержании контакта среди своих, как уже было показано в примере выше (*Stella, sabi, you enjoy yourself there in England when you go for holiday?*), а также соблюдении правил и условностей:

(1) ‘Yes, Sir. Please, *Oga*, how is my mother? (p. 97)

Здесь пример нигерийского пиджина (*Oga*) говорит о высоком положении в обществе и необходимости сохранять дистанцию. Однако нигерийское слово является плеоназмом, означающим то же, что и *Sir*. Тем не менее нигерийское обращение неотъемлемо не только из-за традиции и уклада. Метапрагматическая функция заключается в демонстрации слабости и уязвимости, особенно в контексте просьбы о помощи, которую главная героиня попросит у своего работодателя.

¹ Leech G. *Semantics. The Study of Meaning*. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 383 p.

² Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.

³ Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 389–390.

⁴ Silverstein M. *Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function // Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 33–58.

В некотором роде противоположной фатической функции является функция эмоциональная, где воздействие на адресата может быть крайне негативным. Уже приведенные выше примеры кодового переключения в высказывании, направленном против главной героини (*osu*), и в ее ответе, отражающем оскорбления сверстников (*waka*), демонстрируют эмоциональную функцию. На метапрагматическом уровне можно отметить резкую форму демонстрации «свой – чужой», а также ответную защитную реакцию. Помимо психологической окраски данные реплики свидетельствуют о неравенстве в обществе и проявлении социальной сегрегации в языке.

Менее эмоциональная прагматическая функция с метапрагматической составляющей «свой – чужой» является статусно-идеологической. Эта прагматическая функция заключается в обозначении своей социальной или общественной позиции, выражаемой чаще всего среди потенциальных единомышленников. Показанное ранее переключение на уровне субкода, т. е. «коммуникативной подсистемы более низкого функционального уровня и меньшего объема»¹, на примере разговорного выражения, принятого внутри отдельной группы людей, может свидетельствовать об определенном метапрагматическом эффекте в рамках одной прагматической функции. Статусно-идеологическая функция выражения *woola woolas* проявляется с помощью дейктических элементов в виде местоимения непосредственно перед лексической единицей *those woola woolas*, что создает социальную дистанцию и определяет статус говорящего внутри группы. Эта единица дейктического характера является маркером категории «свой – чужой», что в свою очередь указывает на метапрагматический эффект.

Рассмотрим прагматическую функцию вопросительной частицы (*ka*), которая упоминалась ранее. Встречный вопрос главной героини, содержащий иноязычное вкрапление (*And you, ka?*), своему собеседнику из Ирландии не был непреднамеренным: находясь в банке в условиях «сотрудник – клиент», главная героиня не допускала элементов пиджина в своей речи, однако вне стен банка легко допустила возможность употребления народного наречия в разговоре с иностранцем. Прагматическая функция такого перехода заключается в обозначении новых условий общения без официальных рамок и границ. Это показатель более дружеского и доверительно-го общения. Метапрагматический аспект может выражаться в самоидентификации и заявлении о себе, однако это заявление выражено в очень мягкой и ненавязчивой форме с элементом интенциональности. Аутентичная частица *ka* в данном контексте была произнесена после неприятного инцидента с главной героиней, о котором знал ее собеседник, поэтому у нее не было необходимости сохранять видимость социально-лингвистической маски банковского работника.

Фатическая, эмоциональная и статусно-идеологическая функции кодового переключения иллюстрируют, как языковые средства используются для поддержания контакта, выражения эмоций и обозначения социальной позиции. При этом метапрагматический уровень позволяет глубже понять социальные смыслы и интенции, стоящие за коммуникативными актами. Таким образом, кодовое переключение не

¹ Словарь социолингвистических терминов / под редакцией Е. Н. Звегинцева. Москва: Наука, 2006. 312 с.

только служит средством передачи информации, но и является важным инструментом выражения культурной идентичности и социального взаимодействия.

Выводы

Данное исследование демонстрирует, как кодовое переключение в романе Розанны Амаки «Книга Эха» отражает сложные социолингвистические и структурные аспекты, которые поддерживают и усиливают темы идентичности и культурного взаимодействия. Название статьи точно отражает исследуемые феномены, поскольку работа подчеркивает, как языковые манипуляции героев служат инструментом для передачи не только содержания, но и социального контекста, в котором они действуют.

Анализ произведения выявил различные функции кодового переключения, которые включают в себя прагматические цели, такие как выражение социального статуса, культурной идентичности и эмоционального состояния. Эти функции оказываются особенно значимыми в условиях многоязычия и культурного разнообразия, где язык становится средством самовыражения.

Метапрагматические аспекты, такие как этнопсихологическая составляющая, делают возможным более глубокое понимание того, как исторические и культурные контексты формируют языковую картину мира героев. В этом контексте кодовое переключение выступает не просто как лингвистическая стратегия, но и как отражение социального взаимодействия и личных переживаний.

Таким образом, исследование подчеркивает важность интеграции социолингвистических и структурных подходов в изучении художественных текстов, открывая новые перспективы для понимания роли языка в формировании культурной идентичности и социального взаимодействия.

Список литературы / References

Арутюнова Н. Д. Прагматика. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1990, с. 389–390.

Arutjunova N. D. Pragmatics. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1990, pp. 389–390. (In Russ.)

Бахтин М. М. К методологии литературоведения. *Контекст: Литературно-теоретические исследования*. Москва: Наука, 1975, с. 203–212.

Bakhtin M. M. On the methodology of literary criticism. *Context: Literary-theoretical studies*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 203–212. (In Russ.)

Словарь социолингвистических терминов / под редакцией Е. Н. Звегинцева. Москва: Наука, 2006. 312 с.

Dictionary of Sociolinguistic Terms; ed. by E. N. Zvegintsev. Moscow: Nauka, 2006. 312 p. (In Russ.)

Томпсон Р. У. Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизованные диалекты Старого и Нового Света. *Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты*. Москва: Наука, 1972, с. 478–484.

Thompson R. U. Notes on some features that bring together creolized dialects of the Old and New Worlds. *New in Linguistics. Vol. 6: Language Contacts*. Moscow: Nauka, 1972, pp. 478–484. (In Russ.)

Amaka R. *The Book of Echoes*. London: Penguin Books, 2020. 384 p.

Auer P. *Bilingual Conversation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. 116 p.

Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.

Caribbean Community Culture in London. Available at: <https://roadbook.com/london/city-guide/caribbean-community-culture-london/> (accessed: 30.11.2024).

DeCamp D. Toward a Generative Analysis of a Post-creole Speech Continuum. *Pidginization and Creolization of Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971, pp. 349–370.

Ferguson Ch. Diglossia. *Word*, 1959, vol. 15, no. 4, pp. 325–340. <https://doi.org/10.1080/00437956.1959.11659702>

Fischman J. The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. *Advances in the Sociology of Language*. Vol. 1. The Hague; Paris: Mouton, 1971, pp. 217–405.

Gumperz J. J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Leech G. Semantics. *The Study of Meaning*. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. 383 p.

Mair C. Corpora and the New Englishes: Using the ‘Corpus of Cyber-Jamaican’ (CCJ) to Explore Research Perspectives for the Future. *A Taste for Corpora: In Honour of Sylviane Granger*. Amsterdam: John Benjamins, 2011, pp. 209–236.

McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thoughts*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 416 p.

Mgbada C. O. Osu Caste System and the Problem of Slave Integration in Igboland: The Abakiliki Experience. *Issues in Historiography, Nation-Building and the African Diaspora*. Markurdi: Aboki Publishers, 2016, pp. 351–370.

Myers-Scotton C. *Social Motivations for Code Switching: Evidence from Africa*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 177 p.

Okon O. Communicating and Social Reception of the Nigeria Pidgin in Cross River State. *Tropical Issues in Sociolinguistics: The Nigerian Perspective*. Port-Harcourt: Emhai Publishers, 2003, pp. 404–417.

Poplack S. Contrasting Patterns of Code-Switching in Two Communities. *Methods V: Proceedings of the V International Conference on Methods in Dialectology*. Victoria: University of Victoria Press, 1985, pp. 51–77.

Silverstein M. Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function. *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 33–58.

Сведения об авторе

Мария Анатольевна Дубовицкая – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-7003-8392>, clouddancing@mail.ru (76, пр-т Вернадского, 119454 Москва, Россия); **Maria A. Dubovitskaya** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7003-8392>, clouddancing@mail.ru (76, pr. Vernadskogo 119454 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 07.12.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 09.01.2025.

The article was submitted 07.12.2024; Approved after reviewing 23.12.2024; Accepted for publication 09.01.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 66–78.
Cherovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 66–78.

Научная статья

УДК 82-31:82-7

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-6>

<https://elibrary.ru/iqqrmt>

Приемы и функции комического в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»

Марина Юрьевна Елепова¹, Дарья Сергеевна Орлова²✉

^{1, 2}Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия,

¹m.elepova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>

²✉dariaolr2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0628-9612>

Аннотация. В статье рассмотрены приемы и функции комического в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Выявлено, что введение комического в произведение связано с жизнеутверждающими взглядами автора романа, его стремлением примирить разные эпохи и поколения, снять напряжение при обращении к теме исторических потрясений XX века. Богатство эмоциональных регистров смеха в романе выражается такими формами и приемами, как юмор, сатира, ирония, гротеск, сарказм, алогизм, комические сцены и характеры, смешение трагического и комического начал.

Ключевые слова: А. П. Чудаков, роман «Ложится мгла на старые ступени», функции комического, приемы комизма, трагикомическое начало

Для цитирования: Елепова М. Ю., Орлова Д. С. Приемы и функции комического в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 66–78. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-6>; EDN: IQQRMT

Devices and functions of comic in the novel by A. P. Chudakov “Darkness falls upon the worn steps”

Marina Yu. Elepova¹, Darya S. Orlova²✉

^{1, 2}Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,

¹m.elepova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>

²✉dariaolr2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0628-9612>

Abstract. The authors consider comic devices and functions in A. P. Chudakov’s novel “Darkness falls upon the worn steps”. The aims of humor in the novel are life-assertion, the author’s desire to reconcile different epochs and generations, relieve tension when addressing the topic of historical terrible events of the 20th century. The diversity of emotional registers of laughter in the novel is

expressed by such forms and devices as humor, satire, irony, grotesque, sarcasm, alogism, comic scenes and characters, blending of tragic and comic elements.

Keywords: A. P. Chudakov, “Darkness falls upon the worn steps”, comic functions, comic devices, tragicomic

For citation: Elepova M. Yu., Orlova D. S. Devices and functions of comic in the novel by A. P. Chudakov “Darkness falls upon the worn steps”. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 66–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-6>; EDN: IQQRMT

Введение

Яркой особенностью романа А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» является пронизывающая его юмористическая стихия. Д. Харитонов отмечает: «Автобиографический роман “Ложится мгла на старые ступени” – книга гомерически смешная»¹. Комическое предстает в разных регистрах – от бытовых юмористических сцен, «невинного» юмора, забавных происшествий до представленных во внешне шутливой форме драматических событий, сплава с трагическим началом, отражающих историю XX столетия: тяжелые военные и послевоенные времена, голод, репрессии. Многоликость романного комизма обуславливает его многофункциональность. Юмористическое начало предстает как мировоззренческая установка повествователя – юмор необходим в борьбе с испытаниями, он не дает впасть в уныние, лишаящее жизненной силы, несет в себе жизнеутверждающее начало. Взгляд сквозь призму комического означает и мудрое снисхождение к человеческим слабостям и порокам, философское преклонение перед историческими судьбами страны, определяющими также участь членов большой семьи Саввиных–Стремоуховых.

Цель статьи – проанализировать приемы и функции комического в романе Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

К теме смеха обращались выдающиеся отечественные исследователи: М. М. Бахтин², В. Я. Пропп³, Ю. Б. Борев⁴ и А. З. Вулис⁵. В словаре Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева дается следующее определение комического: «Комическое – общественно значимое жизненное противоречие..., которое в искусстве является объектом особой эмоционально насыщенной эстетической критики – осмеяния»⁶. Механизмы перевернутой логики как способы создания комического рассмотрены С. А. Голубковой, в том числе сделан вывод, важный для цели нашего исследования: «явление, претендующее быть некоей ценностью, вдруг (благодаря умело выстроен-

¹ Харитонов Д. «Букер» после бури // Новая газета. 2011. № 136. С. 8.

² Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.

³ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Москва: Искусство, 1976. 183 с.

⁴ Борев Ю. Б. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. Москва: Искусство, 1970. 268 с.

⁵ Вулис А. З. Метаморфозы комического. Москва: Искусство, 1976. 126 с.

⁶ Словарь литературоведческих терминов / редакторы-составители Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. Москва: Просвещение, 1974. С. 145.

ному смеховому коду) обнаруживает свою мнимость, ничтожность, становится величиной, неотвратимо превращающейся в смысловой нуль. ... Смех выявляет элементы хаоса в структуре космоса, некоего упорядоченного целого»¹. Л. Н. Лубина², обращаясь к национальной специфике комического, видит истоки этого явления в сочетании нормативного и ненормативного, устоявшегося и нового представлений о мире.

А. А. Шипицина, анализируя негативную эстетику комического, приходит к заключению, что катарсис возможен не только в трагическом, но и в комическом. Смех помогает преодолевать страшное, отрицательные эмоции, вызываемые встречей с безобразным³. Эти выводы особенно важны для нашего исследования: выше уже было сказано, что одна из функций комического в романе Чудакова – снятие эмоционального напряжения при описании жизненных невзгод.

Смеховое начало, приемы и функции комизма в романе Чудакова при все возрастающем интересе к комическому на данный момент не становились для литературоведов отдельным вопросом изучения, что и определяет актуальность исследования.

В статье использован комплексный подход, объединяющий историко-литературный, историко-культурный, дискурсивный, типологический и герменевтический методы работы с художественным текстом.

Основная часть

Политическая, социально-нравственная и бытовая подоплека иронии героев и рассказчика. Объект внимания автора – реалии XX столетия российской истории, иногда включающие в себя обширную ретроспекцию в глубину веков. Исторические события предстают как фон и условия существования нескольких поколений семьи Саввиных–Стремоуховых. Описание жизни семьи и окружающих ее людей, данное сквозь призму восприятия главного героя Антона, который предстает в двух ипостасях: как персонаж-ребенок и как взрослый мемуарист – часто оказывается окрашенным в комические тона. Под пером Чудакова даже страшное лишается ореола ужаса, поскольку он смотрит на прошедшее с высоты отдаленного будущего и,

¹ Голубкова С. А. Смех и его механизмы перевернутой логики // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Т. 2 (г. Самара, 1 января – 30 декабря 2012 г.). Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2012. С. 56. EDN: PBETJV

² Лубина Л. Н. Комический эффект как трансформация нормы, национально-культурное в комическом // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1 (20). С. 85–88.

³ Шипицина А. А. Негативная эстетика комического: особенности комического катарсиса // Vita cogitas. 2013. № 8. С. 46–50. EDN: UTRACQ; Шипицина А. А. Негативная эстетика комического: ОБЭРИУ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013. 22 с.

так сказать, высшего юмора творения, когда «юмористическая фантазия наблюдает через призму наибольшего масштаба абсолютное ничтожество порока»¹.

Нарисованная в романе картина невзгод жизни на окраине страны не производит тяжелого впечатления. Одна из причин этого – всепроникающая ирония повествователя и самих героев. Когда преподавателям техникума полгода не выдавали жалования, семеро из них объединились в кооператив, назвав его «Будённовец». Основная собственность этого кооператива – конь Мальчик, некогда служивший в колчаковских войсках и с тех времен сохранивший страх перед красными знаменами и красноармейцами. Таким образом, название кооператива – насмешка преподавателей над торжеством победивших коммунистов, намек на возможную мнимость этого торжества. Через антагонизм наименования и нравов воспитанного белогвардейцами коня ирония приобретает политический оттенок.

Герои противостоят вызовам эпохи благодаря остроумию. Когда брата деда, Павла Львовича, вызвали в обком и обвинили в подрыве антирелигиозной пропаганды, он ответил: «Но вы же призываете свою паству быть верными учению марксизма-ленинизма... Что же касается гонителей, то я уж совершенно не мог намекать: у нас... свобода совести и религия не подвергается никаким притеснениям»². Другая похожая ситуация: Петька, знакомый Антона, спасает Генку Гежианова, прием в комсомол для которого оказывается под угрозой. Один из членов комиссии задает вступающему вопрос об отсутствии у него пионерского галстука, Петька не теряется и заявляет, что из пионеров выбывают по возрасту, переходя в разряд несоюзной советской молодежи. Такое правило герой придумал сам, но присутствующие поверили в правильность слов, настолько официально они звучали: «Их бить их же оружием»³, – объясняет свой поступок Петька. Придуманная героем формулировка по бюрократической модели становится способом обретения необходимого общественного статуса. Так персонажи Чудакова смеются над машиной политической пропаганды, подстраиваясь под ее язык и философию, заставляя служить собственным интересам и тем самым дискредитируя, выставляя в смешном свете официальную идеологию.

В высшей степени комично описание процесса запрягания Мальчика одним из членов кооператива – профессором Резенкампом. Ученый действует «по науке»: укрепляет на воротах записную книжку с чертежом, поясняющим, как правильно выполнять эту работу. Очевиден добродушный юмор автора в адрес профессора и одновременно сарказм, обращенный на власть имущих. Нарушение логики вещей, несоответствие социальной роли и действительности – профессор в данном эпизоде не преподает, не занимается наукой, а пытается делать что-то несвойственное для ученого – служит к созданию комического эффекта.

Во времени, являющемся будущим по отношению к жизни Антона, логики еще меньше, чем в прошлом. Будущее показано в том числе через увлечение дочки глав-

¹ Аулов А. М. Формы комического: сатира, юмор, собственно комическое // Русская литература на рубеже тысячелетий – 2019: материалы Университетской научно-практической конференции (г. Луганск, 21 марта 2019 г.). Луганск: Книта, 2019. С. 6.

² Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2022. С. 449.

³ Там же. С. 298.

ного героя Даши литературной «заумью», игровыми жанрами, абсурдистскими произведениями Д. Хармса. Она, в отличие от своего отца, деда и прадеда, не любит басен Крылова, ершовского «Конька-горбунка». Таким образом, через любовь героини к литературе, построенной на игре слов, формалистических экспериментах, отражены регрессивные процессы, происходящие в обществе, смена старшего поколения новым, не видящим смысла в лучших произведениях русской литературы. Эстетический критерий открывает в известном смысле утрату новым поколением читателей нравственных ориентиров, определявших пафос русской классики.

В ироническом освещении представляются ситуации, связанные с общечеловеческими слабостями. Так, смех читателя вызывают описанные автором людские суевения, потребность в мифологизации действительности. Мать главного героя сама придумала примету: кто не закрывает дверь в лабораторию, не выйдет замуж. В этот же ряд можно поставить эпизод рассказывания баек горным инженером Жихаревым о том, как он «обнаруживал» залежи ценных металлов. Герой ходил по местности, прикладывая ухо к земле, рассматривал выкопанные из земли корешки и т. д., учитывая желание человека верить в сверхъестественное. Реальным источником волшебного «чутья» Жихарева были журналы ушедшей эпохи, знания маркшейдеров о свойствах почв, особенностях строения горных пород – наука, то, что в современную для героя эпоху тотальной безграмотности известно очень немногим. Он сам смеется над этим и играет на слабостях человека.

Многоликая ирония повествователя и героев служит разным целям: развенчивает изъяны политической системы, выявляет человеческие недостатки и слабости, создает комический эффект на бытовых примерах.

Конфликт пасторальности и реальности. Авторское определение жанра произведения – роман-идиллия, что обуславливает ожидание описаний мирной и тихой жизни, исполненной гармонии. Однако реалии жизни взрывают идеальные картины изнутри. Исследуя черты идиллии в этом произведении, Е. М. Гордеева обращается в том числе к рассказу о судьбе одной из теток Антона – Татьяны, отмечая, что «в основе данного “микросюжета” лежит типично пасторальная коллизия»¹, и в то же время противопоставляя историю Татьяны и пасторальную традицию, обнаруживая столкновение идиллии и реальности, с ее тяготами и трудами. Контраст идеальных ожиданий и действительных событий создает горькую иронию рассказчика.

В комическом плане в романе показано обучение бабкой внука и внучек светскому этикету царских времен в советское время, когда подобные манеры были абсолютно бессмысленны: «У того же виленского вице-губернатора к устрицам подавали шабли. Страшная ошибка! Устрицы запивают только шампанским, в меру охлажденным. В меру! Сейчас почему-то думают, что оно должно быть ледяным. Это вторая страшная ошибка!»²; «Может ли девушка снимать перчатку? Может и должна, с правой руки, в церкви. С левой – никогда, она будет смешна!»³. Полное несоот-

¹ Гордеева Е. М. Жанровое своеобразие романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 94.

² Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2022. С. 28–29.

³ Там же. С. 27.

ветствие старинного политеса новому времени порождает комический эффект, исполнено невинного юмора и в то же время оттеняет невежество, отсутствие воспитания новых поколений, воспринимаемое как норма в постреволюционную эпоху.

Идиллические мотивы связаны в романе с безвозвратным прошлым, если что-то и дает надежду на возможность безоблачного счастья в настоящем, то эти надежды, как правило, оказываются тщетными, и конфликт пасторальности и реальности приобретает комическое, а иногда и трагикомическое звучание.

Прием пародийного снижения как средство создания образа эпохи. Анализируя комедии Аристофана, А. М. Аулов пишет о ностальгии этого автора о прошедшей эпохе и его нелюбви к настоящему времени, что «рождало критичность, изображение нынешнего времени как несовершенного, низменного, вызывая в числе других сатирический, эмоционально негативный тон его [Аристофана] комедий»¹. В центре повествования в романе Чудакова – семья, мировоззрение старшего поколения которой сформировалось во времена Российской империи, и все новое им не нравится. Вынужденные уехать из родного города, расстаться с привычным укладом жизни и бороться за выживание на необжитой окраине страны, они критически настроены по отношению к новой советской власти. Как и у Аристофана, в духе устоявшейся литературной традиции у Чудакова часто используется прием пародийного снижения, в эти тона окрашены почти все упоминания о советском устройстве государства. Например, плакат «Превратим всю страну в цветущий сад» вывешивают рядом с туалетом, и кто-то вписывает в лозунг «и туалеты». Призыв идти к светлому будущему сводится к самым низменным человеческим потребностям.

Сюда можно отнести и привычку деда для чистки стекла лампы использовать газетные листы, на которых напечатан краткий курс истории ВКП(б). Леонид Львович считал, что этот текст хорошо впитывает грязь. В рассказе о подготовке лампы к вечерней работе содержится упоминание о газетах, использовавшихся в туалете: политическая верхушка вновь оказывается в одном семантическом ряду с низменным. Здесь же можно добавить про частушку с использованием обценной лексики на тему советского герба.

Официозная идеология далека от народа. Ее столкновение с обычной жизнью создает комический эффект, выявляя несостоятельность и мишурность большевистских нововведений. Например, традиции носить комсомольский билет у сердца из всех одноклассников Антона следует только Петька Змейко, но и тот перестает «таскать» с собой билет, как неуважительно сказано об этом в тексте, после того как документ помялся при игре в кучу-малу и вымок в реке.

Прием пародийного снижения хлестко высвечивает лозунговую природу заштампованной официальной идеологии и в то же время выявляет критическое начало, характерное для народного восприятия советской власти.

Комические персонажи. В текст романа вплетено множество рассказов о людях, которых знал Антон. Герои некоторых из этих рассказов являются комическими

¹ Аулов А. М. Формы комического: сатира, юмор, собственно комическое // Вестник Луганского национального университета им. Тараса Шевченко. 2019. № 1 (30). С. 48. EDN: PSVUZW

персонажами. Примером здесь может послужить Улыбченко, который никогда не улыбался: автор обращает внимание на противоречие между фамилией человека и одной из черт его личности. Дело, которым всю жизнь занимался Улыбченко, – диссертация о поговорах и поговорках последовательно в речах Сталина, Маленкова, Хрущёва, Брежнева. Смех вызывает оксюморонность темы: кажется, что народная мудрость не сочетается с докладами о планах партии, о достижениях колхоза. Юмористически воспринимается и мимикрия героя-«хамелеона». После перечисления вопросов, над которыми работал Улыбченко, следует предложение: «Косил он хорошо»¹. Несоответствие научной деятельности героя и бытового комментария, не имеющего отношения к теме, явно связано с литературной традицией – стилем иронического панегирика, перекликающимся с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя (ср.: «Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье»²).

Еще один комический персонаж романа – это «гений орфографии» Васька Восемьдесят Пять. Он уверен, что все слова в русском языке пишутся не так, как слышатся: «кирпич» – «жерпичь», «письмо» – «пестмо». Таким образом, для создания комического эффекта автор использует игру со словами. Смешным представляется факт, что в тексте из ста слов Васька делает сто тридцать ошибок. Здесь мы видим игру с числами: число ошибок превосходит число слов. Васька вызывает смех окружающих также ошибками в интонировании, в фонетике, которые он допускает при чтении стихов. Например, строчку из «Кавказа» «Вотще! Нет ни пищи ему, ни отрады!» он читает так: «Вааще – нет ни пищи ему, ни отравы!»³. Мальчик уверен, что каждый должен внести что-то от себя в стихотворный текст. Логика простодушного персонажа, прием создания комического, который мы здесь видим, в данном случае не становится «разоблачительной, обнажающей призмой, позволяющей обнаружить социальные изъяны действительности»⁴, как пишет о нем С. А. Голубкова, а помогает автору создать главу, полностью состоящую из комических эпизодов, что добавляет позитивных красок в повествование о тяжелой эпохе. Однако замечание деда о том, что «за тридцать пять лет преподавания такого не видывал – даже в партшколе и на рабфаке»⁵ может служить характеристикой эпохи. Сравнение оказывается в пользу обучающихся партшколы и рабфака, но сам факт возможности их сопоставления с Васькой говорит об очень низком уровне грамотности населения. Черты невероятного аграмматизма героя предстают не только как черта чистого юмора, но и как способ оценки эпохи.

¹ Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2022. С. 98.

² Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. Москва: Художественная литература, 1982. С. 374.

³ Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2022. С. 83.

⁴ Голубкова С. А. Смех и его механизмы перевернутой логики // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Т. 2. (г. Самара, 1 января – 30 декабря 2012 г.). Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2012. С. 56. EDN: RBETJV

⁵ Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2022. С. 82.

Трагикомическое начало. Особое место в описании XX века, времени, когда страна пережила несколько войн, голод, репрессии, занимает тема смерти. В романе многочисленны эпизоды, в которых смерть окрашивается в комические оттенки. Это позволяет говорить о сходстве картин смерти в изучаемом романе с концепцией смерти у Рабле. «Ряд смерти, за немногими исключениями, дается Рабле в гротескном и шутовском плане; он пересекается с рядом еды и питья, с рядом испражнений, с анатомическим рядом»¹, как отмечает М. М. Бахтин. Комические и трагические моменты у Чудакова нередко образуют игровое единство, создающее комический эффект и облегчающее восприятие описания непростой эпохи. Здесь отчасти приложимы выводы С. А. Шульца, сделанные при обращении к повести И. С. Тургенева «Первая любовь» и роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: трагикомичность названных текстов проистекает из «общего эпохального состояния семейного хаоса и раздора, достигающего до общеисторического и общеонтологического»².

Как забавное происшествие в романе Чудакова подается ситуация, когда Петр Андреич, директор школы, в которой учился главный герой, неумело использует риторические фигуры, произнося речь по случаю смерти учителя географии Предплужникова. В завершение речи Петр Андреич говорит: «И жил красиво, ... и...»³. Эта готовая фраза требует того, чтобы далее было сказано «и умер красиво», однако поставить здесь такие слова нельзя: и говорящий, и все собравшиеся знают, что смерть Предплужникова совсем не была красивой. При описании самой ситуации смерти автор использует такие слова, как «веселый выпивоха», «собутыльник» и даже грубые слова, относящиеся к проявлению жизни человеческого тела. Таким образом, здесь смерть встает в один ряд с весельем, пиршеством, разгулом жизни, что уже смешивает трагизм со смехом. Скорбное мероприятие приобретает некоторые черты шутовского представления.

Неудачная формулировка постановления членов президиума по поводу смерти Н. К. Крупской: «Смерть Крупской считать удовлетворительной»⁴ – также является примером создания комического эффекта за счет неумелого использования людьми лексических средств языка. Факт смерти человека охарактеризован клишированным канцелярским сочетанием, которое придает тому, что подразумевали собравшиеся, прямо противоположный смысл. Дополнительный комический эффект появляется за счет неправильного написания фамилии.

В момент веселья погибает еще один персонаж романа – преподаватель музыки Леонтьев: «...он в прачечной, где пьянствовал с прачками, сварился в чане с кипятком»⁵. Все в одной фразе, так сказать, через запятую: развеселое пьянствование с прачками и смерть, как будто равнозначные явления, что снижает пафос ужаса при

¹ Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). Москва: Языки славянских культур, 2012. С. 444.

² Шульц С. А. Макиавелли – Тургенев – Достоевский: трансформация трагикомического сюжетного мотива («Клиция», «Первая любовь», «Братья Карамазовы») // Литературоведческий журнал. 2021. № 1 (51). С. 11. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.01>

³ Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2022. С. 170.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Там же. С. 451.

восприятию такой смерти. Комический эффект создает постановка смерти в один ряд с разгулом жизни. Но из необычности события, становящегося причиной гибели, проистекает и трагизм ситуации: Леонтьев погиб нелепой, ранней и мучительной смертью. Наиболее яркое воспоминание об этом герое матери Антона – исполнение Леонтьевым роли пушкинского Алеко. В момент спектакля «костер» на сцене задымил по-настоящему. Актер не растерялся и, затапывая пламя, продолжал произносить монолог с импровизированными вкраплениями: «Там люди, в кучах за оградой не дышат утренней прохладой... Ишь, разгорелся как не надо! Главы пред идолами клонят и просят денег да цепей – я затопчу тебя, злодей!»¹. Сообщение о смерти Леонтьева становится маленьким отступлением от рассказа о нем. Находчивость остроумного Леонтьева несет в себе энергию чистого юмора, что также вступает в трагическое противоречие с фактом его гибели.

Случай, когда главный герой спасает тонущего человека, является ситуацией смертельной опасности, но автор превращает эпизод, который мог бы стать для Антона и спасаемого им мальчика экзистенциальным, пограничным, в смешное происшествие при помощи использования логики простодушного персонажа. Незадолго до этого случая Антон изучил правила транспортировки утопающих. Спасая человека, он ожидает, что тот будет вести себя так, как изображено на обучающих рисунках. Однако тонущий в панике обхватывает Антона и начинает увлекать на дно. Несоответствие происходящего теории, ролям, которые в данной ситуации берет на себя каждый из двух участников, и создает комический эффект. Его усиливает прием снижения: приводится главный, по мнению знаменитого спасателя Махмеда Бедия, способ спасения утопающих: «...сади подплываешь – и кулаком! По затылку башке. Как следоват. А потом – тащи как хочешь, как у вас на картине»². Таким образом, в данном эпизоде смерть (смертельная опасность) вновь предстает в комическом свете.

А. М. Аулов останавливается на такой форме комического, как скрытая сатира. «Скрытая сатира не нарушает жизненного правдоподобия, но сама эмоциональная авторская позиция, тон, отбор художественных деталей, едва уловимая пародийность»³ по-новому подают пародируемое и дискредитируют его, – так пишет исследователь. В этом ключе в романе Чудакова показаны две смерти. Когда в Харькове собираются взорвать церковь, мужик, который лезет на верх купола, чтобы снять золото, срывается вниз на мостовую в момент протягивания к кресту правой руки. Вторая смерть – гибель большевика на крыльце часовни. Во время митинга он доказывает, что Бога нет, пока он произносит речь, ему на голову падает образ Спасы Нерукотворного, висящий над входом в часовню. Сатирический подтекст очевиден. Два человека, находящиеся в расцвете жизненных лет, внезапно и нелепо погибают, оба они отрицают религию, а высшие силы словно отрицают их самих. Внешне тра-

¹ Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. Москва: Время, 2022. С. 451.

² Там же. С. 247.

³ Аулов А. М. Формы комического: сатира, юмор, собственно комическое // Вестник Луганского национального университета им. Тараса Шевченко. 2019. № 1 (30). С. 51. EDN: PSVUZW

гическое – неожиданная гибель – оборачивается своей комической стороной с явным метафизическим подтекстом.

Смерть, иногда нелепая и внезапная, связанная с грехом, предстает в романе в насмешливо-игровом регистре, становится частью карнавального смехового начала, что, однако, в полной мере не снимает с факта ухода человека из жизни неизбывного трагического пафоса.

Выводы

Богатство эмоциональных регистров, общий шутивно-иронический тон повествования, вплетение трагических и драматических эпизодов, включая и смерть, гибель персонажей, в многоцветье юмористических форм и приемов художественного письма составляют важнейшую особенность романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

Одна из функций комического в произведении – снижение эмоционального напряжения читателя при описании тяжелых и сложных жизненных ситуаций. Другая, не менее значимая функция – демонстрация собственного жизнеутверждающего взгляда на происходящее, восприятие жизни в ее универсальной сложности, смешении разновалентных начал. В книге противопоставлены и взаимодействуют прошлое, настоящее и будущее, комическое начало служит для связи времен, с помощью юмористического взгляда на происходящее разнонаправленные векторы канувших в лету дореволюционных времен, советской эпохи, тоже стремительно уходящей в прошлое, и настоящего, с которым связано уже четвертое поколение семьи Саввиных–Стремоуховых, уравниваются, что определяет еще одну функцию комического – гармонизирующую.

Комическое в романе-идиллии включает в себя юмористическое и сатирическое начала, иронию и гротеск, сарказм и алогизм, комические сцены и комические характеры, имеет политическую, социально-нравственную, эстетическую и бытовую подоплеку, тонко сплетается с трагическими интонациями и драматическим пафосом.

Разнообразие и множественность форм и приемов комического, само авторское определение жанра как не просто романа, а романа-идиллии, содержащее как некий иронический, так и оптимистический подтекст, определяют художественное своеобразие и оригинальность писательской манеры Чудакова.

Список литературы / References

Аулов А. М. Формы комического: сатира, юмор, собственно комическое. *Русская литература на рубеже тысячелетий – 2019: материалы Университетской научно-практической конференции (г. Луганск, 21 марта 2019 г.)*. Луганск: Книта, 2019, с. 4–7.

Aulov A. M. Forms of the comic: satire, humor, the comic itself. *Russian literature at the turn of the century – 2019: Proceedings of the university research and practice conference (Lugansk, 21 March 2019)*. Lugansk: Knita, 2019, pp. 4–7. (In Russ.)

Аулов А. М. Формы комического: сатира, юмор, собственно комическое. *Вестник Луганского национального университета им. Тараса Шевченко*, 2019, № 1 (30), с. 48–53. EDN: PSVUZW

Aulov A. M. Forms of the comic: satire, humor, actually comic. *Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University*, 2019, no. 1 (30), pp. 48–53. (In Russ.) EDN: PSVUZW

Бахтин М. М. *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.)*. Москва: Языки славянских культур, 2012. 877 с.

Bakhtin M. M. *Collection of works: in 4 vols. Vol. 3: The theory of the novel*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012. 877 p. (In Russ.)

Бахтин М. М. *Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.

Bakhtin M. M. *Fransua Rable and folk's culture of The Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1990. 543 p. (In Russ.)

Борев Ю. Б. *Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия*. Москва: Искусство, 1970. 268 с.

Borev Iu. B. *Comic, or about how laughter punishes the imperfection of the world, cleanses and renews a person and confirms the joy of being*. Moscow: Iskusstvo, 1970. 268 p. (In Russ.)

Вудис А. З. *Метаморфозы комического*. Москва: Искусство, 1976. 126 с.

Vulis A. Z. *Metamorphoses of the comic*. Moscow: Iskusstvo, 1976. 126 p. (In Russ.)

Гоголь Н. В. *Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород*. Москва: Художественная литература, 1982. 431 с.

Gogol' N. V. *Evenings on a farm near Dikanka; Mirgorod*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982. 431 p. (In Russ.)

Голубкова С. А. Смех и его механизмы перевернутой логики. *Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Т. 2. (г. Самара, 1 января – 30 декабря 2012 г.)*. Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2012, с. 56–58. EDN: PBETJV

Golubkova S. A. Laughter and its mechanisms of inverted logic. *Proceedings of the IX International research and practice conference dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture in Memory of Saints Cyril and Methodius Equal to the Apostles. Vol. 2 (Samara, January 1 – December 30, 2012)*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniia, 2012, pp. 56–58. (In Russ.) EDN: PBETJV

Гордеева Е. М. Жанровое своеобразие романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 2015, № 6, с. 90–96.

Gordeeva E. M. Genre peculiarity of A. P. Chudakov's novel-idyll "Darkness falls upon the worn steps". *Herald of Vyatka State Humanitarian University*, 2015, no. 6, pp. 90–96. (In Russ.)

Лубина Л. Н. Комический эффект как трансформация нормы, национально-культурное в комическом. *Вестник Югорского государственного университета*, 2011, вып. 1 (20), с. 85–88.

Lubina L. N. Comic effect as a transformation of the norm, the national and cultural in comic. *Yugra State University Bulletin*, 2011, iss. 1 (20), pp. 85–88. (In Russ.)

Пропп В. Я. *Проблемы комизма и смеха*. Москва: Искусство, 1976. 183 с.

Propp V. Ia. *The problems of comic and laughter*. Moscow: Iskusstvo, 1976. 183 p. (In Russ.)

Словарь литературоведческих терминов / редакторы-составители Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. Москва: Просвещение, 1974. 509 с.

Dictionary of literary terms; compiled by L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow: Prosveshchenie, 1974. 509 p. (In Russ.)

Харитонов Д. «Букер» после бури. *Новая газета*, 2011, № 136, с. 8.

Kharitonov D. “Booker” after the storm. *New newspaper*, 2011, no. 136, p. 8. (In Russ.)

Чудаков А. П. *Ложится мгла на старые ступени*. Москва: Время, 2022. 640 с.

Chudakov A. P. *Darkness falls upon the worn steps*. Moscow: Vremia, 2022. 640 p. (In Russ.)

Шипицина А. А. Негативная эстетика комического: особенности комического катарсиса. *Vita cogitas*, 2013, № 8, с. 46–50.

Shipitsina A. A. The negative aesthetics of the comic: features of comic catharsis. *Vita cogitas*, 2013, no. 8, pp. 46–50. (In Russ.)

Шипицина А. А. *Негативная эстетика комического: ОБЭРИУ: автореф. дис. ... канд. философ. наук*. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013. 22 с.

Shipitsina A. A. *The negative aesthetics of the comic: OBERIU: Abstract Cand. thesis in Philosophical Sciences*. St Petersburg, 2013. 22 p. (In Russ.)

Шульц С. А. Макиавелли – Тургенев – Достоевский: трансформация трагикомического сюжетного мотива («Клеция», «Первая любовь», «Братья Карамазовы»). *Литературоведческий журнал*, 2021, № 1 (51), с. 9–20. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.01>

Shul'ts S. A. Machiavelli – Turgenev – Dostoevsky: transformation of the tragicomic motif (“Cletia”, “The First Love”, “The Brothers Karamazov”). *The Journal of Literary History and Theory*, 2021, no. 1 (51), pp. 9–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.01>

Сведения об авторах

Марина Юрьевна Елепова – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>, m.elepova@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Marina Yu. Elepova** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>, m.elepova@yandex.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoy Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Дарья Сергеевна Орлова – аспирант; <https://orcid.org/0009-0005-0628-9612>, dariaolr2014@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Darya S. Orlova** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0005-0628-9612>, dariaolr2014@yandex.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoy Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; одобрена после рецензирования 05.06.2024; принята к публикации 19.06.2024.

The article was submitted 19.02.2024; Approved after reviewing 05.06.2024; Accepted for publication 19.06.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 79–88.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 79–88.

Научная статья

УДК 81.119

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-7>

<https://elibrary.ru/hnukza>

Стилистические функции структурных типов кодовых переключений в произведении Дж. Куликкья “*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*”

Мария Геннадьевна Исаева^{1✉}, Ирина Юрьевна Кожина²
Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

^{1✉}mgisaeva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>

²iimishintseva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8126-2349>

Аннотация. Целью данного исследования является определение структурных типов и стилистических функций кодовых переключений в их взаимосвязи в романе Дж. Куликкья “*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*”. В тексте романа Дж. Куликкья основной структурный тип кодовых переключений – внутрифразовое переключение. В исследуемом материале преобладают переключения на сицилийский язык, выполняющие стилистическую функцию выразительного средства речи: переключения между частями сложного предложения служат для создания эффекта коммуникации на сицилийском языке, собственно вкрапления и острова гостевого языка – для создания «эффекта присутствия».

Ключевые слова: кодовое переключение, стилистическая функция, структурный тип, литературный билингвизм, внутрифразовое переключение

Для цитирования: Исаева М. Г., Кожина И. Ю. Стилистические функции структурных типов кодовых переключений в произведении Дж. Куликкья “*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*” // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 79–88. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-7>; EDN: HNUKZA

The stylistic functions of the code-switches’ structural types in the novel “*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*” by G. Culicchia

Mariya G. Isayeva^{1✉}, Irina Yu. Kozhina²
Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

^{1✉}mgisaeva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>

²iimishintseva@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8126-2349>

Abstract. The aim of this research is to define the interrelations of the structural types and the stylistic functions of the code-switches into Sicilian and English in the novel “*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*” by the Italian-Sicilian writer G. Culicchia. In the novel by G. Culicchia the main structural type of code-switches is an intrasentential code-switch. In the data under examination the code-

switches into Sicilian with the stylistic function of an expressive means predominate: the code-switches between parts of a complex sentence serve for creating the effect of communication in Sicilian, insertions and islands of the embedded language create "the effect of presence".

Keywords: code-switch, stylistic function, structural type, literary bilingualism, intrasentential code-switch

For citation: Isayeva M. G., Kozhina I. Yu. The stylistic functions of the code-switches' structural types in the novel "Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale" by G. Culicchia. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 79–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-7>; EDN: HNUKZA

Введение

В современной лингвистике одним из наиболее перспективных направлений исследования взаимодействия языков в форме заимствований и переключений кодов является литературный (художественный) билингвизм. Под художественным билингвизмом мы понимаем особую речемыслительную деятельность билингвального писателя, усваивающего способы осмысления действительности обеих культур и, тем самым, получающего доступ к достижениям общественного сознания данных культур и их описанию при помощи двух языковых систем¹. Условием литературного билингвизма является способность автора создавать произведения на двух (и более) языках или задействовать единицы двух и более языков в своих произведениях. Как правило, в тексте литературного произведения авторы чаще всего используют такую форму языкового взаимодействия, как кодовое переключение². Кодовое переключение – это попеременное использование билингвами двух и более языков в пределах одного разговора или высказывания³. Согласно К. Майерс-Скоттон, кодовые переключения – это единицы гостевого языка в высказывании на матричном языке (далее – МЯ), устанавливающим морфосинтаксическую рамку в предложении⁴. В устной и письменной речи данные единицы гостевого языка (далее – ГЯ) могут быть различными по структуре (от слова до группы предложений), всегда выполняют ряд прагматических функций, а также способны в отдельных случаях нести особую стилистическую нагрузку в тексте, как показали предыдущие исследования кодовых переключений на материале журнальных и газетных изданий⁵. В настоя-

¹ Вишневская Г. М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация // *Международный журнал экспериментального образования*. 2012. № 2. С. 90–91. EDN: RAKIZT

² Мишинцева И. Ю. Переключения кодов в художественных произведениях: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: [б. и.], 2011. 211 с.

³ Milroy L., Muysken P. Introduction: Code-Switching and Bilingualism Research // *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 1–14. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620867.001>

⁴ Myers-Scotton C., Hlavac J. Intra-clausal code-switching and possessive constructions in heritage varieties of Croatian: An MLF examination // *Diaspora language Contact*. De Gruyter Mouton, 2021. P. 627–660.

⁵ Кожина И. Ю. Прагматика переключений кодов в произведениях Э. Хемингуэя // *Вестник научных конференций*. 2019. № 3-2 (43). С. 46–50. EDN: HLLATF

шем исследовании рассматривается взаимосвязь двух аспектов изучения кодовых переключений в художественном произведении – структурного и стилистического.

Цель исследования – определение структурных типов и стилистических функций кодовых переключений на сицилийский диалект и английский язык в их взаимосвязи в произведении итало-сицилийского писателя Дж. Куликкья “*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*”.

Материал исследования представлен 75 кодовыми переключениями на сицилийский и английский язык. Матричный язык – итальянский, гостевые языки – сицилийский и английский соответственно. Кодовые переключения были выявлены как в авторской речи, так и в речи персонажей автобиографического романа Дж. Куликкья “*Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale*”. В данном произведении итальянский писатель пишет о своем отце-сицилийце и сицилийских родственниках. Дж. Куликкья вспоминает свою первую поездку в Марсалу с родителями. Автор выучил сицилийский язык уже будучи взрослым.

Структурные типы кодовых переключений анализируются на основе классификации иноязычных единиц по месту их локализации в высказывании, разработанной Г. Н. Чиршевой². Данная классификация предлагает три основных структурных типа кодовых переключений – выбор кода (при смене реплик в диалогической речи), межфразовые переключения (между предложениями) и внутрифразовые переключения (внутри, между частями сложного или простого предложения, а также внутри словосочетания). Внутрифразовые кодовые переключения в пределах словосочетания, в свою очередь, подразделяются Г. Н. Чиршевой на острова ГЯ (словоформа или словосочетание ГЯ в предложении на МЯ), вкрапления (морфема или слово ГЯ в морфосинтаксической рамке МЯ), голые формы (разновидность вкраплений ГЯ, не обеспеченных системными морфемами, требуемыми морфосинтаксисом МЯ в предложении), пиджинизированные вкрапления (содержательные морфемы ГЯ сопровождаются системными морфемами МЯ)³. В данной классификации используется основная терминология модели рамки матричного языка, разработанной американским лингвистом К. Майерс-Скоттон, а именно матричный и гостевой языки, содержательные и системные морфемы. Выше приводятся определения МЯ и ГЯ. Содержательные и системные морфемы разграничиваются К. Майерс-Скоттон на основе двух признаков – управления (получения) семантических ролей и квантификации⁴. Первым признаком обладают только содержательные морфемы, и, соответственно, к

¹ Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Структурные типы внутрифразовых переключений кодов в речи трехлетних билингвальных детей // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 6 (93). С. 160–171. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-6-93-14>

² Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 487 с.

³ Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Структурные типы внутрифразовых переключений кодов в речи трехлетних билингвальных детей // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 6 (93). С. 160–171. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-6-93-14>

⁴ Myers-Scotton C. *Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 263 p.

содержательным морфемам можно отнести корневые морфемы знаменательных частей речи (существительных, глаголов, прилагательных, наречий, некоторых местоимений) и некоторые предлоги. Вторым признаком, выражающимся в дейктивности, количественности и выборе временной рамки, обладают системные (функциональные) морфемы, к которым, следовательно, можно отнести артикли, флексии, вспомогательные глаголы, глаголы-связки, союзы и проч.

Стилистические функции кодовых переключений в художественном произведении определяются с привлечением общей теории интерпретации текста, работ И. Ю. Кожиной (Мишинцевой) по билингвальному анализу художественного текста¹ и М. Г. Исаевой по стилистическим функциям кодовых переключений². Согласно данным исследованиям, кодовые переключения могут служить как для передачи предметно-логической информации в тексте, так и дополнительной (коннотативной). В первом случае иноязычные единицы не несут особой стилистической нагрузки, во втором они выступают либо в качестве выразительного средства речи, либо компонента стилистического приема (на всех уровнях языка). Кодовые переключения, выполняющие стилистическую функцию выразительного средства речи, могут служить: 1) для создания эффекта коммуникации на ГЯ, т. е. для стилизации под речь на ГЯ; 2) для повтора содержания высказывания³; 3) для выделения темы или ремы высказывания; 4) для передачи идиоматических единиц ГЯ; 5) для создания «эффекта присутствия»; 6) для введения в текст элементов разговорного стиля речи⁴.

Основная часть

В материале исследования (матричный язык) было выявлено два гостевых языка – сицилийский и английский со значительным преобладанием первого (98 и 2 % соответственно). Например, ГЯ – сицилийский: 1. “Una sera andammo a fare una passeggiata in campagna, nella campagna vera, in una delle contrade dove vivono i **viddani** [...]” («Как-то вечером мы решили прогуляться за городом, съездить в настоящую деревню, в один из районов, где живут крестьяне...»). КП на сицилийский язык – существительное *viddani*. 2. “La **cubbaita** è un tipo di torrone a base di zucchero, miele e

¹ Кожина И. Ю. Прагматика переключений кодов в произведениях Э. Хемингуэя // Вестник научных конференций. 2019. № 3-2 (43). С. 46–50. EDN: HLLATF; Мишинцева И. Ю. Переключения кодов в художественных произведениях: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: [б. и.], 2011. 211 с.

² Isaeva M. Stylistic peculiarities of code-switches in English and Russian printed texts of mass media // LInCS2013: Proceedings of end International Symposium Language for International Communication. Latvia: University of Latvia, 2013. P. 62–72.

³ Мишинцева И. Ю. Переключения кодов в художественных произведениях: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011. 211 с.

⁴ Isaeva M. Stylistic peculiarities of code-switches in English and Russian printed texts of mass media // LInCS2013: Proceedings of end International Symposium Language for International Communication. Latvia: University of Latvia, 2013. P. 62–72.

mandorle, molto duro [...]» («Куббайта – это что-то вроде туррона на основе сахара, меда и миндаля, очень твердого»). КП на сицилийский язык – лексема *cubbaita*.

ГЯ – английский: 1. “Era al di là di ogni dubbio il treno più lungo del mondo, altro che l’**Orient Express**” («Это был, вне всяких сомнений, самый длинный в мире поезд, даже длиннее Восточного экспресса»). КП на английский язык – имя собственное Orient Express. 2. “I trattenimenti, a Marsala, corrispondono appunto ai pranzi e ai ricevimenti nuziali, e derivano con ogni probabilità dal vocabolo ‘intrattenimento’, che nell’America di Puzo suona come *entertainment*” («Под развлечениями в Марсале понимают именно свадебные обеды и приемы, и, безусловно, они восходят к слову “intrattenimento”, что в Америке Пьюзо звучит как *entertainment*). КП на английский язык – лексема *entertainment*.

В анализируемом романе были выявлены следующие структурные типы КП по месту появления в высказывании: I. **КП между частями сложного предложения** (11 % от общего числа КП). В основном данные КП представлены прямой речью персонажей романа на сицилийском языке, авторская речь – на итальянском: 1. “[...] nonna Giuseppina, la madre di mia madre, che tutte le volte che andavamo a trovarla diceva a sua figlia ‘*ma ’n te d’las pia ’n bel cit parei?*’ e mi faceva le patate fritte con il pepe e il rosmarino” («[...] бабушка Джузеппина, мама моей мамы, которая всегда, когда мы приезжали ее навестить, говорила своей дочери: “*ma ’n te d’las pia ’n bel cit parei?*” и давала мне жареный картофель с перцем и розмарином»). В данном примере приводятся слова бабушки Джузеппины, сицилийки. КП – прямая речь, переключение между частями сложного предложения. 2. В следующем примере КП тоже является прямой речью, принадлежащей сицилийскому другу отца Дж. Куликкья: “‘*Pigghiamu a lettera*’, propose Nuzzo a mio padre” («Отдай мне письмо», – предложил Нуццо моему отцу»).

II. **Остров ГЯ** (24 % от общего числа КП). Островные КП – это существительные во множественном числе или существительные с артиклем, предложные словосочетания (предлог + артикль + существительное), существительное в сопровождении притяжательного прилагательного, временные формы глаголов. Например, 1. “Tra l’altro: vigeva allora la regola ferrea dell’acchianata, second cui i fidanzati ufficiali allora venivano presentati in casa ufficialmente (*acchianavano*, cioè salivano, in casa e conoscevano i genitori) [...]” («Кроме того, строго соблюдалось железное правило *acchianata*, согласно которому жених и невеста официально представлялись в домах родителей обеих сторон (*acchianavano*, т. е. приходили в дом и знакомились с родителями) [...]»)).

КП на сицилийский представляет собой временную форму глагола и состоит из содержательной морфемы “*acchian*” и системной морфемы “*avano*” со значением прошедшего незавершенного времени (*Imperfetto*), множественного числа, 3 лица. 2. “In realtà, la maggior parte dei marsalesi si procura gli ingredienti necessari alla preparazione dei panini *cunzati* [...]” («В действительности большая часть марсальцев покупает необходимые для панини *кунзато* ингредиенты на рынке»). КП на сицилийский состоит из содержательной морфемы “*cunzat*” (имя прилагательное в дан-

ном случае) и системной морфемы "Г" со значением множественного числа, мужского рода.

III. **Собственно вкрапление** (62 % от общего числа КП). Данные КП представлены единичными лексемами ГЯ, которые используются в их «исходных формах и в тех синтаксических функциях, в которых эта форма меняться не должна»¹, а именно приветствия на сицилийском, имена существительные в функции подлежащего или дополнения, некоторые местоимения. 1. "A differenza di mio padre, però, non sembravano parlare piemontese e si esprimevano appunto in siciliano, quella lingua incomprensibile piena di *chistu* e di *chiddu* [...]" («В отличие от моего отца, однако, они, казалось, не говорили по-пьемонтски и выражались исключительно на сицилийском, на непонятном языке, в котором было много *chistu* и *chiddu*»). КП на сицилийский представляют собой указательные местоимения (*chistu* – это, *chiddu* – то). 2. "La *ferribotte* lasciava una scia bianca tra noi e la Calabria [...]" («От Калабрии нас отделял белый кильватер парома»). КП на сицилийский – имя существительное "ferribotte" в функции подлежащего.

IV. **Голая форма** (3 % от общего числа КП). Этот тип переключения – имена существительные без сопровождения необходимого с точки зрения морфосинтаксиса МЯ артикля. 1. "Il traghetto, che tutti sul treno chiamavano *ferribotte* [...], lasciò la Calabria..." («Паром, который все на поезде называли *ferribotte*, отплыл от Калабрии»). КП на сицилийский представлено именем существительным, которое используется в тексте без соответствующего итальянского артикля мужского рода, единственного числа (*il*). 2. "I trattenimenti, a Marsala, corrispondono appunto ai pranzi e ai ricevimenti nuziali, e derivano con ogni probabilità dal vocabolo 'intrattenimento', che nell'America di Puzo suona come *entertainment*". КП на английский язык – голая форма, так как отсутствует соответствующий итальянский артикль мужского рода единственного числа (*un / l'*).

Таким образом, в тексте романа сицилийский и английский языки представлены исключительно внутрифразовыми переключениями, среди которых преобладают собственно вкрапления.

С точки зрения стилистической функции в тексте романа "Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale" были выявлены три группы КП:

I. КП, выступающие в функции выразительного средства речи (96 % от общего числа КП). КП служат для стилизации коммуникации под речь на ГЯ (сицилийском языке), для передачи идиоматических единиц ГЯ, а также для создания «эффекта присутствия». В рамках первой группы были установлены следующие соответствия между структурными типами и видами выразительных средств речи: 1. В исследуемом материале внутрифразовые кодовые переключения между частями сложного предложения служат для создания эффекта коммуникации на сицилийском языке. Например: 1. "[...] e infine poi con me, dicendomi: 'Ma tu Peppe sei! Peppe come tuo nonno Guiseppe Culicchia, in arte Pippinu Piruzzu!', e mi pizzicò forte le guance fino a

¹ Isaeva M. Stylistic peculiarities of code-switches in English and Russian printed texts of mass media // LInCS2013: Proceedings of end International Symposium Language for International Communication. Latvia: University of Latvia, 2013. P. 62–72.

farmi male, ripetendo *'Pippinu! Pippinu Piruzzu meu!'*» («и, наконец, он обращался ко мне со словами «А ты Пеппе! Пеппе, как твой дедушка Джузеппе Куликкья, он же Пиппино Пируццо!», больно ущипнув меня за щеку со словами «Пиппино! Мой Пиппино Пируццо!»»). Автор вспоминает свою первую встречу с сицилийскими родственниками из Марсалы – дядей Гаспарино и его женой Тиной. То, что родственники говорят на сицилийском языке, становится понятно благодаря КП между частями сложного предложения, содержащего прямую речь. 2. "Lui mi accarezzò la nuca e mi disse: 'A Marsala abbiamo un proverbio: *si Maissàla avissi'u poittu, Ciapani fussi moittu*. Vuol dire: se Marsala avesse il porto, Trapani sarebbe morta". («Он [отец] погладил меня по голове и сказал: "В Марсале у нас есть поговорка: *si Maissàla avissi'u poittu, Ciapani fussi moittu*, то есть "Если у Марсалы был бы порт, Трапани был бы мертв"»). КП между частями сложного предложения – в речи отца Дж. Куликкья. Действие происходит в поезде, направляющемся в Марсалу. Отец-сицилиец рассказывает сыну об истории своей родины, предается воспоминаниям, время от времени переключаясь на сицилийский.

2. Внутрифразовые переключения в пределах словосочетания (собственно вкрапления и острова ГЯ) применяются автором для создания «эффекта присутствия», т. е. для передачи каких-то реалий жизни на Сицилии – названий блюд, особенностей сицилийской лексики и, в целом, сицилийского языка. Например: 1. "E passando per la cosidetta *Puitticiedda* o Porticella svoltammo nel Cassero [...]" («и затем проходя мимо так называемой Puitticiedda или Портичеллы, мы сворачивали на Кассеро...»). В данном случае КП – собственно вкрапление, которое передает произносительные особенности сицилийского языка, тем самым создавая «эффект присутствия»: место действия романа – Сицилия, Марсала. 2. "Il profumo della pasta con i ricci. Quello della pasta con la salsa e la melanzane, la pasta *c'a sairsa e i milinciani fritti*" («Аромат пасты с морскими ежами. Аромат пасты с соусом и баклажанами, пасты с соусом и жареными баклажанами»). КП – остров ГЯ. Иноязычная единица обозначает традиционное сицилийское блюдо и дублируется на итальянском языке. Подобное дублирование для понимания значения КП на сицилийский возможно лишь при наличии лексического эквивалента в итальянском языке.

II. КП, выступающие в тексте в качестве стилистического приема (в материале исследования – иронии) (2 % от общего числа КП). Данные КП передают ироничное отношение автора к некоторым сицилийским родственникам. Например: "[...] e Gasparino e Tina che lo aggiornavano su tutti, anche retroattivamente, ripescando episodi risalenti a prima del Sessantotto, a prima del boom, a prima del 25 luglio 1943, a prima della Guerra, a prima del Fascismo, a prima che i Fenici sbarcassero a Mozia, salvo poi concludere che *'u figghiu* (perche tutti i *chistu* e i *chiddu* avevano almeno un *fugghiu*) faceva immancabilmente l'avvocato, o comunque studiava da avvocato [...]" («Гаспарино и Тина, которые были в курсе дел у всех родных и близких, даже пост фактум, выживая из памяти эпизоды, предшествующие 68 году, буму, 25 июля 1943 года, войне, фашизму и высадке финикийцев в Моции, приходили к выводу, что сын (потому что у всех этих *chistu* и *chiddu* был по крайней мере один *figghiu*) обязательно работал адвокатом или учился на адвоката...»). В этом отрывке автор немного иро-

низирует над родственниками из Марсалы и называет их «все эти chistu и chiddu». "Chistu / chiddu" – сицилийские эквиваленты итальянских местоимений "questo / quello". С детских лет именно с этими словами у автора ассоциируется сицилийский язык.

III. КП, лишённые стилистической нагрузки: данные иноязычные единицы являются переключениями на английский язык (2 % от общего числа КП). Например: "I trattenimenti, a Marsala, corrispondono appunto ai pranzi e ai ricevimenti nuziali, e derivano con ogni probabilità dal vocabolo 'intrattenimento', che nell'America di Puzo suona come *entertainment*" («Под развлечениями в Марсале понимают именно свадебные обеды и приемы, и, безусловно, они восходят к слову "intrattenimento", что в Америке Пьюзо звучит как *entertainment*»). Лексема "*entertainment*" в данном случае выполняет прагматические функции, а не стилистические: английское слово служит для передачи логической информации, поясняются родственные этимологические связи итальянского слова.

В автобиографическом романе итало-сицилийского писателя Дж. Куликкья были установлены соответствия между структурой и стилистической функцией КП на сицилийский язык: внутрифразовые переключения между частями сложного предложения помогают понять читателю, что общение между героями произведения идет на сицилийском языке, так как место действия – сицилийский город Марсала, либо герои вспоминают свою жизнь на Сицилии (как в случае с отцом Дж. Куликкья) и вставляют в свою речь длинные структуры на гостевом языке. В обоих случаях КП служат для стилизации речи героев и автора произведения под речь на сицилийском языке. Собственно вкрапления и острова сицилийского языка выступают в тексте романа в качестве выразительных средств речи и используются автором для передачи атмосферы сицилийских городов и ностальгии Дж. Куликкья по связанному с этими городами прошлому, теплых родственных и дружеских отношений между героями произведения, введения в текст реалий, как языковых, так и экстралингвистических.

Выводы

Проведенный структурно-стилистический анализ кодовых переключений на сицилийский и английский язык в романе италоязычного автора позволяет сделать вывод о том, что единицы гостевых языков в тексте художественного произведения – это еще один способ передачи идейно-содержательного замысла автором. В исследуемом материале именно преобладающие переключения на сицилийский язык несут особую смысловую, эмоциональную и стилистическую нагрузку, так как для Дж. Куликкья сицилийский язык – это воспоминания о детстве, о родных и друзьях семьи, но, прежде всего, это воспоминания об отце. При помощи КП между частями сложного предложения можно стилизовать речь персонажей под речь на гостевом языке и тем самым подчеркнуть национальную принадлежность персонажей. Иноязычные единицы (собственно вкрапления и острова ГЯ) помогают описать место и время действия (детство и юность отца и сына на Сицилии), создать атмосферу произведения (в нашем случае – ностальгическое настроение главных героев романа). В

целом, в романе посредством кодовых переключений разной структуры автор знакомит читателя с сицилийским языком, с его произносительными и лексическими особенностями, автор поясняет различия между итальянским и сицилийскими языками и рассказывает о том, как постепенно преодолевал страх общения на сицилийском. Очевиден тот факт, что в художественном произведении могут быть корреляции между структурным типом и стилистической функцией КП. Проведенный анализ позволяет поставить следующий научно-исследовательский вопрос: являются ли выявленные корреляции между структурой и стилистической функцией устойчивыми или же они характерны только для исследуемого материала? Ответ на данный исследовательский вопрос в рамках художественного билингвизма требует привлечения нового материала с КП.

Список литературы / References

Вишневецкая Г. М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация. *Международный журнал экспериментального образования*, 2012, № 2, с. 90–91. EDN: RAKJZT

Vishnevskaja G. M. Literary bilingualism: linguistic interpretation. *International journal of experimental education*, 2012, no. 2, pp. 90–91. (In Russ.) EDN: RAKJZT

Кожина И. Ю. Прагматика переключений кодов в произведениях Э. Хемингуэя. *Вестник научных конференций*, 2019, № 3-2 (43), с. 46–50. EDN: HLLATF

Kozhina I. Iu. Pragmatics of code-switches in the literary works by E. Hemingway. *Bulletin of scientific conferences*, 2019, no. 3-2 (43), pp. 46–50. (In Russ.) EDN: HLLATF

Мишинцева И. Ю. *Переключения кодов в художественных произведениях: дис. ... канд. филол. наук*. Ярославль: [б. и.], 2011. 211 с.

Mishintseva I. Iu. *Code-switches in literary works: Cand. thesis in Philological Sciences*. Iaroslavl, 2011. 211 p. (In Russ.)

Чиршева Г. Н. *Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 487 с.

Chirsheva G. N. *Childhood bilingualism: Simultaneous acquisition of two languages*. St Petersburg: Zlatoust, 2012. 487 p. (In Russ.)

Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Структурные типы внутрифразовых переключений кодов в речи трехлетних билингвальных детей. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2019, № 6 (93), с. 160–171. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-6-93-14>

Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. Structural types of intrasentential code-switches in the speech of three-year-old bilingual children. *Cherepovets State University Bulletin*, 2019, no. 6 (93), pp. 160–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-6-93-14>

Isaeva M. Stylistic peculiarities of code-switches in English and Russian printed texts of mass media. *LInCS2013: Proceedings of end International Symposium: Language for International Communication*. Latvia: University of Latvia, 2013, pp. 62–72.

Milroy L., Muysken P. Introduction: Code-Switching and Bilingualism Research. *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620867.001>

Myers-Scotton C. *Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 263 p.

Myers-Scotton C., Hlavac J. Intra-clausal code-switching and possessive constructions in heritage varieties of Croatian: An MLF-based examination. *Diaspora language contact*. De Gruyter Mouton, 2021, pp. 627–660.

Сведения об авторах

Мария Геннадьевна Исаева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>, mgisaeva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Mariya G. Isayeva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>, mgisaeva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharsky, 162600 Cherepovets, Russia).

Ирина Юрьевна Кожина – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-8126-2349>, iimishintceva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Irina Yu. Kozhina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8126-2349>, iimishintceva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharsky, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024.

The article was submitted 18.04.2024; Approved after reviewing 07.05.2024; Accepted for publication 21.05.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 89–99.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 89–99.

Научная статья

УДК 81'33

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-8>

<https://elibrary.ru/hqajgn>

Репрезентация концепта «Война» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья

Ольга Андреевна Михайлова^{1✉}, Марина Александровна Харламова²,
^{1,2} Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия,

^{1✉} allellia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5094-2205>

² khr-spb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8391-0598>

Аннотация. В работе проанализирована взаимосвязь концепта «Война», репрезентированного в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья, с ключевыми константами речевой культуры региона. Исследование базируется на материалах корпуса, отражающих диалектную картину мира полиэтнического региона. Для выявления связи концепта «Война» с другими концептами был проведен анализ констант, отраженных в текстах корпуса. В работе был смоделирован фрагмент диалектной картины мира, отражающий ключевые категории, связанные с войной, и выявлен ценностный компонент. В результате исследования обнаружены такие ценности, как «жизнь», «благополучие», «полная семья», «здоровье» и «хлеб».

Ключевые слова: региональный корпус текстов, диалектология, аксиология, концептология, картина мира

Для цитирования: Михайлова О. А., Харламова М. А. Репрезентация концепта «Война» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 89–99.
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-8>; EDN: HQAJGN

Representation of the war concept in the regional corpus of the Middle Irtysh folk speech

Olga A. Mikhailova^{1✉}, Marina A. Kharlamova²,
^{1,2} Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia,

^{1✉} allellia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5094-2205>

² khr-spb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8391-0598>

Abstract. The paper analyzes the relationship between the concept of war, represented in the materials of the regional corpus of folk speech in the Middle Irtysh region, and the key constants of the traditional speech culture of the region. The study is based on corpus materials that reflect the

dialectal picture of the world and the values of the inhabitants in a multi-ethnic region. To identify the relationship between the war concept and other concepts, the authors analysed the constants reflected in the texts of the corpus. As a result of the study, the paper modeled a fragment of the dialect picture of the world reflecting the key categories related to the war and identified its axiological component. The study revealed such values as “life”, “well-being”, “nuclear family”, “health” and “bread”.

Keywords: regional corpus of texts, dialectology, axiology, conceptology, picture of the world

For citation: Mikhailova O. A., Kharlamova M. A. Representation of the war concept in the regional corpus of the Middle Irtysh folk speech. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 89–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-8>; EDN: HQAJGN

Введение

Настоящая статья основана на анализе тематически размеченных текстов корпуса народной речи¹, собранных в диалектологической экспедиции в г. Таре (Омская область) в 2015 году. Информанты относятся к различным этническим группам Среднего Прииртышья: белорусам, эстонцам и русским, русский язык (в его диалектной разновидности) – основной язык общения.

В центре исследования – реконструкция фрагмента языковой картины мира жителя Среднего Прииртышья, выполненная на основе анализа материалов корпуса полиэтнического региона², репрезентирующих концепт «Война».

Актуальность данного исследования заключается в том, что изучение представлений о войне в устных рассказах сельских жителей является важной составляющей культурного наследия региона. В статье рассматриваются фрагменты, включающие рассказы о Гражданской, Советско-финской и Великой Отечественной войне. В работе продемонстрирована методика работы с тематически размеченными текстами корпуса. Кроме того, различные этнические группы, живущие в Среднем Прииртышье, обладают своими особыми культурными традициями и взглядами, что делает тексты, собранные в регионе, репрезентативным объектом изучения³.

Результаты исследования позволяют более глубоко понять культурно-исторические особенности полиэтнического региона и выявить характерные черты представлений о войне у носителей говоров с разной диалектной основой.

¹ Лавров Д. Н., Харламова М. А., Костюшина Е. А. Представление разметки корпуса народной речи Среднего Прииртышья // Математические структуры и моделирование. 2018. № 4 (48). С. 85–90. <https://doi.org/10.24147/2222-8772.2018.4.85-91>; EDN: YZFHGP

² Харламова М. А., Лавров Д. Н. История полиэтнического региона в «зеркале» народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете. МКР-Барселона 2018. (г. Барселона, 20–22 июня 2018 г.). Барселона: Trialba Ediciones, 2018. С. 1572–1580.

³ Харламова М. А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2014. С. 13–91.

Основная часть

Тема войны и конфликтов всегда занимала особое место в сознании человека. Концепт «Война» в русской традиционной культуре связан с константами патриотизма и жертвенности. Так, О. В. Гефнер указывала на антиномичное представление о войне в русской традиционной культуре: «понимая бедственность войн, русский народ принимает ее как священный долг перед Отечеством»¹.

«“Война” – универсальный концепт, представляющий собой важный компонент культурного знания»². Изучение репрезентации концепта «Война» в языковой картине мира может улучшить межкультурное понимание.

В. В. Колесов справедливо отмечал отрицательный оттенок всех значений слов, связанных с войной: «война – ошибка, сражение – страсть поражения, победа – после беды»³. Это подчеркивает трагический характер войны и ее разрушительное влияние на общество и человеческую жизнь.

Исследование понятийных признаков концепта «Война», проведенное Е. Л. Калмыковой на материалах паремий, показало его «связь с концептами “Мир” и “Родина”»⁴.

Концепт «Война» изучали многие исследователи: Л. Н. Венедиктова, О. В. Головань, В. Б. Крячко, Т. А. Лавриненко, О. С. Фисенко, В. А. Хоруженко и др. Материалом для исследований преимущественно выступали художественные произведения, публицистические источники и паремии.

В аспекте нашего исследования следует указать на работу, выполненную по материалам регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья. Анализ подтемы *Великая Отечественная война*, проведенный Л. С. Зинковской, выявил «пересечение подтемы с темами Пища, Возраст, Работа, Национальность»⁵. Это позволяет заключить, что война оказывает влияние на различные аспекты жизни людей и является актуальной темой бесед с диалектоносителями.

Анализ работ позволяет заключить, что концепт «Война» является сложным и многогранным, манифестирующим различные аспекты культуры того или иного эт-

¹ Гефнер О. В. Образы войны и война в мировоззрении русского народа (на материалах фольклора XVIII – начала XX в.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 4 (32). С. 28.

² Потапчук М. А. Концепт Война в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий, 2011, № 4 (17). С. 48. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8\(4\).27-33](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8(4).27-33)

³ Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 182–183.

⁴ Калмыкова Е. Л. Понятийные признаки концепта «Война» и их вербализация в паремиях (на материале лексикографических источников) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 22 (239). С. 100–102.

⁵ Зинковская Л. С. Воспоминания о жизни во время Великой Отечественной войны (по материалам регионального корпуса говоров Среднего Прииртышья) // Народная культура Сибири: материалы XXIX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору (г. Омск, 18 ноября 2021 г.). Омск: Издательство Омского государственного педагогического университета, 2021. С. 41–42. EDN: UXDAMN

носа. Исследование этого концепта может помочь лучше понять особенности языкового мышления различных народов, издавна проживающих на одной территории.

Для исследования представлений о войне в диалектной культуре Среднего Прииртышья была проанализирована народная речь, отраженная в тематически размеченных материалах корпуса. Для выявления семантики слов, связанных с концептом «Война», был использован метод анализа словарных дефиниций и дефиниций ключевых слов в словарях. Это позволило реконструировать восприятие войны в разные исторические эпохи.

Для анализа значений лексических единиц, репрезентирующих концепты в устной речи диалектоносителей, были использованы методы лексико-семантического и контекстуального анализа. Это позволило выявить взаимосвязь концепта «Война» с другими концептами речевой культуры Среднего Прииртышья.

Для описания результатов анализа текстов народной речи и формулирования выводов о взаимосвязи концепта «Война» с другими концептами речевой культуры был использован метод описания. Это позволило рассмотреть связи между концептами и выявить семантику репрезентантов констант в контексте традиционной культуры.

Применение метода концептуального анализа дало возможность реконструировать фрагмент картины мира жителей Среднего Прииртышья, манифестирующий концепт «Война».

Выявим компоненты лексического значения слова *война*, чтобы определить границы семантического поля. Для этого обратимся к дефинициям слова *война* и близким по значению словам *рать* и *брань* в этимологическом словаре, словаре древнерусского языка и в толковом словаре современного русского языка. В словаре М. Фасмера указана связь церковнославянского слова *рать* с «нападением, борьбой, энергией и ссорой»¹. Похожие значения указаны у слов *брань*² и *война*³. В древнерусском языке отмечались такие значения слова *война* (*вьина*), как «раздор и сражение»⁴. Слово *брань* было синонимичным слову *война*, но определялось еще и как «защита» («оборона»)»⁵. Похожим значением обладало слово *рать*, при этом его лексическое значение было представлено не только такими толкованиями, как «война, нападение и вражда», но и как «войско (в том числе и вражеское), борьба, бой, драка и беда»⁶. В современном языке, по данным Национального корпуса русского языка,

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. Т–ЯЩУР. Москва: Прогресс, 1987. С. 448.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А–Д. Москва: Прогресс, 1986. С. 197–207.

³ Там же. С. 335.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1. А–К. Санкт-Петербург: издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893. С. 286.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. Р–Я. Санкт-Петербург: издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1912. С. 105–108.

более частотным является слово *война* (17 000 примеров). Слова *брань* (509 примеров) и *рать* (342 примера) менее частотны¹.

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *война* имеет такие дефиниции, как «вооруженная борьба между государствами или классами или враждебные отношения с кем-либо»². Словарные статьи *рать* («войско, война, битва») и *брань* («война, битва») содержат помету «стар.», что указывает на пассивный характер лексем в современном русском языке.

Таким образом, при анализе слов-репрезентантов были выявлены следующие смысловые категории: «сражение», «раздор», «защита» и «беда».

Проанализируем фрагменты тематически размеченных текстов регионального корпуса и выявим константы традиционной речевой культуры, связанные с Войной.

Детство большинства информантов пришлось на военные годы. Рассказ о детстве часто эксплицирует элементы, связанные с определенными социальными реалиями. Следующий фрагмент связан с рассказом о прошлом, при этом диалектоносительница не является свидетелем Гражданской войны, а передает информацию, о которой она узнала от своих старших родственников:

<время:война> Тут-вот брацкие магили были многа / ну там / такие-вот валы были / рвы / тут была цэлая вайна / прахадилла / ф-те годы старые тут многа растрелиных наших была / билагвардейцами / жэн'щин / мушчин / там-вот брацкие магили есть / тут киломитра два / пахаронины / и-вот так-вот ано как-ридут / есть там ищэ да-сих-пор эти // *<время:война>* (Федоткина М. Л., 1924 г.р., 81 г., жен., сельское просторечие).

Фрагменты речи информантов могут содержать оценку войны как времени подвигов и героизма или, наоборот, трагедии, принесшей множество страданий. Связь констант Детство, Семья и Война репрезентируют тексты корпуса:

<вопрос> А расскажите нам про родителей своих? *<вопрос>*
<семья:кровное_родство> А-што уговорить / была дитей мноуга / *<время:война>* атец пришол с-вайны бес-нох // Мать ево пять лет насила на-плечах / патом дали каляску яму / так-вот и-жыли / семья была бал'шая / *<время:война>* работала / кожны делала / афчины делала // *<семья:кровное_родство>* (Мохова Е. Ф., 1940 г.р., 75 л., жен., рус.-белор. говор).

В этом высказывании пересекаются репрезентанты констант Семья и Война. Рассказывая о своих родителях, диалектоноситель упоминает войну, которая принесла в их дом беду: *атец пришол с-вайны бес-нох*. Указание на этот факт в ряду других (*была дитей мноуга, кожны делала / афчины делала*) показывает, что информант воспринимает произошедшее как неотъемлемую часть семейной истории.

¹ Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на <15.04.2023>.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва: А ТЕМП, 2006. С. 207.

³ Там же. С. 669.

⁴ Там же. С. 116.

Можно заметить, что упоминание о войне «порождает» образ отца (брата, дяди), который возникает в сознании носителя говора всегда, когда в его сознании всплывает тема войны или заходит разговор о войне:

<семья:кровное_родство>

<смерть> *атец пришил с-ваины мален'ка пажыл и помир раниный весь // А жыть нада была // </смерть/> </семья:кровное_родство/>* (Демидович М. Ф., 1936 г.р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Война была настоящей трагедией. Отцов и братьев забирали на фронт, и многие из них не вернулись. Отличия детского восприятия войны от взрослого репрезентируются в материалах корпуса:

<возраст:детство>*С-тыци дивицот трицыть пятыва года / питнацытава мая / в-дравах // Мамка драва пилила / с-папкай / я папку сваиво ни-помню <время:война> / када вайна начилась мне была пять лет // Кагда вайна начилась / вот цяс-аш плакать хачю / а мама была тижолоя третим рибёнач'кам / а мне чё пять лет была? // Мамка идёт папку на-ваину праважаит / идёт плачит // А я ничё ни-панимаю / мама за-адну руку миня дёржыт / а папка за-другую // А я-я / прыгаю плишу / весила была /*

</время:война/></возраст:детство/>(Лаврентьева К. П., 1935 г.р., 80 л., жен., старож. говор).

Информант рассказывает о детстве во время войны. Этот фрагмент содержит два смысловых плана: осмысление и оценка войны в момент беседы (*цяс-аш плакать хачю*) происходит через интерпретацию воспоминаний о детском впечатлении (*весила была*). Информант в воспоминаниях о своем детстве затрагивает тему потери и трудностей, с которыми сталкивались все люди военного времени. Семьи, оставшиеся без мужчин, вынуждены были переносить все тяготы военного времени: *страх, голод и тяжелую работу*:

<время:война> **<пища:хлеб>***а патом / кагда сталася вайна / голат / хлеба не-была / з-два года хлеба не-была / ели траву // Вот-так // Ай! / ели траву / свету не-была / чувал был // Два года хлеба не-была / </пища:хлеб/></время:война/>* (Лаврентьева К. П., 1935 г.р., 80 л., жен., старож. говор).

Пересечение констант Война и Пища отражает реальную ситуацию, возникшую в военное время. Война в сознании человека связана с дефицитом многих благ. В тексте присутствует уточнение, что из-за войны жизнь стала тяжелой (*з-два года хлеба не-была, ели траву*). Более того, расширение высказывания (*свету не-была*) показывает, что во время войны были трудности не только с продовольствием, но и с освещением. Подчеркивается, что люди вынуждены были выживать в условиях войны.

Особое место в диалектном дискурсе занимает хлеб. Хлеб «как важнейший предметный концепт в сознании русского народа»¹ имеет глубокие корни в народной культуре, языке, религии и традициях. Хлеб был и остается символом достатка, благополучия и счастья в русской традиционной культуре.

¹ Мэн У. Концептуальный анализ лексемы «Хлеб» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 252. EDN: XLSXVB

Речь диалектоносителей эксплицирует связь тех констант, которые представляют для него наибольшую важность: «человек погружен в семиосферу личностно значимых смыслов»¹. Воспоминания о военной эпохе неразрывно связаны с воспоминаниями о голоде:

<вопрос>А что вы в молодости готовили?</вопрос>

<пища:приготовление>Ой! / ой! // Фсяка была / в-аснамном оващи картошка / и то што сам вырастиш / эта сама главнае / и то што / если есь парасёнак / если есь карова / вот ужэ и ида была // А если ни-таво и ни-другова // <время:война>А в-вайну так выжыли за-цёт крапивы / крапива была / расла висною крапива / вот супы варила / либида / варили супы ис-крапивы с-либида вот и выжыли / и хадили // </пища:приготовление>

<общественное_устройство:школа>Ну плоха жыли в-вайну / ну ждали тол'ка пиримены ф-школи када вот такую булач'ку дадут // </общественное_устройство:школа> Так была // Так была // Никуда ни-денишя // </время:война> (Новикова Т. М., 1933 г.р., 82 г., жен., старож. говор).

Константы Война, Пища, Голод объективируют жизнь людей, их привычки, традиции и культуру, а также помогают понять их жизненный опыт и выявить базовые ценности. Так, основными ценностями эпохи Великой Отечественной войны были Семья и Пища.

Из анализируемого текста можно получить и культурологическую информацию о жизни людей в условиях войны. Это отражает «будничное лицо» народа в условиях войны, его культурно-исторический опыт. Так, в рассказе о Советско-финской войне информант безоценочно говорит о произошедших событиях:

<время:война>На-финском фронти // Как она места называца // Заходили // Да ей ни-дали // А сразу туда / сразу на-финский // Карел'скай пириши^к / в-дотах были / канешна // Даляко // Стриляли и в-дотах были // Там фины были // Оне первы одне ваивали // А как немец пошол / они отступили // </время:война> (Чернов Г. И., 1897 г.р., 74 г., муж., старож. говор).

Этот фрагмент показывает, как русский человек относится к пережитым несчастьям. Часто в рассказах участников военных действий отсутствуют подробные описания тяжелых моментов войны, центром таких текстов становится рассказ о географических объектах, позициях войск или об итогах сражений. Тем не менее война в истории каждой семьи связана с бедой. Так, диалектоноситель, вспоминая о детстве, подчеркивает тяжелое эмоциональное состояние матери:

<время:война>нака мама придёт с-работы / мы где напала / пат-сталом уснём / как-ыграим малин'кии так уснём / ана придёт плачит / Диима / Клаава / где вы хоть есть? / жывыи-ли нет? // <мораль:народный_этикет>Во-как была в-вайну девач'ки / </мораль: народный_этикет> я фсиво навидилась // </время:война> (Лаврентьева К. П., 1935 г.р., 80 л., жен., старож. говор).

¹ Понизова Е. Б. Переживание как семантическая константа внутреннего мира человека (на материале немецкого языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 22 (53). С. 186.

В период войны ценность семьи выявляется особенно ярко. Семья становится центром жизни и источником поддержки и заботы. Она помогает людям преодолеть трудности и надеяться на лучшее.

Выводы

Безусловно, война как концепт ассоциируется с бедствием, болезненными процессами и потерями. Однако эта трагическая реальность часто показывает, насколько ценной становится семья. Семья является источником заботы и эмоциональной поддержки, помогает людям выдержать испытания, связанные с войной.

Пища и особенно хлеб, в свою очередь, становятся незаменимыми в период военных действий, так как важны для выживания¹. Хлеб составляет неотъемлемую ценность для носителей традиционной культуры, как и для языкового сознания русских в целом².

Таким образом, тексты корпуса, где маркерами темы <война> являются лексико-семантические средства (в качестве репрезентантов константы Война в анализируемых текстах выступают лексемы *война, раненый, живой, голод, выжить, плакать*), структурно-семантические средства (двухчастная структура предложения *Когда война началась / вот щяс-аш плакать хачю*; предложения с противительными союзами *отец пришол с-ваины и помир // А жыть нада была*; синтаксические структуры с явно выраженной пейоративной оценкой войны – *плоха жыли*); морфологические средства (глаголы прошедшего или настоящего исторического времени (в том числе диалектные) *сталася война, папку на-ваину провожаит, фсиво навидилась*)), в которых репрезентируется концепт «Война», отражают не только страх, бедствие и потери, но и ценности, помогающие людям выжить и преодолеть трудности. Война служит катализатором, который показывает, насколько важно заботиться о близких, беречь их и оберегать жизненно необходимые блага и здоровье. Война, таким образом, это еще и мерило нравственности, отсюда значимым представляется этическая составляющая анализируемой константы.

Тексты регионального корпуса, в которых репрезентируется концепт «Война», манифестируют базовые ценности жителей Среднего Прииртышья. Аксиологический компонент диалектной картины мира представлен такими ценностями, как семья, благополучие, хлеб, жизнь, здоровье.

Список литературы / References

Гефнер О. В. Образы войны и воина в мировоззрении русского народа (на материалах фольклора XVIII – начала XX в.). Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2021, т. 8, № 4 (32), с. 27–33. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8\(4\).27-33](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8(4).27-33)

¹ Мэн У. Концептуальный анализ лексемы «Хлеб» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 252–257. EDN: XLSXVB

² Зинковская Л. С. Репрезентация концепта ХЛЕБ в народно-разговорной речи XIX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Омск: [б. и.], 2006. С. 69–70.

Gefner O. V. The images of war and warrior in the world outlook of the Russian people (on the materials of folklore in the 18th – beginning 20th century). *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2021, vol. 8, no. 4 (32), pp. 27–33. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8\(4\).27-33](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8(4).27-33)

Зинковская Л. С. Воспоминания о жизни во время Великой Отечественной войны (по материалам регионального корпуса говоров Среднего Прииртышья). *Народная культура Сибири. Материалы XXIX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору (г. Омск, 18 ноября 2021 г.)*. Омск: Издательство Омского государственного педагогического университета, 2021, с. 40–43. EDN: UXDAMH

Zinkovskaia L. S. Memories of life during the Great Patriotic War (based on the materials of the regional corpus of the Middle Irtysh local dialects). *Folk culture of Siberia. Proceedings of the XXIX research and practice seminar of the Siberian regional university center for folklore (Omsk, November 18, 2021)*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2021, pp. 40–43. (In Russ.) EDN: UXDAMH

Зинковская Л. С. *Репрезентация концепта ХЛЕБ в народно-разговорной речи XIX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук*. Омск: [б. и.], 2006. 260 с.

Zinkovskaia L. S. *Representation of the concept of bread in the folk and colloquial speech of the XIX–XXI centuries: Cand. thesis in Philological Sciences*. Omsk, 2006. 260 p. (In Russ.)

Калмыкова Е. Л. Понятийные признаки концепта «Война» и их вербализация в паремиях (на материале лексикографических источников). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, 2011, № 22 (239), с. 100–102.

Kalmykova E. L. Conceptual characteristics of the concept war and their verbalisation in proverbs (in lexicographic sources). *South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics”*, 2011, no. 22 (239), pp. 100–102. (In Russ.)

Колесов В. В. *Русская ментальность в языке и тексте*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.

Kolesov V. V. *Russian mentality in language and text*. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 624 p. (In Russ.)

Лавров Д. Н., Харламова М. А., Костюшина Е. А. Представление разметки корпуса народной речи Среднего Прииртышья. *Математические структуры и моделирование*, 2018, № 4 (48), с. 85–91. <https://doi.org/10.24147/2222-8772.2018.4.85-91>; EDN: YZFHGP

Lavrov D. N., Kharlamova M. A., Kostyushina E. A. Representation of the corpus of Medium Irtysh folk dialect. *Mathematical Structures and Modeling*, 2018, no. 4 (48), pp. 85–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.24147/2222-8772.2018.4.85-91>; EDN: YZFHGP

Мэн У. Концептуальный анализ лексемы «Хлеб» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 2017, № 12, с. 252–257. EDN: YLSXVB

Men U. Conceptual analysis of the lexeme “bread” in the language picture of the Russians (on the material of explanatory dictionaries). *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series “Humanities”*, 2017, no. 12, pp. 252–257. (In Russ.) EDN: YLSXVB

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Москва: А ТЕМП, 2006. 938 с.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Explanatory dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions*. Moscow: A TEMP, 2006. 938 p. (In Russ.)

Понизова Е. Б. Переживание как семантическая константа внутреннего мира человека (на материале немецкого языка). *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради*, 2007, № 22 (53), с. 186–192.

Ponizova E. B. Pонизова Е. Б. Experience as a semantic constant of the internal world of a person (on the material of the German language). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Postgraduate notebooks*, 2007, no. 22 (53), pp. 186–192. (In Russ.)

Потапчук М. А. Концепт Война в русском языке и культуре. *Челябинский гуманитарий*, 2011, № 4 (17), с. 48–52.

Potapchuk M. A. The concept of war in the Russian language and culture. *Chelyabinsk Humanitarian Journal*, 2011, no. 4 (17), pp. 48–52. (In Russ.)

Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1. А–К. 1893*. Санкт-Петербург: издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1890–1912. 771 с.

Sreznevskii I. I. *Materials for the dictionary of Old Russian language on written monuments: in 3 vols. Vol. 1. A–K. 1893*. St Petersburg: izdanie Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk, 1890–1912. 771 p. (In Russ.)

Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. Р–Я. 1912*. Санкт-Петербург: издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1912. 996 с.

Sreznevskii I. I. *Materials for the dictionary of Old Russian language on written monuments: in 3 vols. Vol. 3. R–Ya. 1912*. St Petersburg: izdanie Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk, 1912. 996 p. (In Russ.)

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А–Д. 1986*. Москва: Прогресс, 1986–1987. 573 с.

Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 1. A–D. 1986*. Moscow: Progress, 1986–1987. 830 p. (In Russ.)

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. Т–ЯЩУР. 1987*. Москва: Прогресс, 1986–1987. 830 с.

Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 3. T–IaShchUR. 1987*. Moscow: Progress, 1986–1987. 830 p. (In Russ.)

Харламова М. А. *Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация*. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2014. 289 с.

Kharlamova M. A. *Constants of folk speech and their lexicographic interpretation*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 289 p. (In Russ.)

Харламова М. А., Лавров Д. Н. История полиэтнического региона в «зеркале» народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса. *Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете. МКР-Барселона 2018. (г. Барселона, 20–22 июня 2018 г.)*. Барселона: Trialba Ediciones, 2018, с. 1572–1580.

Kharlamova M. A., Lavrov D. N. The history of a multi-ethnic region in the “mirror” of folk speech: on the project of the regional dialect corpus. *Topical issues and perspectives of Russistics: Proceedings of the International Conference of Russists at the University of Barcelona. ICR-Barcelona 2018. (Barcelona, June 20–22, 2018)*. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018, pp. 1572–1580. (In Russ.)

Сведения об авторах

Ольга Андреевна Михайлова – аспирант; <https://orcid.org/0000-0001-5094-2205>, allellia@mail.ru, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (д. 55, корп. 2, пр-т Мира, 644077 Омск, Россия); **Olga A. Mikhailova** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0000-0001-5094-2205>, allellia@mail.ru, Dostoevsky Omsk State University (55, korp. 2, pr. Mira, 644077 Omsk, Russia).

Марина Александровна Харламова – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0009-8391-0598>, khr-spb@mail.ru, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (д. 55, корп. 2, пр-т Мира, 644077 Омск, Россия); **Marina A. Kharlamova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0009-8391-0598>, khr-spb@mail.ru, Dostoevsky Omsk State University (55, korp. 2, pr. Mira, 644077 Omsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 03.05.2024; Approved after reviewing 02.11.2024; Accepted for publication 18.11.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 100–111.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 100–111.

Научная статья

УДК. 821.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-9>

<https://elibrary.ru/idpzpz>

**Французский характер в русской интерпретации:
Диалог культур по Ф. М. Достоевскому**

Максим Александрович Некрасов

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,

Архангельск, Россия,

m.markus2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>

Аннотация. В статье на основе анализа публицистики и романов Ф. М. Достоевского «Игрок» и «Подросток» осмысливается характер изображения и интерпретации национального характера французов в сопоставлении с чертами русской ментальности. Писатель развенчивает фантазийный отечественный гетеростереотип о Франции и о французах, выявляет их негативные черты. Оппозиция «русские – французы» позволяет Достоевскому подчеркнуть его коренную хилиастическую идею будущего трансцендентного преображения русского народа-богоносца, а с ним и спасения всего западного мира от духовной смерти через высшие идеалы православной Руси.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, французский национальный характер, буржуазный тип, нравственный упадок, хилиастическая идея

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора М. Ю. Елеповой.

Для цитирования: Некрасов М. А. Французский характер в русской интерпретации: Диалог культур по Ф. М. Достоевскому // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 100–111. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-9>; EDN: IDPZPZ

**French character in Russian interpretation:
The dialogue of cultures by F. M. Dostoevsky**

Maksim A. Nekrasov

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,

Arkhangelsk, Russia,

m.markus2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>

Abstract. In the article, based on an analysis of F. M. Dostoevsky's journalism and novels “The Gambler” and “The Adolescent” comprehends the nature of the depiction and interpretation of the French national character in comparison with the features of the Russian mentality. The writer debunks the fantasy domestic heterostereotype of France and the French; reveals their negative traits. The Russian-French opposition allows Dostoevsky to emphasize his fundamental chiliaistic idea of

the future transcendental transformation of the Russian God-bearing people, and with it the salvation of the entire Western world from spiritual death through the highest ideals of Russian Orthodoxy.

Keywords: F. M. Dostoevsky, French national character, bourgeois type, moral decline, chiliastic idea

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor M. Yu. Elepova.

For citation: Nekrasov M. A. French character in Russian interpretation: The dialogue of cultures by F. M. Dostoevsky. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 100–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-9>; EDN: IDPZPZ

Введение

Расцвет реалистического творчества Ф. М. Достоевского пришелся на середину XIX века. В своих произведениях писатель неоднократно затрагивает тему национальной идентичности и особенностей как психологии французского народа, так и образа мышления представителей остальных народов всей Западной Европы. Для ряда произведений русского писателя характерно использование сюжетного мотива «житель Запада в русском обществе»: некий европеец оказывает влияние на жизнь главного героя или нескольких персонажей, что дает возможность читателю сделать выводы о европейских нравах. Социальный статус такого человека может быть самым разнообразным. Он может быть преуспевающим деловым человеком (совладелец сахарного завода, англичанин Астлей в романе «Игрок»), авантюристом-мошенником (француз Ламберт в романе «Подросток»), философом (немец Крафт в романе «Подросток»).

Осмысление темы национального характера французов в творчестве Ф. М. Достоевского уже привлекало внимание ученых. Так, В. И. Габдуллина, сфокусировав внимание на образе главного героя романа «Игрок» – русского учителя Алексея Ивановича, – указывает, что для него французские буржуа являются олицетворением художественной метафоры падения европейских ценностей. Такое восприятие приводит к формулировке антитезы «Россия – Европа», которая, по мнению Н. В. Володиной, исторически основана на: «со- и противопоставлении специфики образованности, типа мышления русского и европейского человека, понимания ими христианства, на сопоставлении характера, общественной и частной жизни и т. д.»¹. Согласно исследованиям Е. И. Рябовой и Л. О. Терновой, для Ф. М. Достоевского даже знаменитый Париж, в отличие от любимого им Санкт-Петербурга, характеризуется не иначе, как: «набор подделок и скопище неискренности»². Указание на наличие принципиальных различий в менталитете двух стран содержится и в исследованиях Н. О. Лосского, который отметил широту взглядов Достоевского, принципиально винившего в формировании материалистического образа мышления фран-

¹ Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 1. С. 245. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.1.374>; EDN: PYEBN

² Рябова Е. И., Терновая Л. О. Источники изучения истории повседневности: Европа глазами Федора Михайловича Достоевского // *Власть истории – История власти*. 2022. Т. 8, № 3 (37). С. 76.

цзуов искаженные идеалы католичества и охвативший все слои общества дух стяжательства, противопоставляя им высокие идеалы русского православия: «Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его»¹. Сторонником приведенной концепции является и В. М. Розин, который видит в дневниках писателя неустанную критику Европы «за отсутствие духовности, понимаемой в духе православия, а также за наличие буржуазных рыночных отношений»². Точку зрения исследователей также разделяют А. А. Лагунов и А. Ю. Смирнов, которые в размышлениях Ф. М. Достоевского усматривают критику европейской культуры, деятельность которой направлена на «подавление традиционной нравственности»³. Г. М. Фридендер также подмечает тревожные размышления писателя о мрачной судьбе французского, и даже – европейского, образа мышления, видя в русском писателе страстного обличителя буржуазной морали, корни которой испокон веков находились во Франции. Суть этой мысли замечательно передают исследования Е. А. Волковой, утверждающей: «Писатель не мог принять тех порядков, которые нес в себе капитализм из Европы в Россию»⁴. Однако следует признать, что деструктивный характер французской буржуазной морали в восприятии Ф. М. Достоевского базируется на устоявшихся общественных стереотипах об исключительности французского взгляда на мир и благоустроенности общественного устройства Франции, принуждающих русского человека отбросить собственную культурную идентичность ради поклонения «золотому тельцу» в надежде обрести лучшее будущее. Однако внешнее благополучие французов является лишь красивой ширмой, скрывающей колоссальный упадок культуры и эксплуатацию собственных сограждан.

В 1862 году вышел в свет очерк Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях», в котором писатель не только делится впечатлениями о путешествии по странам Европы, но также высказывает свое мнение о специфике национального самосознания европейцев. Посетив страны Запада, Достоевский отмечает, насколько несхожи между собой народы России и Европы. Особо писатель выделяет Францию, являвшуюся в середине XIX века источником вдохновения для всего западного мира. В дневнике за 1876 год писатель замечает: «Страна эта – есть страна всегдашнего первого шага»⁵.

¹ Лосский Н. О. Ф. М. Достоевский и его христианское миропонимание // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: <http://www.odinblago.ru/dostoevskiy/1> (дата обращения: 15.02.2024).

² Розин В. М. Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе // Культура и искусство. 2017. № 9. С. 42. EDN: ZNEDLD

³ Лагунов А. А., Смирнов А. Ю. Ф. М. Достоевский о причинах «Замечательной нелюбви» Европы к России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25, № 1. С. 30. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-25-1-25-33>; EDN: OLXSIO

⁴ Волкова Е. А. Внешняя политика России (западное направление) в публицистических произведениях Ф. М. Достоевского // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (116). С. 179.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 23. 1981. С. 84.

Основная часть

С первых строк «Зимних заметок» путешественник описывает, как давно он в волнении мечтал увидеть европейский мир, однако этот самый мир порождает в нем сложный комплекс чувств. В первых главах, в том числе в «Главе III и совершенно лишней», под мнимо-игривым и иронично-фамильярным тоном повествователя скрываются важнейшие идеологемы автора. Он отмечает тягчайшую болезнь соотечественников: стремление ходить «на чужих помочах». Даже обвиняя Европу во всевозможных грехах, русские ощущают собственную неполноценность и, на словах унижая европейцев, испытывают тайную жажду превосходства. Внешнее подражание европейским нравам дворянства привело к отрицанию национальной самобытности России, народа, почвы русской жизни, и в свою очередь является одной из причин появления так называемых «русских европейцев», обладающих, по мнению Н. В. Володиной, «европейской системой ценностей, особой ментальностью, способностью чувствовать чужую культуру как свою»¹. Однако, в восприятии Достоевского, светские люди не видят и не понимают ничего своего, а только рабски преклоняются «перед европейскими формами цивилизации»²; «люди такого сорта, переселившись через границу, напоминают собачек без хозяина». Достоевский выявляет одну яркую особенность отечественного гетеростереотипа в отношении европейцев: его плотное взаимодействие с автостереотипом. Кроме того, традиционно автостереотип положительно наполнен, а гетестереотип, отношение к представителям других этносов и национальных групп, – отрицательно. У русских же, по мысли писателя, наоборот: самоуничижительное представление о себе неотделимо от превознесения над собой жителя европейских стран как наделенного особой харизмой и цивилизационно превосходящего русских. Русские постоянно поверяют себя европейскими ценностями, озабочены мнением о себе европейцев, что, по мысли Е. В. Папиловой, непосредственно связано не только с историческим опытом русского народа, но и с «опытом его взаимодействия с той или иной нацией»³. Достоевский подчеркивает устойчивость, вековую укорененность в русском национальном самосознании стереотипа европейца как высшего по сравнению с отсталым русским человеком, бинарность «русский – европеец» оборачивается оппозициями «невежественный – просвещенный», «дремучий – передовой», «дикий – культурный» и т. п.

Дальнейшие наблюдения путешественника имеют, помимо всего прочего, сверхцель развенчания ложного мнения о себе русских, уврачевания их болезни рабского подражания и поклонения западной цивилизации и разрушения стереотипа великого европейца в глазах читателя. Стереотип, всегда имеющий фиктивную природу, во-

¹ Володина Н. В. Европа в восприятии «Русского европейца»: Pro and contra («Парижские письма») П. В. Анненкова, «Дни» Б. К. Зайцева // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1, № 4-1 (33). С. 53. EDN: PBKAVD

² Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 5. 1973. С. 61.

³ Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 39. EDN: OORQMV

ображаемое поле, фантазийный масштаб, развенчивается писателем на основе реальных фактов, конкретных наблюдений и сделанных на их основе обобщений.

В «Зимних заметках» особое внимание повествователь уделяет Франции. Во время пребывания в этой стране он живо интересуется культурными и национальными особенностями французского общества. В его восприятии возникает контраст между стереотипными представлениями русских о французах как легкомысленных, но исполненных изящества и остроумия людях, и их реальными чертами: скупостью, алчностью, самовлюбленностью, явственно заметных при ближайшем рассмотрении. Так, с помощью ряда риторических вопросов «Отчего он куда-то прибрал всех бедных и уверяет, что их совсем нет? Отчего он довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется верить себя, что его журналы неподкупны?» автор раскрывает такую особенность национального характера французов, как склонность к самообольщению, к вере в иллюзию совершенства их жизнеустройства, иначе «так ведь, пожалуй, подумают, что идеал не достигнут, что в Париже еще не совершенный рай земной»¹.

В ходе своих размышлений в «Зимних заметках...» рассказчик отмечает весомую роль во французском характере такого качества, как алчность: «Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей – это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина»². При этом для повествователя характерной чертой французов, отличающей их от всей остальной Европы, является сочетание алчности и тщеславия, что дополняется еще и страстью к наигранности и фальши: «Странный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство»³.

Таким образом, в своем очерке Ф. М. Достоевский разрушает устоявшийся в русском обществе гетеростереотип французского характера, взамен которого репрезентует европейцев как скупых, алчных и самовлюбленных людей, движимых собственными эгоистичными желаниями.

В отличие от «Зимних заметок», рассуждения Достоевского в «Дневнике писателя» уже не носят завуалированный характер, а сам писатель перестает скрывать собственные воззрения под личиной рассказчика. Придерживаясь почвеннической позиции, автор уже напрямую полемизирует со сторонниками буржуазной культуры, открыто подвергая критике европейский менталитет и в целом приводя ряд доводов в поддержку своих ранних размышлений.

Например, в «Дневнике» за 1876 год Ф. М. Достоевский вновь затрагивает тему самоупоения французов, однако выражает свою мысль не тайно, но путем открытого риторического восклицания: «Да когда француз не смотрел на себя в зеркало, не

¹ Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 39. EDN: OORQMV. С. 75.

² Там же. С. 76.

³ Там же.

красовался самым собою?»¹. Он замечает, что все слои французского социума объемлет эгоцентризм: «...об общественной пользе, пользе всех и о будущем всей Франции там уже никто теперь не заботится»². Об отмечаемом в «Заметках» тщеславии французской нации писатель говорит уже открытым текстом: «...чуть не половина французов верит и теперь, что в ней-то и кроется спасение, не только их, но и мира»³.

Дополнительно свои суждения писатель раскрывает и на литературной почве, наделив героев-французов соответствующими чертами, выражая собственные взгляды уже не напрямую, но с помощью художественных образов. Так, в романе «Игрок» (1866) Достоевский затрагивает тему национального характера французов. В. И. Габдуллина отмечает: «В романе воплотился взгляд писателя на европейскую цивилизацию как гибельную для русского человека»⁴. Само место действия романа – европейский город Рулетенбург – является отражением пороков современного общества. Яркий и притягательный, он вызывает к людской алчности, культивирует распушенность и ломает судьбы опрометчивых игроков.

Маркиз Де-Грие и mademoiselle Blanche, находясь в обществе, ведут себя вежливо, обходительно, с чувством собственного достоинства, предусмотрительны и способны к контролю своих порывов. Однако, несмотря на безукоризненное поведение, именно они способствуют моральному разложению русских персонажей, неспособных противостоять искушениям «просвещенной Европы». Например, мошенник Де-Грие виноват в помутнении рассудка Полины, а аферистка мадмуазель Бланш окончательно сломала жизнь Алексею Ивановичу и генералу Загорянскому. Манера поведения французов основана на тщеславии и стремлении показать себя в выгодном свете, так как, по мнению писателя, француз очень трепетно относится к внешнему проявлению приличий: «Это только у французов и, пожалуй, у некоторых других европейцев так хорошо определилась форма, что можно глядеть с чрезвычайным достоинством и быть самым недостойным человеком»⁵.

Действия французов продиктованы стремлением к материальному обогащению, ради достижения которого они способны прибегнуть к любым средствам. Например, в VII главе, в ходе диалога Алексея Ивановича и Астлея, последний повествует о том, какие душераздирающие сцены устраивала ранее mademoiselle Blanche для того, чтобы вызвать к себе жалость и найти богатого покровителя среди посетителей отеля. В то же время в XI главе Де-Грие, прикрываясь благими намерениями, стремится не допустить растраты Антонидой Васильевной Тарасевичевой своего капита-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 23. 1981. С. 133.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 22. 1981. С. 85.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 25. 1983. С. 18.

⁴ Габдуллина В. И. Искушение Европой: Роман Ф. М. Достоевского «Игрок» // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 13. EDN: JUYSOJ

⁵ Достоевский Ф. М. Игрок // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 5. 1973. С. 230.

ла, так как сам рассчитывает его заполнить. Видно, что алчность является неотъемлемой частью французского характера.

Другой характерной чертой французов в романе является их высокомерие. На протяжении всего произведения реакция Де-Грие на события описывается с помощью таких эпитетов, как «сказал небрежно и презрительно», «заметил самодовольно француз» и «Де-Грие презрительно усмехнулся и пожал плечами». Аналогичным образом ведет себя и mademoiselle Blanche¹. Мимика и речь персонажей подчеркивают их гордыню и самодовольство, что говорит о напыщенности как черте французского менталитета.

Ярким примером низменности французского национального характера служат и персонажи романа «Подросток» (1875). Одним из героев романа является французский буржуа Морис Ламберт, школьный товарищ главного героя – Аркадия Макаровича Долгорукого. Ради достижения своих целей француз идет на воровство, угрозы, шантаж и насилие. Все персонажи характеризуют его как подлеца и разбойника. Для достижения своих целей он искусно применяет свое самое действенное оружие – лицемерие, оттачиваемое им на протяжении многих лет. Испорченность Ламберта проявилась еще в детстве. После совершения католической конфирмации – таинства миропомазания – священник и юноша «кинулись в слезах друг другу на шею». Однако позднее товарищ признается Долгорукому, «что все, что они говорят про причастие, – вздор»².

Двуличие и презрение к истинам своей веры являет и сам аббат Риго. Будучи настоятелем монастыря, он пренебрегает обетом безбрачия и вступает в связь с матерью Ламберта, при этом старательно взывая к совести ее сына, укравшего деньги из шкапулки. Свои действия Риго сопровождает нарочито наигранными жестами: он «стал над ним и стал хныкать, изображать ужас и поднимать руки к небу», свидетельствующими о фальшивости «благих» намерений. Неискренность аббата, его притворная благообразность – типичная черта характера французов: «Француз редко натурально любезен; он любезен всегда как бы по приказу, из расчета»³. Образ аббата Риго также олицетворяет и сущность католичества в представлении Достоевского, который видит в нем искажение идей истинного христианства⁴. Н. О. Лосский отмечает: «Искажение христианства было, по мнению Достоевского, причиной охлаждения на Западе народных масс к Церкви и распространения среди них атеизма»⁵. Средоточение на земных целях, симония, буйство скрытых пороков, обожествление

¹ Достоевский Ф. М. Игрок // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 5. 1973. С. 230.

² Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 13. 1975. С. 27.

³ Достоевский Ф. М. Игрок // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 5. 1973. С. 239.

⁴ Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 8. 1973. С. 450–451.

⁵ Лосский Н. О. Ф. М. Достоевский и его христианское миропонимание // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: <http://odinblago.nichost.ru/dostoevskiy/7> (дата обращения: 15.02.2024).

папы – все это способствовало моральному разложению католиков, их духовному вырождению. Отрицая единство без свободы, Достоевский считал, что только православию научит «серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству и, наконец, в самое обновление людей на истинных началах Христовых»¹.

Будучи представителем католической культуры, Ламберт относится к ней с совершенным презрением. Кульминацией его отношений с аббатом Риго становится злобная угроза мальчика в ответ на увещания его духовного отца, которая выражает не только неуважение к своему наставнику, но свидетельствует и об отсутствии у героя каких-либо нравственных принципов. Школьный товарищ Аркадия представлен настоящим чудовищем, лишенным всяких этических воззрений и веры в Бога. В противовес Ламберту, многие русские персонажи у Достоевского, хотя и наделены страшными пороками, совершают преступления, однако верят в Бога и способны к раскаянию. Например, один из главных героев романа «Бесы» – нигилист и падший человек Николай Ставрогин – ради духовного очищения намеренно ищет себе страдания, а главный герой романа «Преступление и наказание» – убийца Родион Раскольников – испытывает неопишемую нравственную муку и сознательно принимает крест каторги.

Ламберту чуждо глубокое чувство покаяния русского человека. Француз не размышляет о природе своих безнравственных поступков, не терзается угрызениями совести или моральными дилеммами. Его отличает абсолютный цинизм и безверие. Склонный к садизму, он получает искреннее удовольствие от бессмысленной жестокости. Аркадий вспоминает: «Он привязал канарейку ниткой к сучку и из двух стволов, в упор, на вершок расстояния, дал по ней два залпа, и она разлетелась на сто перушков»². Другим примером является рассказ Долгорукого о том, как кровожадный француз жестоко отнесся к куртизанке: «...когда она стала браниться и просить платье, чтоб одеться, он начал ее изо всей силы хлестать по голым плечам хлыстом»³.

На протяжении всего повествования Достоевский отмечает и характерные особенности во внешности Ламберта. Облик персонажа построен на контрасте черного и белого, лицо сравнивается с маской, а цвет волос подчеркивается эпитетом «ужасный» и сравнением со смолой. Подростку Аркадию Долгорукому, движимому юношеским максимализмом, Ламберт представляется исчадием ада. Это страшное и неведомое чудовище, способное на любую низость. Он не остановится ни перед чем, чтобы заполучить желаемое.

Не меньшую неприязнь главный герой испытывает и к французскому Тушару – хозяину частного пансиона в Москве, где главный герой учился до гимназии. Это жестокий деспот, предпочитающий самоутверждаться за счет людей из более низкого со-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 23. 1981. С. 50.

² Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 13. 1975. С. 29.

³ Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 13. 1975. С. 28.

словия. Оценивая людей только по их финансам, он без зазрения совести не только бьет и унижает своего безродного воспитанника, но и ставит того в положение прислуги. Французу нравится чувствовать свою власть над беззащитным ребенком и тем тешить собственное самолюбие. Выходец из низкого сословия Франции, он презирает бедность и незнатность. Несмотря на высокомерие, Тушару крайне важно одобрение окружающих, в том числе и людей, им презираемых. Его образ построен на контрасте. Будучи человеком глубоко необразованным, француз кичится уровнем своего заведения. Презрение к незнатности маскируется им показательной восторженностью по отношению к освобождению русских крестьян от крепостной зависимости. Даже жестокое третирование Аркадия преподносится французом как акт великодушия. Бесчестность и лицемерие европейца являются основными чертами его характера.

Долгорукий считает французов корыстолюбивыми и жестокими людьми, способными ради своих целей на лесть, лицемерие и любые преступления. Видя от них только жестокость, подлость и пренебрежение к нравственным устоям, подросток обретает негативное отношение к французам и их национальным особенностям.

Характер изображения персонажей-французов в романах «Игрок» и «Подросток» вполне можно считать безжалостным приговором писателя современному французскому обществу, корни которого лежат в культе материализма, беспринципности и тщеславии. По мысли Достоевского, национальный характер французов был сформирован на основании идеалов «новой аристократии» – буржуазии, распространившей свои принципы на все сферы жизни общества. Наблюдая могущество и богатство правящих кругов, простой народ Франции, не найдя поддержки в религии или традициях прошлого, также начинает принимать деятельное участие в общем моральном разложении.

Для Достоевского такой тип мировоззрения крайне неприемлем, и именно поэтому он с таким жаром и решительностью обличает характер французов. Опасаясь нравственного растрепания своего народа, Достоевский неоднократно предупреждает читателей о губительности французского влияния и необходимости ему противостоять¹.

Выводы

Писатель выдвигает идею о том, что некогда высокая французская культура выродилась в культ материализма, чувство собственного достоинства – в лицемерие, а открытость и новаторство – в подозрительность и стагнацию. Своих соотечественников французы считают лишь ресурсом, способствующим личному обогащению и реализации честолюбивых замыслов. По мысли писателя, такой путь ведет лишь к духовной пустоте и нравственному вырождению.

Публицистическое наследие Ф. М. Достоевского, первостепенную роль в котором занимает «Дневник писателя», представляет широкому кругу читателей личные впечатления автора от непосредственных контактов с французскими буржуа, соци-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 26. 1984. С. 132.

альными и культурными аспектами их повседневной жизни. Констатируя моральную деградацию французов, писатель отмечает кризис буржуазного общества и с осуждением смотрит на западные ценности, лишённые духовных основ и воплощающие бесплодные усилия к достижению жизненного успеха через материальное обогащение, но способные привести лишь к внутренней опустошенности.

В прозе Достоевского образы французов предстают или на фоне русской жизни или в соотношении с русскими героями, чья широта души, напряженный духовный поиск, бескорыстие, способность к самопожертвованию маркируют исконные черты русской ментальности и контрастно оттеняют низкие свойства персонажей-французов. Даже отрицательные черты русских – безудержная пылкость, мечтательность, способность к преступлению в порыве отчаяния и страсти или по вере в некую идею – возвышают национальный характер русского человека над бездушием обезличенного европейца вообще и француза в частности. Прием контраста в сопоставлении французов и русских позволяет Достоевскому подчеркнуть его коренную эсхатологическую и одновременно хилиастическую идею возможного светлого будущего русского народа-богоносца и спасения им духовно омертвевшей Европы, разрушающейся западной цивилизации.

Список литературы / References

Волкова Е. А. Внешняя политика России (западное направление) в публицистических произведениях Ф. М. Достоевского. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2017, № 3 (116), с. 176–180.

Volkova E. A. The foreign policy of Russia in the journalistic works of F. M. Dostoevsky. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2017, no. 3 (116), pp. 176–180. (In Russ.)

Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, № 1, с. 243–254. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.1.374>; EDN: PYEBN

Volodina N. V. Dialogue between A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky on the character of Russian and European enlightenment. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 243–254. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/qr.2019.1.374>; EDN: PYEBN

Володина Н. В. Европа в восприятии «Русского европейца»: Pro and contra («Парижские письма») П. В. Анненкова, «Дни» Б. К. Зайцева). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2011, т. 1, № 4-1 (33), с. 53–57. EDN: PBKAVD

Volodina N. V. Europe in the perception of the Russian European: Pro and contra (“Paris Letters” by P. V. Annenkov, “Days” by B. K. Zaitsev). *Cherepovets State University Bulletin*, 2011, vol. 1, no. 4-1 (33), pp. 53–57. (In Russ.) EDN: PBKAVD

Габдуллина В. И. Испытание Европой: Роман Ф. М. Достоевского «Игрок». *Вестник Томского государственного университета*, 2008, № 314, с. 13–17. EDN: JUYSOJ

Gabdullina V. I. Temptation by Europe: the novel “Gambler” by F. M. Dostoevsky. *Tomsk State University Journal*, 2008, no. 314, pp. 13–17. (In Russ.) EDN: JUYSOJ

Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений: в 30 т.* Ленинград: Наука, 1972–1990.

Dostoevsky F. M. *Complete collection of works: in 30 vols.* Leningrad: Nauka, 1972–1990.

(In Russ.)

Лагунов А. А., Смирнов А. Ю. Ф. М. Достоевский о причинах «Замечательной нелюбви» Европы к России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 2021, т. 25, № 1, с. 25–33. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-25-1-25-33>; EDN: OLXSIO

Lagunov A. A., Smirnov A. Y. F. M. Dostoevsky on the reasons for Europe's "remarkable dislike" of Russia. *RUDN Journal of Philosophy*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 25–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-25-1-25-33>; EDN: OLXSIO

Лосский Н. О. Ф. М. Достоевский и его христианское миропонимание. *Электронная библиотека Одинцовского благочиния*. URL: <http://odinblago.nichost.ru/dostoevskiy/1> (дата обращения: 15.02.2024).

Lossky N. O. F. M. Dostoevsky and his Christian worldview. *The electronic library of the Odintsovo deanery*. Available at: <http://odinblago.nichost.ru/dostoevskiy/1> (accessed: 15.02.2024). (In Russ.)

Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки*, 2011, № 4, с. 31–40. EDN: OORQNV

Papilova E. V. Imagology as a humanitarian discipline. *Bulletin of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities, series "Philology"*, 2011, no. 4, pp. 31–40. (In Russ.) EDN: OORQNV

Розин В. М. Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе. *Культура и искусство*, 2017, № 9, с. 37–52. EDN: ZNEDLD

Rozin V. M. F. M. Dostoevsky's comprehension of Russia's mission and its relationship to Europe in "The Writer's Diaries". *Culture and Art*, 2017, no. 9, pp. 37–52. (In Russ.) EDN: ZNEDLD

Рябова Е. И., Терновоя Л. О. Источники изучения истории повседневности: Европа глазами Федора Михайловича Достоевского. *Власть истории – История власти*, 2022, т. 8, № 3 (37), с. 73–83.

Riabova E. I., Ternovaia L. O. Sources for studying the history of everyday life: Europe through the eyes of F. M. Dostoevsky. *The Power of History – The History of Power*, 2022, vol. 8, no. 3 (37), pp. 73–83. (In Russ.)

Фридлендер Г. М. Комментарии: Ф. М. Достоевский. *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 8.* Ленинград: Наука, 1990, с. 118–119.

Friedlander G. M. Comments on: F. M. Dostoevsky. *Dostoevsky F. M. Collected works in 15 vols., vol. 8.* Leningrad: Nauka, 1990. pp. 118–119. (In Russ.)

Сведения об авторе

Максим Александрович Некрасов – аспирант; <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>, m.markus2014@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д.17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Maksim A. Nekrasov** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>, m.markus2014@yandex.ru, Northern

(Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, 163002, nab. Severnoi Dviny, Arkhangelsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

The article was submitted 13.06.2024; Approved after reviewing 01.10.2024; Accepted for publication 15.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 112–122.
Cherovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 112–122.

Научная статья

УДК: 81'23

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-10>

<https://elibrary.ru/hdapgd>

Функционально-семантический анализ двувёршинных синтагм в лекторской речи

Лариса Александровна Пиотровская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,

larisa11799@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0195-5194>

Аннотация. В статье предлагается анализ интонационного оформления лекторской речи. Объектом исследования является фрагмент лекции профессора В. А. Ефремова «Русская фразеология». Теоретической основой психолингвистического подхода стали два понятия: «акцентное выделение», введенное Т. М. Николаевой, и «внутренний текст», предложенное Н. И. Жинкиным в соответствии с разработанной им теорией универсально-предметного кода. Описываются фонетические признаки двувёршинных синтагм и обосновывается вывод о том, что акцентное выделение в двувёршинных синтагмах обеспечивает связь как с внешним, так и с внутренним текстом.

Ключевые слова: интонация, акцентное выделение, двувёршинная синтагма, внутренний текст, смысл текста

Для цитирования: *Пиотровская Л. А.* Функционально-семантический анализ двувёршинных синтагм в лекторской речи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 112–122. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-10>; EDN: HDAPGD

Functional and semantic analysis of sense-groups with two stresses in lecturer's speech

Larisa A. Piotrovskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

larisa11799@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0195-5194>

Abstract. The paper focuses on the analysis of lecture oral speech intonation. The object of the study is Professor V. A. Efremov's lecture "Russian phraseology". The theoretical basis of the psycholinguistic approach included two concepts: "accentual phrasal stress" introduced by T. M. Nikolaeva and "internal text" proposed by N. I. Zhinkin in accordance with his theory of universal-object code. The author of the article describes phonetic features of syntagmas with two stresses and concludes that accentual phrasal stress in syntagmas with two stresses provides a connection with both external and internal text.

Keywords: intonation, accentual phrasal stress, syntagma with two stresses, internal text, text meaning

For citation: Piotrovskaya L. A. Functional and semantic analysis of sense-groups with two stresses in lecturer's speech. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 112–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-10>; EDN: HDAPGD

Введение

Предлагаемый в настоящей статье анализ интонационного оформления подготовленной устной монологической речи основывается на следующих теоретических положениях.

1. Сущность интонации состоит в том, что она является одним из средств грамматики текста¹, поскольку, «будучи даже изолированным, высказывание входит – в своем актуальном воплощении – в некий законченный коммуникативный комплекс – текст»². Это же положение несколькими годами позже сформулировал Ф. Данеш, назвав интонацию «неотъемлемым конститутивным свойством текста» (*nepostradatelným textověkonstitutivním rysem*)³, так как интонация связана не с грамматической единицей, каковой является предложение, а именно с высказыванием в составе текста. В. А. Звегинцев, подчеркивая неразрывную связь предложения с текстом, называет «речевое предложение», вырванное из текста, «псевдопредложением», а его содержание – «псевдосмыслом»⁴. Не случайно Н. И. Жинкин считал акустические записи отдельных предложений, используемые при обучении иностранному языку, недостоверными⁵. Это коррелирует с трактовкой высказывания как органического единства его синтаксической структуры, интонационного оформления и прагматических (дискурсивных) характеристик⁶.

2. Содержание высказывания как неотъемлемой части текста обозначается термином «смысл», при этом принципиально важным считаем положение о том, что смысл формируется «в самом процессе коммуникации, то есть в тексте, а не в предложении»⁷. Н. И. Жинкин, обосновывая это положение с позиций разработанной им на основе экспериментального исследования теории универсально-предметного кода (далее – УПК), определяет сущность текстового смысла как «перспективу развития

¹ Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. Москва: Наука, 1977. С. 30. В грамматике текста Т. М. Николаева выделяет три компонента: 1) содержательные текстовые категории, 2) текстовые единицы, 3) текстовые средства. См. также: Chafe W. *Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 27–32.

² Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. Москва: Наука, 1977. С. 29.

³ Daneš F. *Intonace v textu (promluvě) // Slovo a slovesnost*. 1985. Ročník 46, číslo 2. S. 85.

⁴ Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. Москва: УРСС, 2001. С. 193.

⁵ Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. С. 110.

⁶ См. например: Izre'el Sh. *The Basic Unit of Spoken Language and the Interfaces between Prosody, Discourse and Syntax // In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Based Approach*. Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 77–105.

⁷ Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. С. 110.

мысли»: «...в тексте не только содержится то, что сказано в данный момент, но и должно учитываться то, что было сказано раньше, и предполагается то, о чем следует сказать в дальнейшем. Это и есть операция УПК, которая не применима к отдельно взятому предложению, а ведет к раскрытию текста вперед и назад до бесконечности»¹. Ср. тот же вывод в статье И. М. Кобозевой, в которой она сравнивает содержание терминов «значение» и «смысл»: «Информация, которую оно [высказывание – Л. П.] передает, не хранится в памяти носителя в готовом виде, а создается в процессе речевого акта. Поэтому информация, передаваемая высказыванием в нормальном случае <...> погружена в некоторый текст, в котором она и подвергается истолкованию, экспликации»². Н. И. Жинкин в этой связи вводит понятие внутреннего текста: «Внутренним текстом можно назвать внутреннюю речь, задумывающую высказывание, или догадку о том, что задумал партнер»³. Из этого следует, что смысл текста возникает при установлении связей каждого высказывания не только с левым / правым контекстом внешнего текста, но и с текстом внутренним. В последних исследованиях зарубежных лингвистов также подчеркивается, что категория смысла предполагает широкое понимание текста»⁴.

3. Поскольку минимальной интонационно оформленной единицей, «первичной единицей устного высказывания»⁵ является синтагма, сформулируем наиболее значимые ее характеристики. Нами принимается определение синтагмы, предложенное Л. В. Щербой, как «фонетического единства, выражающего единое смысловое целое в процессе речи-мысли»⁶. Н. Д. Светозарова считает самым важным в этом определении «именно ситуативность интонационно-смысловой единицы, ее гибкость, минимальность и цельность для данного контекста и данной ситуации»⁷. Еще в середине XX века В. В. Виноградов обосновывал это положение, связывая возможное синтагматическое членение высказывания не только с его «семантикой», но и с его «социальным назначением»⁸. В современных исследованиях для иллюстрации этого положения обычно сравниваются варианты синтагматического членения одного и того же предложения в различных коммуникативных ситуациях⁹. Следовательно, слушающий в процессе восприятия устной речи понимает смысл высказывания в зависимости от его синтагматического членения, реализованного говорящим, и от

¹ Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. С. 94.

² Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 132.

³ Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. С. 100–110.

⁴ См. например: Giuffrè M. Text Linguistics and Classical Studies: Dressler and de Beaugrande's Procedural Approach. New York: Springer Verlag, 2017. 123 p.

⁵ Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. Москва: Наука, 1977. С. 33.

⁶ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Москва: Высшая школа, 1963. С. 8.

⁷ Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982. С. 26.

⁸ Виноградов В. В. Понятие синтагмы в русском языке // Вопросы современного русского языка. Москва: Учпедгиз, 1950. С. 248.

⁹ См., например: Mithun M. Basic Units of Speech Segmentation // In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Based Approach. Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 345–355.

интонационного оформления всего высказывания¹, хотя это не умаляет активного характера процесса восприятия речи, что впервые подчеркнул Л. В. Щерба², а в современной лингвистике связывается с пониманием текстового смысла слушающим³.

4. Интонация представляет собой сложное фонетическое явление, включающее систему взаимосвязанных компонентов: мелодику⁴, паузу, длительность и темп, интенсивность, просодический тембр⁵. Феномен двувершинных синтагм предполагает рассмотрение прежде всего одного компонента – интенсивности, которая реализуется во фразе в виде синтагматического и фразового ударения. Т. М. Николаева выделила еще один тип ударения, для обозначения которого она предложила термин «акцентное выделение». Впервые специфика акцентного выделения была детально описана ей в монографии⁶, а позднее дополнена в одном из разделов книги, подводящей итог работы в течение последних двадцати пяти лет⁷. Специфика акцентного выделения состоит в том, что оно представляет собой коммуникативно-текстовое явление: «...основное свойство акцентного выделения – выводить данное высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится»⁸. То, что Т. М. Николаева называет «особой контекстной аурой», коррелирует с понятием внутреннего текста в трактовке Н. И. Жинкина. По-видимому, не случайно их монографии вышли в один и тот же год (1982). Поскольку акцентное выделение принципиально отличается от фразового ударения: «АВ – факт текстово-коммуникативной сферы, ФУ – факт собственно интонационной сферы»⁹, «следовательно, они могут сосуществовать в рамках одного и того же высказывания»¹⁰. В этом случае говорящий и создает двувершинные синтагмы: одно, автоматизированное, синтагматическое ударение падает на последнее слово синтагмы, поскольку, как это отметил еще Л. В. Щерба, оно выполняет делимитативную функцию, а другое, располагаемое левее в линейной цепи, и будет акцентным выделением. Для целей нашего исследования важно также замечание Т. М. Николаевой о том, что в одном высказывании

¹ См., например, подробный обзор в: Büring D. *Intonation and Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 336 p.

² Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Москва: КомКнига, 2007. С. 24–25.

³ Ferstl E. C. *Text Comprehension // The Oxford Handbook of Psycholinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 198–217.

⁴ Наиболее полная характеристика смысловых отношений, выражаемых мелодикой, представлена в: Xu Y. *Prosody, Tone, and Intonation // The Routledge Handbook of Phonetics*. London; New York: Routledge, 2019. P. 314–356.

⁵ Светозарова Н. Д. *Интонационная система русского языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982. 175 с.

⁶ Николаева Т. М. *Семантика акцентного выделения*. Москва: Наука, 1982. 104 с.

⁷ Николаева Т. М. *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 56–105.

⁸ Николаева Т. М. *Семантика акцентного выделения*. Москва: Наука, 1982. С. 15.

⁹ Николаева Т. М. *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 61.

может быть даже несколько акцентных выделений¹, хотя подавляющее большинство высказываний с акцентным выделением, приводимых Т. М. Николаевой, являются односинтагменными и содержат одно выделенное слово.

5. Таким образом, функционально-семантический анализ двувершинных синтагм предполагает определение того, как акцентное выделение участвует в формировании смысла высказывания, погруженного в определенный внутренний текст.

Основная часть

Материал и методы

Объектом нашего анализа является начальный фрагмент лекции доктора филологических наук, профессора Валерия Анатольевича Ефремова на тему «Русская фразеология» (из серии «Лекции лингвистов о русском языке»), размещенной Центром современных образовательных технологий². На основе слухового анализа были выделены следующие просодические характеристики:

1) деление фраз на синтагмы: границы между синтагмами обозначаются одной косой линией, конец фразы – двумя косыми линиями;

2) определение места автоматизированного синтагматического ударения: перед фонетическим словом, на которое падает такое ударение, ставится знак двойного словесного ударения (например: "минут);

3) установление типа интонационной конструкции в каждой синтагме в соответствии с классификацией Е. А. Брызгуновой³; тип интонационной конструкции размещается после слова, находящегося под синтагматическим ударением, в верхнем регистре (например: "далее^{ИК-1});

4) нахождение слов, на которое падает акцентное выделение: такие слова маркируются знаком двойного словесного ударения и курсивом (например: "минут).

Приведем примеры высказываний, содержащих как минимум одну двувершинную синтагму с акцентным выделением:

(1) Дело в "том^{ИК-3} что / если мы "хотим^{ИК-6} / чтобы наша речь была "яркой^{ИК-2а} / "живой^{ИК-2а} / "интересной^{ИК-2а} / "образной^{ИК-3} / то "фразеологизм^{ИК-3} / это, пожалуй, самое "действенное" орудие^{ИК-4} / для создания этих характеристик "речи^{ИК-1} //;

(2) "Например^{ИК-1} / в большинстве "случаев^{ИК-6} / фразеологизмы отражают "культуру" народа^{ИК-3} / зачастую даже непонятную "современным носителям "языка^{ИК-1} //;

(3) "Так^{ИК-6} / если мы возьмем фразеологизм заварить "кашу^{ИК-3} / означающий за-теять "сложное^{ИК-2а} / "хлопотное^{ИК-2а} / или неприятное "дело^{ИК-3} / то при переводе его "на любой" другой иностранный "язык^{ИК-3} / мы столкнемся с неизбежными "проблемами^{ИК-2а} //;

¹ Николаева Т. М. От звука к тексту. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 67.

² Ефремов В. А. Русская фразеология. URL: https://m.youtube.com/watch?v=Y9gMhp9CrHs&list=PLhRk7MI9WXCgGrG-u2nrl3_UzejLaUClk&index=7 (дата обращения: 20.05.2024).

³ Русская грамматика: в 2 т. / главный редактор Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980. Т. 1. С. 96–122.

- (4) "Замечу^{ИК-6} / что в большинстве европейских "языков^{ИК-3} / "нет одного "слова^{ИК-6} / для обозначения этого "блюда^{ИК-1} //;
- (5) "Во-вторых^{ИК-3} / нужно будет "объяснить^{ИК-4} / что "каша^{ИК-3} / в этом словосочетании заварить "кашу^{ИК-2a} / не имеет никакого отношения к "кулинарии^{ИК-2a} //;
- (6) И вот "это" и есть^{ИК-2a} / переносное значение данного "словосочетания^{ИК-6} / которое сохраняется в "языке^{ИК-3} / и история которого^{ИК-6} / зачастую скрыта для современного носителя языка^{ИК-1} //;
- (7) "Кстати^{ИК-1} / "обратным действием "к заварить^{ИК-6} кашу / будет "расхлебывать^{ИК-2a} кашу //;
- (8) Итак^{ИК-2a} / что же такое фразеологизм^{ИК-1} // Это устойчивое^{ИК-4} / образное^{ИК-4} / эмоционально заряженное^{ИК-4} / обладающее "целостным значением "словосочетание^{ИК-3} / которое в отличие "от обычных сочетаний "слов^{ИК-6} / "не создается^{ИК-6} в речи / "а воспроизводится^{ИК-2a} //;
- (9) "В школе^{ИК-6} / зачастую все останавливается на так называемых идиомах^{ИК-2a} // Это "ядро фразеологического фонда любого "языка^{ИК-3} / и сюда входят "собственно "фразеологизмы^{ИК-6} / как переосмысленные образные сочетания^{ИК-2a} //;
- (10) Вот "обо всех этих группах "единиц^{ИК-6} / мы с вами сегодня "и поговорим^{ИК-1} //.

Основные результаты

Поскольку ранее нами было дано обоснование того, что позволяет нам квалифицировать одно из ударений в синтагме как акцентное выделение¹, в настоящей статье назовем лишь некоторые фонетические признаки двувершинных синтагм.

Мелодический контур двувершинных синтагм более сложный, чем синтагм с одним синтагматическим ударением, за счет дополнительного восходяще-нисходящего тона, напоминающего интонационный центр в ИК-2. Это и позволяет слушающему понять, смысл какого слова говорящий намеренно подчеркивает.

Расстояние между словом, стоящим под автоматизированным синтагматическим ударением, и акцентно выделенным словом может быть любым. Так, приблизительно в половине двувершинных синтагм из приведенных выше высказываний слова с разными в функциональном отношении ударениями разделяет еще одно фонетическое слово:

- высказывание (2), последняя синтагма ("современным носителям "языка);
- высказывание (4), предпоследняя синтагма ("нет одного "слова);
- высказывание (7), вторая синтагма ("обратным действием "к заварить);
- высказывание (8), третья и четвертая с конца синтагмы ("целостным значением "словосочетание; "от обычных сочетаний "слов).

В других высказываниях лексема с акцентным выделением непосредственно предшествует слову, на котором реализуется автоматизированное синтагматическое ударение:

¹ Пиотровская Л. А. Акцентное выделение как инструмент воздействия // XV Конгресс МАПРЯЛ: «Русский язык и литература в меняющемся мире» (г. Санкт-Петербург, 12–16 сентября 2023 г.). Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2024. С. 1697–1702. EDN: RDCGFX

- высказывания (1), предпоследняя синтагма ("действенное" орудие);
- высказывание (2), третья синтагма ("культуру" народа);
- высказывание (6), первая синтагма ("это" и есть);
- высказывание (9), предпоследняя синтагма ("собственно" фразеологизмы).

Самое большое расстояние между словами с разными типами ударения на протяжении первых 4 мин лекции «Русская фразеология» представлено лишь в первой синтагме высказывания (10) – "обо всех этих группах" единиц.

Следовательно, появление двух ударений в одной синтагме никак не связано с определенной ритмической организацией устной речи, а подтверждает мнение Т. М. Николаевой о том, что фразовое / синтагматическое ударение и акцентное выделение различаются по своим функциям.

Особый интерес представляет предпоследняя синтагма в высказывании (3), поскольку лектор реализовал в ней два акцентных выделения ("на любой" "другой" иностранный язык).

Отдельного комментария заслуживают две последние синтагмы в высказываниях (5) (не имеет никакого отношения к "кулинарии") и (8) ("а воспроизводится"). Несмотря на то, что эти синтагмы, в отличие от других синтагм с акцентным выделением, не являются двувершинными, тем не менее можно с уверенностью утверждать, что и в них реализуется не фразовое ударение, а акцентное выделение. Основанием для этого является то, что Т. М. Николаева выделяет два основных вида смысловой нагрузки акцентного выделения:

1) выражение идеи контраста, например: «Приходите завтра (а не послезавтра)!»;

2) значение 'именно', т. е. подчеркивание смысла определенного слова без явного или скрытого противопоставления, например: «Я абсолютно с ним не согласен»; в этом случае акцентное выделение регулярно падает на «интенсивы»¹.

Говоря о выражении контраста, Т. М. Николаева отмечает, что высказывание / синтагма с противоположным значением не обязательно выражена во внешнем тексте. В высказывании (5) слово «кулинария» по смыслу соотносится со словом «каша» в двух предшествующих синтагмах этого же высказывания, так же как и в высказывании (8) противопоставление выражено эксплицитно в предшествующей синтагме ("не создается в речи" / "а воспроизводится").

Обсуждение полученных результатов

Поскольку высказывание (1) с двувершинной синтагмой (это, пожалуй, самое "действенное" орудие) лектор произносит после краткого вступления, в котором он представляется и называет тему лекции, очевидно, что акцентное выделение слова «действенное» в словосочетании «действенное орудие» с самого начала настраивает слушателя на включение текста в более широкий контекст, в том числе во внутренний текст, и заставляет слушателя ждать ответа на вопрос, почему же именно использование фразеологизмов делает речь яркой, живой, интересной, образной. Уже через одно высказывание, в котором приводятся два фразеологизма («бить баклуши»

¹ Николаева Т. М. От звука к тексту. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 66.

и «два сапога пара»), акцентно выделенными становятся слова «культура» в словосочетании «культура народа» и «современный» в словосочетании «современные носители языка» (высказывание (2)). Отметим попутно, что в вводной части лекции, из которой взяты все приведенные примеры, слово «культура» употребляется еще раз ближе к концу вводной части: «С середины двадцатого века / фразеологи все чаще говорят о том, что / необходимо исследовать и такой пласт культуры / как крылатые слова //». Это позволяет нам говорить о том, что одной из текстовых функций акцентного выделения является своеобразное смысловое обрамление текстового фрагмента.

Смысловая нагрузка прилагательного «современный» в том же высказывании раскрывается в высказываниях с (3) по (7). Представляется возможным сравнить акцентное выделение этого прилагательного по функции с именительным темой, поскольку адекватное понимание исторического комментария, который автор лекции дает двум фразеологизмам, «заварить кашу» и «расхлебывать кашу», предполагает удержание в памяти слушающего двух ключевых слов: «культура» и «современный». Аналогичную функцию, на наш взгляд, выполняет и прилагательное «современный» в словосочетании «современные носители языка»: так же, как лексема «культура», это прилагательное повторяется через несколько высказываний (см. высказывание (6)), и вновь при повторном употреблении того же словосочетания лектор уже не выделяет его средствами акцентного выделения.

В завершение проанализируем второе высказывание в примере (8), специфика которого состоит в том, что в нем представлены три двувершинные синтагмы с акцентным выделением соответственно трех слов:

- 1) обладающее "целостным значением" словосочетание;
- 2) которое в отличие "от обычных сочетаний" слов;
- 3) воспроизводится.

Поскольку в этом высказывании дается дефиниция термина «фразеологизм», принципиально важным представляется то, какие признаки фразеологизма лектор считает ключевыми. По сути, во главу угла поставлено противопоставление свободных и устойчивых словосочетаний: фразеологизмы воспроизводятся в речи, а значит, они извлекаются носителями языка из ментального лексикона в готовом виде; статус фразеологизмов как единиц с целостным лексическим значением исключает возможность трактовать их содержание буквально, а требует культурно-исторического комментария. Анализ данного высказывания позволяет выделить еще одну функцию акцентного выделения – маркирование просодическими средствами ключевых слов.

Выводы

Сущность акцентного выделения как коммуникативно-текстового явления проявляется по-разному:

- 1) акцентное выделение, реализованное в начале текста, служит просодическим сигналом того, что полноценное понимание смысла текста слушающим потребует от него выхода за пределы внешнего текста, погружения внешнего текста в текст внутренних;

2) акцентное выделение представляет собой интонационное средство межфразовой связи, обеспечивая тем самым смысловые связи как с левым, так и с правым контекстом;

3) акцентное выделение может выполнять функцию именной темы, готовя слушающего к пониманию смысла следующей части текста;

4) акцентное выделение – одно из наиболее действенных просодических средств, позволяющих слушающему выделять ключевые слова, понимать смысл текста, а следовательно, акцентное выделение вносит существенный вклад в воздействие на слушающего в соответствии с намерением говорящего;

5) в одном высказывании может быть несколько акцентных выделений, что свидетельствует о его политематичности, если тему текста понимать как его предметную область.

Условием осознанного использования лектором акцентного выделения является, с одной стороны, личная заинтересованность в предмете речи, с другой – желание добиться максимально полного и адекватного понимания смысла слушающим.

Список литературы / References

Виноградов В. В. Понятие синтагмы в русском языке. *Вопросы современного русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1950, с. 183–256.

Vinogradov V. V. Concept of syntagmas in the Russian language. *Issues of the modern Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1950, pp. 183–256. (In Russ.)

Жинкин Н. И. *Речь как проводник информации*. Москва: Наука, 1982. 159 с.

Zhinkin N. I. *Speech as an information carrier*. Moscow: Nauka, 1982. 159 p. (In Russ.)

Звегинцев В. А. *Предложение и его отношение к языку и речи*. Москва: УРСС, 2001. 306 с.

Zvegintsev V. A. *The sentence and its attitude to language and speech*. Moscow: URSS, 2001. 306 p. (In Russ.)

Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл. *Язык о языке*. Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 303–359.

Kobozeva I. M. Two guises of speech substance: meaning and sense. *Language about language*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 303–359. (In Russ.)

Николаева Т. М. *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры, 2000. 680 с.

Nikolaeva T. M. *From sound to text*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. 680 p. (In Russ.)

Николаева Т. М. *Семантика акцентного выделения*. Москва: Наука, 1982. 104 с.

Nikolaeva T. M. *Semantics of accentual phrasal stress*. Moscow: Nauka, 1982. 104 p. (In Russ.)

Николаева Т. М. *Фразовая интонация славянских языков*. Москва: Наука, 1977. 279 с.

Nikolaeva T. M. *Phrasal intonation in Slavic languages*. Moscow: Nauka, 1977. 279 p. (In Russ.)

Пиотровская Л. А. Акцентное выделение как инструмент воздействия. *XV Конгресс МАПРЯЛ: «Русский язык и литература в меняющемся мире» (г. Санкт-Петербург, 12–16 сентября 2023 г.)*. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2024, с. 1697–1702. EDN: RDCGFX

Piotrovskaja L. A. Sense accentuation as a persuasion tool. *XV Congress of International Association of teachers of the Russian language and literature: “Russian Language and Literature in a Changing World” (September 12–16, 2023, St Petersburg)*. St Petersburg: MAPRIaL, 2024, pp. 1697–1702. (In Russ.) EDN: RDCGFX

Русская грамматика: в 2 т. / главный редактор Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.

Russian grammar: In 2 vols; ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 1. 784 p. (In Russ.)

Светозарова Н. Д. *Интонационная система русского языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982. 175 с.

Svetozarova N. D. *The Russian intonation system*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1982. 175 p. (In Russ.)

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Москва: КомКнига, 2007, с. 23–39.

Shcherba L. V. The threefold aspect of linguistic phenomena and experiment in linguistics. Shcherba L. V. *Language system and language behaviour*, 2007, pp. 23–39. (In Russ.)

Щерба Л. В. *Фонетика французского языка*. Москва: Высшая школа, 1963. 309 с.

Shcherba L. V. *The French phonetics*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1963. 309 p. (In Russ.)

Büring D. *Intonation and Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 336 p.

Chafe W. *Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 202 p.

Daneš F. Intonace v textu (promluvě). *Slovo a slovesnost*, 1985, ročník 46, číslo 2, s. 83–100.

Daneš F. Intonation in text (utterance). *Word and language art*, 1982, vol. 46, iss. 2, pp. 83–100.

Ferstl E. C. Text Comprehension. *The Oxford Handbook of Psycholinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 198–217.

Giuffrè M. *Text Linguistics and Classical Studies: Dressler and de Beaugrande's Procedural Approach*. New York: Springer Verlag, 2017. 123 p.

Izre'el Sh. The Basic Unit of Spoken Language and the Interfaces between Prosody, Discourse and Syntax. *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Based Approach*. Amsterdam: John Benjamins, 2020, pp. 77–105.

Mithun M. Basic Units of Speech Segmentation. *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Based Approach*. Amsterdam: John Benjamins, 2020, pp. 345–355.

Xu Y. Prosody, Tone, and Intonation. *The Routledge Handbook of Phonetics*. London; New York: Routledge, 2019, pp. 314–356.

Сведения об авторе

Лариса Александровна Пиотровская – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0003-0195-5194>, larisa11799@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 52, 1-я линия Васильевского острова, 199053 Санкт-Петербург, Россия); **Larisa A. Piotrovskaya** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0195-5194>, larisa11799@yandex.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (52, 1 liniia Vasil'evskogo ostrova, 199053 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; Approved after reviewing 05.03.2025; Accepted for publication 19.03.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 123–136.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 123–136.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-11>

<https://elibrary.ru/dbrrho>

**Риторическое утверждение
как средство диалогизации в ранней прозе Э. В. Лимонова
(на фоне англоязычных интерпретаций)**

Олеся Дмитриевна Сабанова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Москва, Россия,

sabanova.o@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7093-8524>

Аннотация. В статье рассмотрены формальные, эмотивные и прагматические характеристики конструкции «риторическое утверждение» как диалогизирующего средства в автофикциональном нарративе Э. В. Лимонова раннего периода творчества. Экспериментальная проза писателя имеет сложную повествовательную структуру, для описания которой мы используем понятие субъектной перспективы текста вслед за Н. К. Онипенко и А. В. Уржой, а текстовая канва включает живые разговорные интонации из речи говорящих субъектов, что требует новых риторических форм. Риторическое утверждение (прогрессивная транспозиция риторического вопроса) становится удобным инструментом дифференциации точек зрения и повествовательных планов, выражения индифферентности к происходящему и управления читательской мыслью. Семантико-синтаксический и функциональный анализ романов «Это я – Эдичка» (1976) и «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1977) подкреплен сопоставлением с корпусом русскоязычных текстов (НКРЯ) и переводами произведений на английский язык.

Ключевые слова: Эдуард Лимонов, перволичный нарратив, автофикциональная проза, риторическое утверждение, риторические конструкции, диалогизированный монолог, синтаксис разговорной речи, субъектная перспектива текста

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора А. В. Уржи.

Для цитирования: Сабанова О. Д. Риторическое утверждение как средство диалогизации в ранней прозе Э. В. Лимонова (на фоне англоязычных интерпретаций) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 123–136. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-11>; EDN: DBRRHO

**Rhetorical statement as a means of dialogization in E. Limonov's early prose
(against the background of English-language interpretations)**

Olesia D. Sabanova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,

sabanova.o@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7093-8524>

Abstract. The study examines the formal, emotive and pragmatic characteristics of the 'rhetorical statement' construction as a dialoguing means in E. V. Limonov's autofictional narrative of the early period. The writer's experimental prose has a complex narrative structure, for the description of which we refer to the notion of subjective perspective of text following N. K. Onipenko and A. V. Urzha, and the textual framework includes live colloquial intonations from the speaking subjects' speech, which requires new rhetorical forms. The rhetorical statement (progressive transposition of the rhetorical question) becomes a convenient tool for differentiating points of view and narrative plans, for expressing indifference to what is happening, and for controlling the reader's thought. Semantic-syntactic and functional analyses of the novels "It's me, Edie" (1976) and "The Diary of a Loser, or the Secret Notebook" (1977) are supported by comparison with the National corpus of Russian language and English interpretations of the works under study.

Keywords: Eduard Limonov, first person narrative, autofiction, rhetorical statement, rhetorical constructions, dialogic monologue, syntax of colloquial speech, subject perspective of text

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor A. V. Urzha.

For citation: Sabanova O. D. Rhetorical statement as a means of dialogization in E. Limonov's early prose (against the background of English-language interpretations). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 123–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-11>; EDN: DBRRHO

Введение

Основной массив отечественных и зарубежных научных работ разных лет, посвященных творчеству русского писателя и политика Э. В. Лимонова (1943–2020), обращен к анализу интертекстуальных и концептуальных¹, жанровых и дискурсивных², литературоведческих и нарратологических³ особенностей лимоновских текстов, поэтому их рассмотрение актуально именно с лингвистических позиций. Целью статьи является описание формального, эмотивного и прагматического устройства малоизученной синтаксической конструкции «риторическое утверждение» как диалогизирующего приема в прозе Лимонова периода 70–80-х гг. XX века. Риторическое утверждение – неотъемлемая черта идиостиля раннего Лимонова, к нему мы

¹ Демидова О. Р. Автобиографическая сага Эдуарда Лимонова: исповедь Супермена // *Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье*. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. С. 450–466. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-450-466>

² Орлова А. А. Проза и публицистика Эдуарда Лимонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2005. 17 с.

³ Кучина Т. Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI вв.: перволичные повествовательные формы: дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль: [б. и.], 2008. 344 с.; Rogatchevski A. *Eduard Limonov: A Critical Study*. Glasgow: University of Glasgow, 1998. 289 p.

относим следующие контексты: «Неужели ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так. Или он не боится испугать меня, не дорожит мною»¹. Особенности функционирования представленного языкового явления полнее раскрываются через повествовательную структуру романов «Американской» («Нью-Йоркской») трилогии, связанных сюжетно, и их переводов на английский язык. Максимальную близость обнаруживают два из них: «Это я – Эдичка» (1976) и “It’s me, Eddie” (1983); «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1977) и “The Dairy of a Loser” (2002)². Несмотря на то, что хронотопы произведений воплощают самые типичные черты американской действительности 70–80-х гг. XX века, а в выбранных текстах регулярно появляются калькирования и заимствования из английского языка, к романам «Американской» трилогии было сделано по одному англоязычному переводу, каждый из которых не в полной мере отражает неповторимые особенности исходных текстов. Контрастное сопоставление русскоязычных произведений и их переводных версий дополняет семантико-синтаксический и функциональный анализ, поскольку родной язык переводчика (или язык перевода), с одной стороны, неизбежно влияет на рецепцию риторического утверждения в англоязычных интерпретациях, а с другой – помогает опознать изучаемую конструкцию в оригиналах.

Жанровые и повествовательные особенности ранней прозы Лимонова

В литературном мире 60–70-х гг. молодой Лимонов известен, прежде всего, как поэт, а не прозаик. Тем не менее, расширение сферы интересов – от лирики с максимально свойственной для нее близостью реального автора и созданного литературного образа к «я»-повествованию и автофикшену – для Лимонова тех лет закономерно, так как проза позволяет ему раскрыть более объемную личную проблематику³. В программе «Матадор» (1992) писатель признается, что «где-то в 1975–1976-х гг. ему удалось пережить просветление (illumination)», когда «жизнь открылась в ее наготе, абсолютно безжалостной и бесстыдной», и «выйти из этого просветления очень сильным человеком в результате» с «невиданными силами, и энергией, и внутренним вечным самурайским спокойствием духа»⁴. Пробуждение души писателя и становление его духа отражаются в структуре американского цикла. Мы видим трансформацию Эдички-неудачника, плачущего в подушку от злой боли и многочисленных жизненных тягот («Это я – Эдичка»), в сдержанного и где-то индифферентного («Дневник неудачника»), а потом вполне самоуверенного и даже агрессивного лидера-Лимонова («История его слуги»), берущего, что хочет, знающего цель жизни.

Лимонов осваивает крупную форму, отступая от жанровых и стилистических канонов. Дебютный роман «Это я – Эдичка» (1976) имеет исповедальный характер. Перед нами хроники души поэта-Лимонова, оказавшегося вне советской культуры,

¹ Лимонов Э. В. Это я – Эдичка. Нью-Йорк: Index Publishers, 1979. С. 67.

² Лимонов Э. В. Полное собрание сочинений в электронном виде на разных языках. URL: <https://goo.su/nSvqDrL> (дата обращения: 29.04.2024).

³ Э. Лимонов в программе «Матадор» (1992). URL: <https://clck.ru/3ANAWx> (дата обращения: 29.04.2024).

⁴ Там же.

ставшей чуждой после эмиграции; отторгающего обывательскую американскую действительность; страдающего от отсутствия возможности свободно выражаться на родном языке и трагического разрыва с любимой женой Еленой. Однако Эдичка, человек со «дна» жизни, весьма амбициозен, он осознает свой талант и не стесняется быть собой – ярким экстравагантным мужчиной. Поэтому им отвергается любое сочувствие, не допускается даже мысли отождествить или сравнить себя с другими персонажами, представителями «дна». Речь многих диегетических субъектов, «чужих» по разным причинам, стилистически приближена к манере автора и таким образом обезличена. Например, реплики неудачливого эмигранта дяди Саши из самого начала романа почти неотличимы от фраз Розанн, подруги героя-Лимонова, появляющейся в середине произведения. «Своим» людям Лимонов дарует возможность выражать себя через язык, как это делает Левин, речь которого выдает уголовное прошлое персонажа. Итак, речь повествователя имеет в структуре нарратива довольно экспансивный характер.

Положение экзегетического читателя с точки зрения оппозиции «свой» / «чужой»¹ у Лимонова также неустойчиво, в отличие от исконного жанра исповеди, подразумевающего «своего» эмпатичного слушателя. Реципиент оказывается то в лагере «приближенных», способных войти в положение Эдички или попросту вынужденных выслушать ламентации и инвективы героя, то в лагере «отверженных», на ком можно безопасно выместить гнев. Жанр лимоновского произведения скорее ближе к метафорическому роману-«крику», но крику глухому, или роману-«психотерапии», где пишущий сам себе психотерапевт.

«Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1977) считается «стилистическим шедевром, оперирующим с американским материалом, той же канвой, что и в “Эдичке”»². Это более целостное произведение без тавтологичного изложения мысли относительно соотношения информативности и этажности текста (в терминах коммуникативной грамматики³), и если основной объем «Эдички» составляют многочисленные резкие эмоциональные выпады повествователя, то в «Дневнике» осуществлен переход от открытой экспрессии к констатации. Намеченная еще в «Эдичке» раздвоенность повествовательных планов (ипостасей автора-повествователя), окончательно оформившаяся в «Дневнике», сформулирована русским переводчиком Алексеем Павленко: в романе «два голоса – сложное “Я” поэта-лирика и “Я” грубого, безжалостного и саркастичного прозаика – сосуществуют, а в процессе взаимодействия создают взаимопроникновенный нарратив»⁴.

¹ Балясникова О. В. «Свой – чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). Москва: Канцлер, 2017. 202 с.

² Духовской-Дубшин Д. Пристрастная библиография Эдуарда Лимонова, составленная его литературным секретарем // Завтра.ру. URL: <https://clck.ru/3ANCJs> (дата обращения: 29.04.2024).

³ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, 2004. С. 220–228.

⁴ Лимонов Э. В. Полное собрание сочинений в электронном виде на разных языках. URL: <https://goo.su/nSvqDrL> (дата обращения: 29.04.2024).

Стилистика «Дневника» с небольшими девиациями соответствует жанру дневниковых записей, на которые накладывается оттенок протокольности, свойственный «истории болезни» (в нашем случае – истории души). Следуя за словарным определением¹, у Лимонова актуализируются позиции № 2–6, а критерий № 5 («безадресность или неопределенность адресата многих дневников») поддерживается эпитетом из второй части названия: «секретная» тетрадь потому, что говорящий не ориентируется на адресата. Впрочем, если кто-то и удосужится прочесть записи, то повествователь-Лимонов сыграет равнодушие, введя риторическое утверждение в конце пассажа: «Я писал об этом в своем дневнике, он открыто валялся по всему дому, никто же не знал русского языка, может быть, любопытный Ефименков – советский писатель – заглянул в мой дневник, откуда я знаю»².

Нестандартная жанровая принадлежность двух романов согласуется с ориентацией автора на разговорный дискурс³ и языковые эксперименты, позволяя свободнее выражать эмоции и выстраивать более естественную фразировку на письме⁴. Риторическое утверждение относится нами к авторским (нетрадиционным) стилистическим приемам⁵, помогающим отправителю определенным образом воздействовать на получателя сообщения и дифференцировать точки зрения («я»-повествователя, читателя, персонажей). Таким образом, риторическое утверждение участвует в создании субъектной перспективы текста, под которой мы имеем в виду «созданную автором систему соотношения точек зрения на художественную действительность»⁶ с «относительно закрепленным набором конструктивных признаков и речевых средств»⁷.

¹ Николоюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва: Интелвак, 2001. С. 232–234.

² Подобная форма изложения напоминает роман Ф. М. Достоевского «Подросток», в котором реципиент также оказывается субъектом более или менее «чужим» для Аркадия Долгорукого, но никогда – «своим». О восприимчивости Лимонова к поэтике Достоевского говорят и стремление к воссозданию живого разговорного языка, и некоторые названия глав (ср. название главы Лимонова «Отель Винслоу и его обитатели» с заглавием повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»).

³ Там же.

⁴ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. 377 с.

⁵ Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. Москва: Высшая школа, 2004. С. 182. URL: http://yanko.lib.ru/books/language/ru/valgina.aktualnuye_ptobl_rus_punkt.2004.259_%28s1%29.htm#_Toc332949570 (дата обращения: 29.04.2024).

⁶ Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. Москва: Спутник+, 2016. С. 160.

⁷ Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. Москва: ИРЯ РАН, 1994. С. 3.

Риторическое утверждение как средство конструирования субъективной перспективы в художественном тексте

Риторическое утверждение – это синтаксическая транспозиция (синтаксическое переосмысление формы) риторического вопроса¹. Конец риторического утверждения формально обозначается точкой, по цели высказывания предложения данного типа относятся к утверждению². Проиллюстрируем выявленную конструкцию расширенным рядом примеров: «Кто я там был? Какая разница, что от этого меняется»³; «Тот же усатый и чернявый сказал обиженно, увидев меня: “А ты что, разбогател, что не хочешь остановиться, поговорить”»⁴; «Не ждут собутыльники – пить перестал. Горько. Зачем вообще вставать из постели»⁵; «Зачем мне все это – Эдуарду Вениаминовичу – сыну Вениамина Ивановича, крещенному по православному обряду, родившемуся в 1943 году»⁶.

Ряд риторических фигур представлен риторическими вопросом, восклицанием и обращением⁷. Ближайшую оппозицию с риторическим утверждением формирует риторический вопрос, а не стандартное утверждение с повествовательной интонацией. В состав риторического утверждения, как и риторического вопроса, входят лексические средства и устойчивые конструкции, не противоречащие вопросительной форме высказывания. В стандартном утверждении, напротив, эти языковые маркеры отсутствуют. Так, частотны примеры риторических утверждений, включающих обороты с вопросительными словами «где», «зачем», «отчего», «какой», «разве», «неужели», «что», «чего», «откуда», «почему» и др.

Горизонтальные отношения в системе синтаксических транспозиций предложений по цели высказывания выглядят следующим образом: (3) «Неужели ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так. Или он не боится испугать меня, не дорожит мною»⁸ (2) Неужели ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так? Или он не боится испугать меня, не дорожит мною? (1) Да, ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так. Действительно, он не боится испугать меня, не дорожит мною.

При использовании риторического утверждения рамки предложения и высказывания могут полностью совпадать или не совпадать. В том случае, если они не сов-

¹ Арнольд И. В. *Стилистика современного английского языка*. Ленинград: Просвещение, 1981. С. 165–168.

² Друговойко-Должанская С. В., Чердакова Д. Н. *Русский язык: школьный энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. С. 448.

³ Лимонов Э. В. *Это я – Эдичка*. Нью-Йорк: Index Publishers, 1979. С. 9.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Лимонов Э. В. *Дневник неудачника*. Нью-Йорк: Index Publishers, 1982. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Друговойко-Должанская С. В., Чердакова Д. Н. *Русский язык: школьный энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. С. 335–336.

⁸ Лимонов Э. В. *Это я – Эдичка*. Нью-Йорк: Index Publishers, 1979. С. 67.

падают (например: «Чего мне его жалеть – он-то меня не жалеет...»¹), риторическое утверждение, как правило, составляет часть бессоюзного сложного предложения (БСП), которое чаще всего используется для передачи устной речи на письме².

На эмотивном уровне риторическое утверждение характеризуется снижением эмфазы. Такое высказывание передает сдержанность говорящего, его равнодушие по отношению к какой-либо ситуации или имитацию этого состояния. Эмотивный потенциал риторического утверждения реализуется вследствие того, что утвердительные по цели высказывания предложения лишены «ярко выраженной восклицательной интонации»³, поскольку «основное назначение точки – фиксировать конец самостоятельного предложения, причем предложения по цели своей повествовательного, приносимого с постепенно понижающейся интонацией»⁴.

Тем не менее, риторическое утверждение богаче простого утверждения в плане выражения имплицитных смыслов, так как опирается на коммуникативные функции риторического вопроса – косвенного речевого акта⁵. Используя риторическое утверждение, автор форсированно утверждает выраженную в предложении пропозицию, так что от реципиента требуется лишь подразумеваемая автором реакция. Читатель без препятствий распаковывает скрытую автором информацию. Обращаясь к форме риторического утверждения, говорящий не ставит перед собой цель вовлечь собеседника в диалог, что характерно, в свою очередь, для риторического вопроса⁶.

В «Русской грамматике» 1980 г. (РГ-80) термин «риторический вопрос» понимается только как «экспрессивно окрашенное отрицание»⁷, в то время как в ряде научных работ⁸ под риторическим вопросом подразумевается и эмфатически окрашенное

¹ Лимонов Э. В. Это я – Эдичка. Нью-Йорк: Index Publishers, 1979. С. 24. Ср. с переводом С. Л. Кэмпбелла на английский язык: “Why should I pity it? It doesn't pity me...” Цитируем по изданию: Limonov E. It's me, Eddie (translated from the Russian by S. L. Campbell). New York: Random House Publishers, 1983. URL: https://graycity.net/edward-limonov/page,3,332171-its_me_eddie.html (дата обращения: 29.04.2024).

² Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. Современный русский язык. Москва: Высшая школа, 1989. С. 763–764.

³ Акимова Г. Н., Вяткина С. И. Синтаксис современного русского языка. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 80.

⁴ Валгина Н. С. Знаки отделяющие: Запятая, точка с запятой, точка // Русская пунктуация: принципы и назначение. Москва: Просвещение, 1979. С. 39.

⁵ Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. С. 215; Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 170–194.

⁶ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Ленинград: Просвещение, 1981. С. 227; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Вопрос. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 606 с. URL: <https://clck.ru/3APUpH> (дата обращения: 29.04.2024); Друговейко-Должанская С. В., Чердакова Д. Н. Русский язык: школьный энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. 584 с.

⁷ Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Москва: Наука, 1980. С. 395–396.

⁸ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Вопрос. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 606 с.; Друговейко-Должанская С. В., Чердакова Д. Н. Русский язык: школь-

отрицание, и утверждение. При выделении риторических утверждений мы руководствуемся второй, более универсальной, трактовкой, принимая во внимание разновидности переносных значений вопросительной формы, согласно РГ-80.

Функционирование риторического утверждения в русскоязычном и переводном англоязычном нарративах

Проведенная нами процедура автоматического поиска риторического утверждения вызвала затруднения из-за варьирования лексических средств, а также из-за графического тождества обычного и риторического утверждений, поэтому выборка была составлена вручную. В ходе контрастного сопоставления оригинальных русскоязычных романов с единственными англоязычными интерпретациями мы выявили показательные случаи употребления риторического утверждения и установили, что в англоязычных текстах количество вопросительных предложений, включая разделительные вопросы и примеры транспозиции предложений по цели высказывания, значительно превышает число вопросительных высказываний в оригиналах. В переводе С. Л. Кэмпбелла нами определен 401 случай употребления вопросительных предложений, что на 60 случаев больше, чем в оригинале (341 вхождение), а в оригинальном тексте «Дневника» встречается 91 вопросительная конструкция, что практически в 2 раза меньше, чем в переводе А. Павленко (174 вхождения). Мы анализируем лишь те конструкции, использование знаков препинания в которых регулируется одними и теми же правилами как в русском, так и в английском языке. Мена пунктуационных средств рассматривается нами как индивидуальное переводческое решение, обусловленное, однако, англоязычной грамматикой с ее жесткой регламентацией относительно выбора знака препинания при обозначении цели высказывания предложения.

Границы классического риторического утверждения совпадают с границами предложения. Мы изучили особенности функционирования риторического утверждения в речи «я»-повествователя (1–2) и персонажей (3), примеры риторических утверждений с парцелляцией (4) и случаи, позволяющие сопоставить прагматику риторического вопроса и риторического утверждения (5).

Обратимся к отрывкам, представленным простым (1) или простым осложненным предложениями (2), которые объединяет введение в инициали вопросительного слова «зачем»: (1) «Не ждут собутыльники – пить перестал. Горько. Зачем вообще вставать из постели»¹ (“Drinking buddies aren't waiting – I quit drinking. It stinks. Why get up at all?”²); (2) «Зачем мне все это – Эдуарду Вениаминовичу – сыну Вениамина Ивановича, крещенному по православному обряду, родившемуся в 1943 году»³ (“What do I need this all for, Eduard Veniaminovich – son of Veniami'n Ivanovich – bar-

ный энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. 584 с.

¹ Лимонов Э. В. Дневник неудачника. Нью-Йорк: Index Publishers, 1982. С. 8.

² Текст перевода на английский язык, ранее представленный на сайте limonow.de, вероятно, совпадает с изданием: Лимонов Э. В. Дневник неудачника / *Diary of a loser* (перевод А. Павленко). Москва: «Литературный институт им. А. М. Горького», 2002. С. 9.

³ Лимонов Э. В. Дневник неудачника. Нью-Йорк: Index Publishers, 1982. С. 9.

tized in accordance with the Russian Orthodox rite, born in 1943?”¹). Оба вопроса запрашивают информацию о цели осуществления обозначенных в них самих ситуаций либо ситуаций из левого контекста: «зачем вообще вставать из постели» – «да зачем вставать из постели»; «зачем мне все это...» – «в сущности, это все мне и не нужно». Во фрагменте (2) тире разделяет не части БСП, а части уточняющей конструкции, раздвигая рамки фразы. Чем меньше первичных предикатов следует дальше, тем больше читатель задерживается на смысловом ядре высказывания, основа которого в (2) – целеполагание, а не манифестация, например, экзистенциализма или выраженной полупредикативом «крещенному» пропозиции («Эдуард Вениаминович был крещен по православному обряду»). Говорящий выигрывает время для рефлексии, что и составляет иллюзию риторического утверждения. За этим размышлением кроется ощущение бесцельности существования, в то время как переводчик создает образ допытывающегося до истины-цели мыслящего субъекта, что противоречит риторике текста.

В примере (3) бесстрастное, скептическое умонастроение повествователя накладывается на «чужую» речь, обезличивая ее. Лимонову в таких случаях важно передать пропозициональное содержание реплики: (3) «Тот же усатый и чернявый сказал обиженно, увидев меня: “А ты что, разбогател, что не хочешь остановиться, поговорить?”² (“The same mustachioed, swarthy fellow spotted me and said with an aggrieved air, “Hey, did you get rich or what, that you don't want to stop and talk?”³). В прямой речи, рассчитанной на открытое взаимодействие, мы чаще встретим фигуры речи с более выраженной апелляцией к собеседнику. Такой стратегии придерживается С. Л. Кэмпбелл, соблюдая правила английской грамматики и следуя за порядком компонентов в вопросительном высказывании. Оригинальная русскоязычная фраза, однако, имеет оттенок пересказывательности, что лишает беседу свойственной ей активности, ведь ответ-реакция героя-Лимонова на реплику персонажа кажется очевидной: «А ты что, разбогател, что не хочешь остановиться, поговорить» – «не важно, разбогател я или нет, да даже если и разбогател, я не хочу останавливаться и говорить с тобой». Устойчивая конструкция «А ты что...» в большинстве контекстов интерпретируется как вопрос, по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁴, поэтому лимоновское употребление относится нами к разряду авторских.

Встречаются случаи парцелляции сложного предложения для постановки смысловых и содержательных акцентов, концентрации внимания читателя на отдельных пропозициях. В примере (4) разделена единая логическая связка «неужели» + «или...», вводящая напряженные размышления повествователя с оттенком сомне-

¹ Лимонов Э. В. Дневник неудачника / *Diary of a loser* (перевод А. Павленко). Москва: Литературный институт им. А. М. Горького, 2002. С. 10.

² Лимонов Э. В. Это я – Эдичка. Нью-Йорк: Index Publishers, 1979. С. 14.

³ Limonov E. It's me, Eddie (translated from the Russian by S. L. Campbell). New York: Random House Publishers, 1983. URL: https://graycity.net/edward-limonov/332171-its_me_eddie.html (дата обращения: 29.04.2024).

⁴ Ср.: «Куришь будешь? – А ты что, куришь? – А что, это запрещено?» (Р. Вереск); «Любченев коснулся воды рукой: – Холодная. – А ты что думал, – усмехнулся Льнов» (М. Елизаров) // НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 29.04.2024).

ния: (4) «Неужели ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так. Или он не боится испугать меня, не дорожит мною»¹ (“Did he really lack the subtlety to realize that this was the wrong way to go about it with me? Or was he not concerned about frightening me, did he not value me?”²). Мы наблюдаем двойную транспозицию риторического вопроса в риторическое утверждение, что доказывает умышленное обращение автора к приему: «Неужели ему не хватает тонкости понять» – «да, ему действительно не хватает тонкости понять»; «или не боится испугать меня, не дорожит мною» – «не боится, не дорожит». Автор не подразумевает дискуссии, в отличие от диалогизирующей интерпретации С. Л. Кэмпбелла, а читатель легко восстанавливает отрицательную пресуппозицию. По данным НКРЯ, конструкции с вопросительными словами «неужели» и «или...» наиболее часто представлены в вопросительных формах, хотя встречаются и созвучные лимоновским высказываниям примеры³, что говорит о неравномерности при реализации транспозиции и ее привязке к лексическим средствам.

Стык контрастных риторических приемов в отрывке (5) позволяет провести четкую границу между иллюкуцией риторического вопроса и иллюкуцией риторического утверждения: (5) (5а) «Кто я там был? (5б) Какая разница, (5в) что от этого меняется»⁴ (“Who was I over there? What’s the difference, what would it change?”⁵). Риторический вопрос (5а) вводит тему, поэтому используется форма более экспрессивная. Последующие за ним риторические утверждения лишены интенции найти ответ, поскольку сосредоточены на бесстрастном продвижении плеонастического отрицания: «какая разница» – «разницы абсолютно никакой»; «что от этого меняется» – «совсем ничего не меняется». Пример (5) открывает череду смежных с риторическим утверждением средств диалогизации, в частности, конструкций, вписанных в БСП с открытым типом синтаксической связи⁶. Цель высказывания в (5) определяется однозначно, поскольку вторая часть БСП – это конец утвердительного предложения, маркированный точкой.

Подобные (5) контексты тяготеют к парцелляции, как в примере (4). Однако фрагмент (4) – это сложноподчиненное предложение (СПП) и осложненное однородными сказуемыми простое предложение, что усиливает самостоятельность этих

¹ Лимонов Э. В. Это я – Эдичка. Нью-Йорк: Index Publishers, 1979. С. 67.

² Limonov E. It’s me, Eddie (translated from the Russian by S. L Campbell). New York: Random House Publishers, 1983. URL: https://graycity.net/edward-limonov/page,8,332171-its_me_eddie.html (дата обращения: 29.04.2024).

³ Ср.: «Это же совсем разные вещи! – говорила мне старшая дочь. – Неужели ты не понимаешь?» (А. Яшин); «Что делает с человеком полная независимость от него! Неужели он не понимает – поздно» (В. Сеницына); «Или он стал результатом невежества и ошибок в политике, к тому же замешанных не на реалиях, а на идеологемах?» (А. Механик); «Может, это сборное выступление. Или он заменил заболевшего барабанщика» (М. Лялин). Там же.

⁴ Лимонов Э. В. Это я – Эдичка. Нью-Йорк: Index Publishers, 1979. С. 9.

⁵ Limonov E. It’s me, Eddie (translated from the Russian by S. L Campbell). New York: Random House Publishers, 1983. URL: https://graycity.net/edward-limonov/332171-its_me_eddie.html (дата обращения: 29.04.2024).

⁶ Белошапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. Современный русский язык. Москва: Высшая школа, 1989. 799 с.

макросинтаксических единиц, а также способствует формированию нескольких смысловых ядер вокруг предикатов из главных частей, в отличие от двух простых предложений во фрагменте (5). Вопросительная праформа предложений из примера (5) восстанавливается благодаря использованию вопросительного местоимения «какой» в составе устойчивых сочетаний. Вследствие этого две части БСП воспринимаются как более самостоятельные, где (5б) рифмуется по форме и по смыслу с (5в), а значит, при парцелляции в финали (5б) мы скорее всего поставили бы точку. Обе части предложения, по данным НКРЯ, естественным образом встречаются в утвердительных и вопросительных конструкциях¹, что свидетельствует, с одной стороны, о колебании, а с другой – о неравнозначности иллокутивно-перлокутивного эффекта вопросительной и утвердительной риторических форм. Переводчик нивелирует языковую тонкость оригинала, интерпретируя риторическое утверждение как риторический вопрос вслед за первой фразой, искажая субъектную перспективу текста.

Выводы

Лимоновский текст с его ориентацией на максимальную близость личности говорящей и личности пишущей аккумулирует случаи употребления риторического утверждения, благодаря чему выявленная конструкция поддается последовательной регистрации, особенно на фоне переводов на английский язык. Формально риторическое утверждение связано с использованием в своем составе вопросительных слов и фразеологических сочетаний, маркирующих синтаксическую транспозицию (переход от формы риторического вопроса). Некоторые вопросительные слова и устойчивые фразы встречаются в риторическом утверждении чаще, чем другие, поэтому нередко одна и та же фраза в зависимости от интенции говорящего может обретать вид и риторического вопроса, и риторического утверждения. Все перечисленные факторы затрудняют автоматический поиск исследуемой конструкции. При помощи риторических утверждений в романах Лимонова воплощается сложная система точек зрения (субъектная перспектива текста), передается бесстрастная интонация и отрефлексированный пафос высказывания, а читательская мысль направляется в нужное автору русло.

В дальнейшем интересно рассмотреть пограничные случаи реализации риторического утверждения в восклицательных контекстах и в БСП.

Список литературы / References

Акимова Г. Н., Вяткина С. И. *Синтаксис современного русского языка*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 347 с.

¹ Ср.: «Ну действительно – какая разница? Неделей раньше, недель позже...» (А. Волос); «Для нее существовали хорошие люди и плохие. А национальность – какая разница...» (В. Токарева); «Что от этого может ожидать предприниматель, что может ожидать школьный учитель <...> и так далее» (И. Мельников); «Да пейте же, что от этого изменится?» (Ю. Домбровский). Там же.

Akimova G. N., Viatkina S. I. *Syntax of modern Russian language*. St Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. 347 p. (In Russ.)

Арнольд И. В. *Стилистика современного английского языка*. Ленинград: Просвещение, 1981. 295 с.

Arnol'd I. V. *Stylistics of modern English language*. Leningrad: Prosveshchenie, 1981. 295 p. (In Russ.)

Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 606 с. URL: <https://clck.ru/3APUph> (дата обращения: 29.04.2024).

Akhmanova O. S. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1966. 606 p. Available at: <https://clck.ru/3APUph> (accessed: 29.04.2024). (In Russ.)

Балясникова О. В. «Свой – чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). Москва: Канцлер, 2017. 202 с.

Baliasnikova O. V. "Self vs. the other": psycholinguistic aspects of research (on the material of the Russian language). Moscow: Kantsler, 2017. 202 p. (In Russ.)

Белашапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, 1989. 799 с.

Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaja E. A. *Russian modern language*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1989. 799 p. (In Russ.)

Брызгунова Е. А., Габучан К. В., Цикович В. А. и др. *Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис*. Москва: Наука, 1980. 709 с.

Bryzgunova E. A., Gabuchan K. V., Tsikovich V. A. *Russian grammar: in 2 vols. Vol. 2. Syntax*. Moscow: Nauka, 1980. 709 p. (In Russ.)

Валгина Н. С. *Актуальные проблемы современной русской пунктуации*. Москва: Высшая школа, 2004. 258 с. URL: <https://clck.ru/3APUcs> (дата обращения: 29.04.2024).

Valgina N. S. *Topical issues of modern Russian punctuation*. Moscow: Vysshiaia shkola, 2004. 258 p. Available at: <https://clck.ru/3APUcs> (accessed: 29.04.2024). (In Russ.)

Валгина Н. С. Знаки отделяющие: Запятая, точка с запятой, точка. *Русская пунктуация: принципы и назначение*. Москва: Просвещение, 1979, с. 34–41.

Valgina N. S. Separating punctuation marks: Comma, semicolon, full stop. *Russian punctuation: principles and purpose*. Moscow: Prosveshchenie, 1979, pp. 34–41 (In Russ.)

Гальперин И. Р. *Очерки по стилистике английского языка*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.

Gal'perin I. R. *Essays on English language stylistics*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, 1958. 459 p. (In Russ.)

Демидова О. Р. Автобиографическая сага Эдуарда Лимонова: исповедь Супермена. *Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье*. Москва: ИМЛИ РАН, 2023, с. 450–466. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-450-466>

Demidova O. R. Eduard Limonov's autobiographical saga: confession of Superman. *Femininity and masculinity in modern culture: Russia and Abroad*. Moscow: IMLI RAN, 2023, pp. 450–466. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-450-466>

Друговейко-Должанская С. В., Чердакова Д. Н. *Русский язык: школьный энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. 584 с.

Drugoveiko-Dolzanskaia S. V., Cherdakova D. N. *The Russian language: School Encyclopaedic Dictionary*. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. 584 p. (In Russ.)

Духовской-Дубшин Д. Пристрастная библиография Эдуарда Лимонова, составленная его литературным секретарем. *Завтра.ру*. URL: <https://clck.ru/3ANCJs> (дата обращения: 29.04.2024).

Dukhovskoi-Dubshin D. A biased bibliography of Eduard Limonov compiled by his literary secretary. *Zavtra.ru*. Available at: <https://clck.ru/3ANCJs> (accessed: 29.04.2024). (In Russ.)

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, 2004. 540 с.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Russian language communicative grammar*. Moscow: Institut russkogo iazyka RAN im. V. V. Vinogradova, 2004. 540 p. (In Russ.)

Кожевникова Н. А. *Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв.* Москва: ИРЯ РАН, 1994. 333 с.

Kozhevnikova N. A. *Types of narrative in Russian literature of the 19th–20th centuries*. Moscow: IRIa RAN, 1994. 333 p. (In Russ.)

Кучина Т. Г. *Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI вв.: перволичные повествовательные формы: дис. ... д-ра филол. наук*. Ярославль: [б. и.], 2008. 344 с.

Kuchina T. G. *Poetics of prose of the late 20th and early 21st centuries: Dr thesis in Philological Sciences*. Iaroslavl', 2008. 344 p. (In Russ.)

Лимонов Э. В. *Полное собрание сочинений в электронном виде на разных языках*. URL: <https://goo.su/nSvqDrL> (дата обращения: 29.04.2024).

Limonov E. V. *Full collection of works in electronic format in different languages*. Available at: <https://goo.su/nSvqDrL> (accessed: 29.04.2024). (In Russ.)

Николюкин А. Н. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Москва: Интелвак, 2001. 1514 с.

Nikoliukin A. N. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intelvak, 2001. 1514 p. (In Russ.)

НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 29.04.2024).

National corpus of Russian language. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 29.04.2024). (In Russ.)

Орлова А. А. *Проза и публицистика Эдуарда Лимонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Санкт-Петербург: [б. и.], 2005. 17 с.

Orlova A. A. *Prose and journalism of Eduard Limonov: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. St Petersburg, 2005. 17 p. (In Russ.)

Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике*, 1986, № 17 (5), с. 170–195.

Serl' Dzh. R. A classification of illocutionary acts. *New in foreign linguistics*, 1986, no. 17 (5), pp. 170–195. (In Russ.)

Уржа А. В. *Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики*. Москва: Издательство «Спутник +», 2016. 350 с.

Urzha A. V. *Russian translated fiction text from the position of communicative grammar*. Moscow: Izdatel'stvo "Sputnik +", 2016. 350 p. (In Russ.)

Шведова Н. Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. 377 с.

Shvedova N. Yu. *Essays on syntax of the Russian colloquial speech*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 377 p. (In Russ.)

Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. URL: <https://clck.ru/3ANB7w> (дата обращения: 29.04.2024).

Shmid V. *Narratology*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p. Available at: <https://clck.ru/3ANB7w> (accessed: 29.04.2024). (In Russ.)

Эдуард Лимонов в программе «Матадор» (1992). URL: <https://clck.ru/3ANAWx> (дата обращения: 29.04.2024).

Eduard Limonov in the Matador programme (1992). Available at: <https://clck.ru/3ANAWx> (accessed: 29.04.2024). (In Russ.)

Rogatchevski A. *Eduard Limonov: A Critical Study*. Glasgow: University of Glasgow, 1998. 289 p.

Сведения об авторе

Олеся Дмитриевна Сабанова – аспирант; <https://orcid.org/0009-0009-7093-8524>, sabanova.o@yandex.ru, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (д. 1, стр. 51, Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); Olesia D. Sabanova – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0009-7093-8524>, sabanova.o@yandex.ru, Lomonosov Moscow State University (1, str. 51, Leninskie gory, 119991 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 24.07.2024.

The article was submitted 24.06.2024; Approved after reviewing 10.07.2024; Accepted for publication 24.07.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 137–145.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 137–145.

Научная статья

УДК 378:62

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-12>

<https://elibrary.ru/rvylrw>

Анализ основных подходов в области подготовки будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников

Александра Игоревна Климина

Шадринский государственный педагогический университет,
Шадринск, Россия,
alexandra9898@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0272-0365>

Аннотация. Данная статья является частью диссертационного исследования. Мы рассматриваем ключевые понятия, которые в источниках выделены как тождественные: «ИКТ-компетенции», «цифровая грамотность», «цифровые компетенции» и «цифровые навыки». В процессе работы выделено авторское определение термина «подготовка будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников». В результате делается вывод, что для успешного формирования готовности будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников необходимо создание благоприятной образовательной среды, где они смогут обучаться и применять практические навыки в реальной ситуации.

Ключевые слова: будущие педагоги, подготовка к цифровизации образования, цифровые технологии, ИКТ-компетенции, цифровые компетенции, цифровые компетентности, цифровые навыки, цифровая грамотность

Для цитирования: Климина А. И. Анализ основных подходов в области подготовки будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 137–145. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-12>; EDN: RVYLRW

Analysis of the main approaches in the field of training future teachers for the digitalization of preschool education

Aleksandra I. Klimina

Shadrinsk State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia,
alexandra9898@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0272-0365>

Abstract. This article is a part of a thesis research. The author considers key concepts that are highlighted as identical in the sources: “ICT competencies”, “digital literacy”, “digital competencies”

© Климина А. И., 2025

and “digital skills”. The author also defines the term “training future teachers for the digitalization of preschool education”. As a result, it is concluded that successful training of future teachers and preparing them for the digitalization of preschool education requires a favorable educational environment where they can learn and apply practical skills in a real situation.

Keywords: future teachers, preparing for the digitalization of education, digital technologies, ICT competencies, digital competencies, digital competences, digital skills, digital literacy

For citation: Klimina A. I. Analysis of the main approaches in the field of training future teachers for the digitalization of preschool education. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 137–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-12>; EDN: RYVLRW

Введение

Тема цифровизации образования достаточно актуальна на сегодняшний момент. Она рассматривается в трудах отечественных ученых: А. П. Панфиловой¹, И. А. Воробьевой, А. В. Жуковой, К. А. Минаковой² и др. Авторы описывают положительное влияние электронных средств на процесс обучения. А. П. Панфилова описывает предложение к использованию виртуальных мастерских, также в ее трудах описан алгоритм включения их в образовательное пространство. И. А. Воробьева и соавторы выдвигают гипотезу о том, что использование электронных средств обучения совместно с традиционными методами влечет за собой развитие творческой инициативы.

Цель научной работы заключается в изучении и описании основных подходов в области подготовки будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников. В рамках научной статьи были применены методы: конкретизация данных; обобщение психолого-педагогической литературы; сравнение данных по данной проблематике; дедукция; определение роли цифровых технологий в подготовке будущих педагогов. Основные результаты заключаются в определении роли цифровизации образования в области подготовки будущих педагогов.

Подготовка будущих педагогов к цифровизации образования является важнейшей проблемой высшей школы, для решения которой используются различные подходы.

Основная часть

Первый подход, который можно выделить, это готовность к использованию ИКТ в образовательном процессе, выделенный рядом авторов (В. Быков, Ю. Жук, А. Иваницкий, В. Петрук, Ю. Пасечник и др.). Исследователь Г. А. Калинина определяет, что готовность к ИКТ включает в себя не только умения и навыки использования различных программ и приложений, но и сформированные ИКТ-компетенции, т. е. умение адекватно оценивать и выбирать необходимые ИКТ для различных задач, эффективно обрабатывать и анализировать информацию, а также использовать

¹ Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. Москва: Академия, 2020. 191 с.

² Воробьева И. А., Жукова А. В., Минакова К. А. Плюсы и минусы цифровизации в образовании // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-4 (103). С. 110–118. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.109>; EDN: QHFCHW

ИКТ для коммуникации, обмена информацией и совместной работы с другими людьми¹.

В научной литературе можно увидеть, что разные авторы рассматривают «готовность», включая в нее различные термины: «ИКТ-компетенции», «цифровая грамотность», «цифровые компетенции» и «цифровые навыки». Цифровая грамотность, цифровые компетенции, ИКТ-компетенции и цифровые навыки – это термины, которые описывают способность и умения человека использовать современные технологии и цифровые инструменты для работы, общения, учебы, развлечений и т. д.

ООН рассматривает готовность к использованию ИКТ в образовательном процессе как сформированную цифровую грамотность². Цифровая грамотность включает в себя знания, умения и навыки, необходимые для эффективного использования цифровых технологий, включая умение находить, оценивать, создавать и обмениваться информацией с использованием цифровых сигналов.

В научной литературе термины «цифровая грамотность», «цифровые навыки» и «цифровая компетентность» используются как взаимозаменяемые, чтобы избежать тавтологии, но все-таки имеют отличия. Под цифровой грамотностью понимаются сформированные умения в написании и чтении электронной информации, а также знание основных понятий, терминов и форм работы, связанных с цифровыми технологиями³.

Цифровые компетенции – это сформированные знания и навыки, связанные с использованием технологий, как, например, умение работать с программами Microsoft Office, общаться в социальных сетях и использовать Интернет. С другой стороны, цифровая компетентность – это наиболее широкое понятие, которое включает в себя сформированную цифровую грамотность и практические навыки работы с ЦТ в различных сферах деятельности – как в повседневной, так и в профессиональной (образовательной). Сформированные цифровые компетентности позволяют автоматически адаптироваться к новым технологиям, использовать их для решения поставленной цели, принимать и экстренно решать возникшие проблемы посредством цифровых технологий. Таким образом, можно сделать вывод, что цифровая грамотность и цифровые навыки представляют собой одну из составляющих цифровой компетентности, которая включает в себя сформированные практические навыки работы с цифровыми технологиями⁴.

¹ Калинина Г. А. Использование ИКТ в образовательном процессе центра по работе с одаренными детьми Республики Марий Эл // Применение информационно-коммуникационных технологий в образовании: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (г. Йошкар-Ола, 8–9 октября 2015 г.). Йошкар-Ола: Марийский институт образования, 2015, с. 64–73.

² Структура икт-компетентности учителей. Рекомендации Юнеско. 2011. 115 с.

³ Ельцова О. В., Емельянова М. В. К вопросу о понятии цифровой грамотности // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. № 1 (106). С. 155–161. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.79.44.020>; EDN: JQVRKG

⁴ Симарова И. С. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 935–948. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823>

Следовательно, будущим педагогам необходимо развивать готовность к использованию цифровых технологий, что подразумевает наличие развитых компетенций в области ИКТ.

Можно заметить, что в нормативно-правовой документации (ФЗ «Об образовании в РФ», профессиональный стандарт педагога) не встречаются термины: «цифровая грамотность» и «цифровые компетенции», в то время как научные исследования оперируют следующими определениями: «цифровые компетентности» и «цифровые компетенции».

В нашем исследовании под термином «подготовка будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников» подразумевается целенаправленный процесс систематического усвоения теоретических основ цифровизации образования и одновременное развитие следующих профессиональных компетенций: общепользовательские и общепедагогические, а также предметно-педагогические, которые являются ключевыми для эффективной цифровизации образования. Этот процесс включает в себя умение организовывать работу с компьютером, программным обеспечением и интернет-ресурсами; знания основ информационной безопасности, а также умения в области коммуникации и сотрудничества в виртуальном пространстве. Данный процесс представляет собой сформированные умения адаптировать цифровые технологии для создания обогащенной, развивающей среды. Он включает в себя понимание педагогических принципов и методов цифровизации образования, развитие коммуникативных умений, а также способность критически оценивать и интегрировать цифровые технологии в образовательный процесс для организации всестороннего развития детей. Готовность будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников характеризуется сформированными умениями эффективного внедрения цифровых технологий для достижения образовательных целей, глубоким пониманием сущности интерактивных и мультимедийных материалов в образовательных областях, методики обучения и воспитания, а также умениями и навыками, заключающимися в выборе подходящих технологий для обучения детей дошкольного возраста. Все это направлено на создание более современной и эффективной образовательной среды для дошкольников (см. таблицу).

Анализ источников (R. Vuorikari, Y. Punie, S. Carretero Gomez, G. Van den Brande¹, Г. П. Сорокина, Т. А. Першина, Е. А. Долгих² и др.) показал, что подготовка будущих педагогов к цифровизации образования рассматривается с опорой на систему DigComp 2.1.

¹ Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. DigComp 2.1. The digital competence framework for citizens with eight proficiency levels and examples of use. Luxembourg: European Union, 2017. 133 p.

² Сорокина Г. П., Першина Т. А., Долгих Е. А. Внедрение цифровых компетенций в образовательные программы высшего образования в России // Вестник Университета. 2022. № 5. С. 61–70. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-61-70>; EDN: BCDDKO

Таблица

Подготовка будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников

Цель: формирование готовности будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников			
Компоненты готовности к цифровизации образования дошкольников			
Общепользовательские компоненты	Общепедагогические компоненты	Предметно-педагогические компоненты	Ценностно-мотивационный компонент
<p><i>Основные ЗУН:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – знания об основных типах информационных систем для разработки образовательных материалов; – умение работать с офисными приложениями для создания и обработки текстовых, графических и табличных данных; – навыки безопасного использования Интернета и социальных сетей и др. 	<p><i>Основные ЗУН:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – знания об основных принципах электронного обучения и онлайн-курсах; – умения применять ЭОР для детей ДОО; – навыки работы с различными образовательными платформами и облачными сервисами для организации образовательного процесса ДОО и др. 	<p><i>Основные ЗУН:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – знания о готовых программах ИИ для оптимизации работы педагога; – умение создавать и редактировать аудио-видеоматериалы; – навыки адаптации и использования цифровых ресурсов в зависимости от индивидуальных особенностей детей ДОО и др. 	<p><i>Основные ЗУН:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление к внедрению цифровых технологий в ДОО; – проявление интереса к цифровизации образования; – стремление к осуществлению разработки геймифицированных ресурсов; – стремление к самообразованию в области цифровизации образования дошкольников и др.
Результат: готовность будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников			

DigComp 2.1. – это система, которая описывает набор цифровых компетенций, необходимых каждому гражданину Европейского Союза в современную цифровую эпоху. Эта модель включает в себя 5 ключевых подходов¹:

- использование цифровых устройств;
- работа с данными и информацией;
- коммуникация и совместная работа в цифровой среде;
- безопасность в цифровой среде;
- решение проблем, которые связаны с использованием цифровых технологий.

¹ Нурков В. М. Социология инновационных фобий // Инновации. 2008. № 10 (120). С. 69–71. EDN: KXYEDF

DigComp 2.1 помогает людям развить свои цифровые навыки и улучшить их качество, что позволяет им лучше адаптироваться к современной цифровой среде и повышать свою продуктивность.

Целевая Модель компетенций-2025 (Target Skill Model-2025) определяет ключевые компетенции, необходимые для успешной работы в современном обществе и на рынке труда к 2025 году¹. Эта модель разработана с учетом быстро меняющейся экономической, технологической и социальной среды. Целевая Модель компетенций-2025 включает в себя навыки и знания, которые необходимы для работы в таких сферах, как ИТ, наука и технологии, бизнес и финансы, маркетинг и реклама, здравоохранение и мн. др. Она также уделяет особое внимание развитию навыков работы в команде, лидерству, инновациям, умениям принимать решения.

Научные труды Lin Ming Hung, Chen Huang Cheng, Liu Kuang Sheng, M. D. Granito, E. Chernobilsky², В. М. Нуркова³, М. С. Шапиева⁴ и др. дают основание утверждать, что для подготовки будущих педагогов к цифровизации образования необходимо организовать благоприятную среду, которая будет способствовать развитию мышления и повышению культуры инновационного поведения.

В своих исследованиях В. М. Нурков показывает, что одной из причин инновационной фобии является страх перед неизвестным, технологическим прогрессом, а также недостаточная сформированность и низкая культура инновационного мышления. В. М. Нурков обращает внимание на то, что внедрение новых технологий и инноваций требует не только технических знаний и навыков, но и изменений в культуре и психологии людей.

Организация цифровизации образования дошкольников будущими педагогами затрудняется при традиционной системе обучения. Заучивание готовых билетов не пополняет знания обучающихся, их это не мотивирует, а даже наоборот угнетает, как утверждает М. С. Шапиева. Множество студентов могут пропускать учебные занятия из-за отсутствия интереса к однотипным лекционным и семинарским формам обучения, а на экзаменах обучающиеся ищут «обходные пути» для сдачи материала. По мнению М. С. Шапиевой, проверка знаний с использованием цифровых технологий пройдет легко и эффективно для студентов, а преподаватель автоматически получит результаты усвоения знаний по пройденному курсу. Предполагается, что в процессе применения цифровых технологий у студентов повышается мотивация к обучению, они заинтересованно посещают лекционные и семинарские занятия⁵.

¹ Россия 2025: от кадров к талантам. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/russia-2025-from-staff-to-talent> (дата обращения: 06.09.2024).

² Lin M. H., Chen H. C., Liu K. S. A Study of the Effects of Digital Learning on Learning Motivation and Learning Outcome // EURASIA Journal of Mathematics Science and Technology Education. 2023. Vol. 13, no. 7. P. 3553–3564. <https://doi.org/10.12973/eurasia.2017.00744a>

³ Нурков В. М. Социология инновационных фобий // Инновации. 2008. № 10 (120). С. 69–71. EDN: KXYEDF

⁴ Шапиева М. С. Использование информационных технологий при обучении в системе образования вуза // Молодой ученый. 2014. № 5 (64). С. 572–574. EDN: SAYODF

⁵ Там же.

Выводы

Таким образом, анализ литературы в области подготовки будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников позволяет выделить следующие подходы.

В рамках первого подхода данная проблема является частной по отношению к проблеме готовности будущих педагогов к работе с информационно-коммуникационными технологиями. Это подразумевает формирование не только умений и навыков использования различных программ и приложений, но и развитые ИКТ-компетенции. Большинство исследователей акцентируют внимание на том, что готовность к внедрению ИКТ в образовательный процесс подразумевает сформированную цифровую грамотность.

Следующий подход связан с опорой на систему DigComp 2.1., которая описывает набор цифровых компетенций, включающих в себя использование цифровых устройств, работу с данными и информацией, коммуникацию и совместную работу в цифровой среде, безопасность в цифровой среде, решение организационных, медико-педагогических, психологических и технических проблем, которые связаны с использованием цифровых технологий.

Еще один подход предполагает, что для подготовки будущих педагогов к цифровизации образования необходимо организовать благоприятную среду, которая будет способствовать развитию мышления и повышению культуры инновационного поведения. Подготовка будущих педагогов к цифровизации образования напрямую зависит от того, насколько часто и как качественно в образовательном пространстве использовались ИКТ в процессе обучения студентов. Ключевыми факторами являются доступность и качество применяемых ресурсов, научно-обоснованные принципы, подходы, технологии, организационно-педагогические условия, поэтому на сегодняшний момент актуальной является проблема разработки структурно-функциональной модели подготовки будущих педагогов к цифровизации образования дошкольников.

Список литературы / References

Воробьева И. А., Жукова А. В., Минакова К. А. Плюсы и минусы цифровизации в образовании. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2021, № 1-4 (103), с. 110–118. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.109>; EDN: QHFCNW

Vorob'eva I. A., Zhukova A. V., Minakova K. A. The pros and cons of digitalization in education. *International Research Journal*, 2021, no. 1-4 (103), pp. 110–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.109>; EDN: QHFCNW

Ельцова О. В., Емельянова М. В. К вопросу о понятии цифровой грамотности. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 2020, № 1 (106), с. 155–161. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.79.44>; EDN: JQVRKG

El'tsova O. V., Emel'ianova M. V. On the concept of digital literacy. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical Institute Bulletin*, 2020, no. 1 (106), pp. 155–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.79.44>; EDN: JQVRKG

Калинина Г. А. Использование ИКТ в образовательном процессе центра по работе с одаренными детьми Республики Марий Эл. *Применение информационно-коммуникационных технологий в образовании: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (г. Йошкар-Ола, 8–9 октября 2015 г.)*. Йошкар-Ола: Марийский институт образования, 2015, с. 64–73.

Kalinina G. A. Using ICT in the educational process of the center for gifted children in the Republic of Mari El. *Application of information and communication technologies in education: Proceedings of the XII All-Russian research and practice conference (Yoshkar-Ola, October 8–9, 2015)*. Yoshkar-Ola: Mariiikii institut obrazovaniia, 2015, pp. 64–73. (In Russ.)

Нурков В. М. Социология инновационных фобий. *Инновации*, 2008, № 10 (120), с. 69–71. EDN: KXYEDF

Nurkov V. M. Sociology of innovation phobias. *Innovations*, 2008, no. 10 (120), pp. 69–71. (In Russ.) EDN: KXYEDF

Панфилова А. П. *Инновационные педагогические технологии. Активное обучение*. Москва: Академия, 2020. 191 с.

Panfilova A. P. *Innovative pedagogical technologies. Active learning*. Moscow: Academy, 2020. 191 p. (In Russ.)

Россия 2025: от кадров к талантам. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/russia-2025-from-staff-to-talent> (дата обращения: 06.09.2024).

Russia 2025: from personnel to talent. Available at: <https://www.bcg.com/ru-ru/russia-2025-from-staff-to-talent> (accessed: 06.09.2024). (In Russ.)

Симарова И. С., Алексеевичева Ю. В., Жигин Д. В. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие. *Вопросы инновационной экономики*, 2022, т. 12, № 2, с. 935–948. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823>

Simarova I. S., Alekseevicheva Iu. V., Zhigin D. V. Digital competencies: concept, types, assessment and development. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 935–948. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823>

Сорокина Г. П., Першина Т. А., Долгих Е. А. Внедрение цифровых компетенций в образовательные программы высшего образования в России. *Вестник Университета*, 2022, № 5, с. 61–70. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-61-70>; EDN: BCDDKO

Sorokina G. P., Pershina T. A., Dolgikh E. A. Implementation of digital competencies in educational programs of higher education in Russia. *University Bulletin*, 2022, no. 5, pp. 61–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-61-70>; EDN: BCDDKO

Структура икт-компетентности учителей. Рекомендации Юнеско. 2011. 115 с.

The structure of teachers' ICT-competence. UNESCO Recommendations. 2011. 115 p. (In Russ.)

Шапиева М. С. Использование информационных технологий при обучении в системе образования вуза. *Молодой ученый*, 2014, № 5 (64), с. 572–574. EDN: SAYODF

Shapieva M. S. The use of information technologies in teaching in the university education system. *Young Researcher*, 2014, no. 5 (64), pp. 572–574. (In Russ.) EDN: SAYODF

Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. *DigComp 2.1. Digital Competence System for citizens with eight levels of language proficiency and usage examples*. Luxembourg: European Union, 2017. 133 p.

Lin M. H., Chen H. C., Liu K. S. A study of the impact of digital learning on learning motivation and learning outcomes. *EURASIA Journal of Mathematics Science and Technology Education*, 2023, vol. 13, no. 7, pp. 3553–3564. <https://doi.org/10.12973/eurasia.2017.00744a>

Maisani R., Akhyar T., Mulyadi M. Digital learning of the English language: students' perception of EFL and teaching. *Journal of English Language and Education*, 2022, no. 7 (2), pp. 36–43. <https://doi.org/10.31004/jele.7i2.281>

Сведения об авторе

Александра Игоревна Климина – ассистент; <https://orcid.org/0000-0002-0272-0365>, alexandra9898@bk.ru, Шадринский государственный педагогический университет (3, ул. К. Либкнехта, 641800 Шадринск, Россия); **Aleksandra I. Klimina** – Assistant Lecturer, <https://orcid.org/0000-0002-0272-0365>, alexandra9898@bk.ru, Shadrinsk State Pedagogical University (3, ul. K. Libknekhta, 641800 Shadrinsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 06.09.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 07.10.2024.

The article was submitted 06.09.2024; Approved after reviewing 20.09.2024; Accepted for publication 07.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 146–155.
Cherovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 146–155.

Научная статья

УДК 337.12

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-13>

<https://elibrary.ru/rwepli>

Среднее профессиональное образование: тенденции интеграции и дифференциации

Александр Анатольевич Листвин^{1✉}, Марина Арисовна Гарт²

^{1, 2}Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

¹alistvin.54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0445-3598>

²garmara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2664-4843>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процессов интеграции и дифференциации в среднем профессиональном образовании в условиях четвертой промышленной революции, базирующейся на 5-м и 6-м технологических укладах и обуславливающей современные и перспективные социально-экономические изменения в общественном развитии России. Особенность актуализации данных процессов связана с решением задач технологического суверенитета России, который напрямую зависит от ее кадрового потенциала, существенную долю которого составляют технические специалисты и квалифицированные рабочие.

Ключевые слова: интеграция профессий, индустрия 4.0, профессиональная дифференциация, образовательная экосистема, кастомизация образования

Благодарность. Статья подготовлена с использованием материалов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Листвин А. А., Гарт М. А. Среднее профессиональное образование: тенденции интеграции и дифференциации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 146–155. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-13>;
EDN: RWEPLI

Secondary vocational education: trends in integration and differentiation

Aleksandr A. Listvin^{1✉}, Marina A. Gart²

^{1, 2}Cherovets State University,
Cherovets, Russia,

¹alistvin.54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0445-3598>

²garmara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2664-4843>

Abstract. The article examines the processes of integration and differentiation in secondary vocational education under the fourth industrial revolution, based on the 5th and 6th technological paradigms, causing modern and promising socio-economic changes in the social development of Russia. The peculiarity of updating these processes is related to solving the problems of Russia's technological sovereignty, which directly depends on its human resources, a significant proportion of which is made up of technical employees and skilled workers.

Keywords: integration of professions, industry 4.0, professional differentiation, educational ecosystem, customization of education

Acknowledgments. The article was prepared using materials from the European Center for Vocational Education and the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Listvin A. A., Gart M. A. Secondary vocational education: trends in integration and differentiation. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 146–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-13>; EDN: RWEPLI

Введение

Технологический суверенитет России напрямую зависит от ее кадрового потенциала, существенную долю которого составляют высококвалифицированные рабочие. По данным правительства Российской Федерации (РФ), потребности отраслей экономики в квалифицированных кадрах на ближайшие 5 лет составляют более 1,5 млн. чел. При этом спрос на квалифицированных рабочих в обрабатывающих секторах за последние три года вырос в 2,5 раза. В настоящее время на базе высших учебных заведений (вуз) в рамках проекта «Передовые инженерные школы» развернута работа 50 центров, где партнерами выступают высокотехнологичные компании разных секторов экономики¹. Набирает обороты программа «Профессионалитет», в рамках которой в 2024 году уже функционировало 370 образовательно-производственных кластеров, открылись центры опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП). Очевидно, что подготовка квалифицированных кадров в условиях четвертой промышленной революции должна носить опережающий и непрерывный характер, основываться на интеграции всех уровней профессионального образования, что обеспечит наиболее эффективный общий результат.

Цель статьи заключается в анализе и осмыслении механизмов интеграции и дифференциации в отечественной системе профессионального образования и обучения в условиях четвертой промышленной революции.

Теоретико-методологической основой служит интегративная теория многоуровневого непрерывного профессионального образования (А. П. Беляева²).

В работе применялись методы сравнительного и ретроспективного анализа, обобщение статистических данных, результатов отечественных и зарубежных исследований.

Основная часть

Стартовавшая четвертая промышленная революция дает возможности для развития, сочетающие преимущества плановой и рыночной экономики. Конкретно для России – это переход к экономике предложения. По мнению академика РАН

¹ Постановление Правительства Российской Федерации № 619 от 8 апреля 2022 г. «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ». URL: <https://base.garant.ru/404459900/> (дата обращения: 30.10.2024).

² Беляева А. П. Интегральная теория и практика многоуровневого непрерывного профессионального образования. Санкт-Петербург: Институт профессионально-технического образования, 2002. 240 с.

С. Ю. Глазьева, стратегия развития российской экономики заключается в синергии опережающего роста нового технологического уклада, динамического намерстывания в сферах с незначительным технологическим отставанием и догоняющего развития в отставших отраслях¹. Это возможно при наращивании темпов опережающего профессионального образования и обучения (ПОО) кадров, прежде всего для высокотехнологичных производств и развития системы непрерывного профессионального образования как совокупности преемственных образовательных программ. Для четвертой промышленной революции, получившей название «Индустрия 4.0», характерно появление предприятий с автоматизированными и роботизированными промышленными системами, создание глобальных промышленных сетей². Подобные программы уже действуют, например, в США, Франции, Великобритании, Италии, Бельгии³. Направление «Индустрия 4.0» в нашей стране развивается в виде национальной технологической инициативы (НТИ), которая на основе долгосрочного прогнозирования должна обеспечить развитие новых технологических отраслей, появление предприятий с иным разделением и концентрацией трудовых функций на рабочих местах. Реализация ее направлений непосредственно затрагивает вопросы формирования кадрового потенциала инновационных предприятий, деятельность которых характеризуется достаточно быстрой сменой технологий и переналадкой производств, а это, соответственно, выражается в новых требованиях к работникам, их квалификации.

Выделяются следующие особенности индустрии 4.0⁴:

- создание систем, способных автономно и оперативно принимать решения на основе технологий искусственного интеллекта;
- интеграция имитационных и виртуальных информационных моделей с реальными технологическими процессами.

Очевидно, что решение задачи подготовки конкурентных кадров на данном этапе возлагается на систему ПОО, куда входят и учреждения среднего профессионального образования (СПО), главная задача которых – найти ответ на вопрос о формировании конкурентных компетенций у обучающихся. Это означает, что в процессе обучения необходимо продумать пути, которые позволят будущим работникам осваивать сразу многие отрасли знаний. Практически учреждения СПО должны настроить свои образовательные программы на формирование межотраслевых компетенций – способности изобретать, анализировать огромные и разноплановые потоки информации. В настоящее время во многих отраслях экономики происходит процесс замещения старых рабочих мест, требующих обновления компетенций. Динамичное развитие экономики, быстрая смена технологий создает спрос на новые

¹ Глазьев С. Ю. Программа социально-экономического развития России. Социальная справедливость и экономический рост. URL: <https://xn--h1acbkjiedashj.xn--p1ai/upload/soc-prog.pdf> (дата обращения: 31.10.2024).

² Китайгородский М. Д. Индустрия 4.0 и ее влияние на технологическое образование // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 11-2. С. 290–294. EDN: YVMCZV

³ Plattform Industrie 4.0. URL: <https://www.plattform-i40.de> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Industry 4.0: The Computerization of manufacturing. URL: <http://www.tekniker.es/en/industry-4-0-the-computerization-of-manufacturing> (дата обращения: 01.11.2024).

формы подготовки, все острее проявляются требования парадигмы «образование на протяжении жизни», тенденция на постоянное получение новых знаний и практического опыта формально, неформально и информально, возрастает спрос на образование под узкий круг задач. Сегодня можно говорить о кастомизации в образовании, т. е. его ориентации на удовлетворение кадровых потребностей работодателя за счет гибкости образовательных программ учреждений СПО по подготовке кадров¹.

Таким образом, с одной стороны, необходима интеграция содержания образования на более высоком уровне научного обобщения, совокупность универсальных компетенций и синергия ресурсов образовательно-производственных кластеров, а с другой – процесс профессиональной дифференциации результатов обучения под запросы конкретных потребителей квалифицированных кадров рабочих (служащих) и специалистов.

Появление теории интеграции в профессиональном образовании в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века связано с переходом России к рыночной экономике, с сопутствующими организационно-технологическими преобразованиями. К этому времени узкопрофильность подготовки кадров в системе начального профессионального образования (НПО) отмечалась не только теоретиками и практиками профессиональной школы, но и потребителями квалифицированных кадров². Начавшийся на предприятиях процесс интеграции труда создал объективные возможности для организации обучения квалифицированных рабочих в учреждениях НПО по группам родственных, совмещенных профессий и профессиям широкого профиля. Под группой родственных профессий понимают совокупность близких друг другу профессий, объединенных общностью содержания, орудий и предметов труда. Совмещенными называют профессии, созданные производственной необходимостью и целесообразностью, например, для расширения зоны обслуживания, маневра рабочими кадрами. Под группой профессий широкого профиля понимается вид трудовой деятельности, сформировавшийся под влиянием научно-технического прогресса, инвариантом которого является совокупность множества элементов общности производства и труда, образующая материальную, экономическую и социальную основу для интеграции узких профессий³.

Таким образом, научное обоснование процессов интеграции и дифференциации профессий, а также связанного с ними содержания профессионального образования базируется на объективных закономерностях, происходящих в производстве и определяющих развитие новых тенденций в профессиональном разделении труда.

Интеграция представляет собой процесс сложного объединения двух или нескольких предметов (в широком понимании слова), выделения новообразования. Данное «новое» имеет свою структуру, содержание, функции и ход развития. В условиях технологического перевооружения экономики интеграция ведет к измене-

¹ Янкевич С. В., Княгинина Н. В., Пучков Е. В. Кастомизация российского высшего образования через систему микростепеней // Современная аналитика образования. 2020. № 5 (35). С. 1–40.

² Батышев С. Я. Подготовка рабочих-профессионалов. Москва: АПО, 1995. 243 с.

³ Думченко Н. И. Подготовка квалифицированных рабочих широкого профиля. Москва: Высшая школа, 1984. 64 с.

нию характера и содержания труда, совмещению профессий и специальностей, возникновению новых профессий¹.

В ранее проведенных исследованиях выделяют следующую классификацию уровней интеграции профессий: межотраслевая, общепрофессиональная, общепроизводственная, общепрофессиональная и частнопрофессиональная. Межотраслевой уровень интеграции рассматривает профессии, общие для нескольких отраслей. Общепрофессиональной – указывает на соединение профессий внутри всей отрасли экономики. Общепроизводственной – определяет процесс образования групп родственных и совмещенных профессий, происходящий внутри производств отрасли. Общепрофессиональной – обеспечивает подготовку рабочих по профессиям широкого профиля. Частнопрофессиональной – подготовка рабочих по отдельным профессиям узкого профиля, сохраняющим свое наименование, но изменяющим внутреннее содержание под влиянием научно-технического прогресса. Интегрированное представление о профессиональной деятельности имеет системообразующее значение по отношению к профессиональному образованию, при этом выделяют несколько уровней интеграции содержания профессионального образования. Общенаучный уровень интеграции обеспечивает новый подход к обоснованию структуры профессионального образования. Междисциплинарный уровень интеграции обеспечивает общедидактический подход к решению проблемы как результата междисциплинарного взаимодействия. Методологической основой при отборе содержания профессиональных циклов (блоков, модулей) являются законы общественного разделения и перемены труда. С этих позиций содержание профессионального образования выступает как упорядоченное описание посредством развивающихся научных понятий сферы производства в форме иерархической системы. При этом выделяют следующие уровни этой системы:

- межотраслевой, представляющий знания, умения, нормы и ценности, необходимые для формирования личности рабочего любой профессии, независимо от отрасли экономики;
- общепрофессиональной – раскрывает специфику и закономерности конкретной отрасли;
- общепроизводственной – представляет знания, умения и навыки, обеспечивающие собственно производственную мобильность рабочего;
- общепрофессиональной – отражает устойчивые моменты собственно профессиональной деятельности, характерные для определенной группы профессий;
- частнопрофессиональной, отражающей узкую специализацию, определяемую на основе дифференциации профессиональной деятельности, и представляющий собой конкретные знания, умения и навыки, которые обеспечивают деятельность на конкретном рабочем месте.

Основными методологическими принципами при проектировании содержания профессионального образования и обучения выступают¹:

¹ Беляева А. П. Методология и теория профессиональной подготовки. Санкт-Петербург: Институт профтехобразования РАО, 1999. 480 с.

– принцип возрастания масштабности экономического объекта, который предполагает их последовательное освоение в процессе профессионального образования и обучения: «рабочее место – участок (отделение) – цех – производство – отрасль»;

– принцип соответствия и достаточности уровня содержания профессионального образования уровню сложности труда для экономического объекта.

Наряду с тенденцией интеграции наблюдается и процесс дифференциации, объективно проявляющийся в содержании профессионального образования в соответствии с действием закона общественного разделения труда. Проявление тенденции профессиональной дифференциации существенно влияет на содержание профессионального обучения, обуславливает взаимодействие с процессом интеграции, создавая тем самым двойственную природу изучаемого объекта. В 90-х гг. XX века в системе НПО подготовка квалифицированных рабочих осуществлялась по группам родственных и совмещенных профессий, интегрированных на общепрофессиональном и межотраслевом уровнях. Дифференциация результатов обучения проводилась на производственном, общепрофессиональном и частнопрофессиональном уровнях, а также по уровню квалификации выпускника. В условиях четвертой промышленной революции наблюдается интеграция вертикальных и горизонтальных цепочек производственных процессов, появляются возможности локализации и индивидуализации их решений, т. е. кастомизация производства. В этих условиях основной вызов к системе СПО состоит в изменении срока жизненного цикла технологий и, соответственно, содержания труда и профессий, необходимых для обслуживания этих технологий. Исходя из принципа соответствия производственной и образовательной парадигм, вытекают системные изменения в образовательной среде, которые проявляются в цифровизации образования, персонализации обучения, применении проектного подхода, интеграции формального и неформального образования, создании образовательно-производственных кластеров как механизма интеграции сетевого взаимодействия образования и производства. Для успешного развития государства в современных условиях необходимо, чтобы доля специалистов с высшим образованием составляла не менее 40–60 % от общей численности занятого населения. По данным переписи 2010 года, в России высшее образование имели 23 % жителей старше 15 лет. Следовательно, индустрия 4.0 ведет к серьезным социокультурным изменениям, особенно в сфере профессиональных квалификаций, где рынок труда предпочитает специалистов, обладающих узким набором навыков определенной компетенции². Поэтому в современном СПО популяризируется концепция практического обучения на конкретном рабочем месте предприятия, включающая обучение, предусмотренное образовательной программой, направленное на получение навыков

¹ Листвин А. А. Профессионально-интегративная система обучения квалифицированных рабочих и специалистов металлургического профиля. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2009. 214 с.

² Корзина М. И. Роль образования в эпоху четвертой промышленной революции (социально-философский анализ) // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 10. С. 186–192. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.34>

и изучение предметной области для решения конкретной проблемы¹. По существу речь идет о создании эффективно функционирующей системы непрерывного образования, что является одним из приоритетов системы образования в разных странах. В условиях образовавшегося дефицита кадров набирают популярность краткосрочные образовательные курсы с присвоением микроквалификации, которая свидетельствует о том, что ее обладатель освоил необходимый набор навыков в конкретной области, что подтверждается сертификатом². Набор сертификатов может служить основанием для аттестации работника с получением диплома о профессиональном образовании. Аналогичные тенденции проявляются и в отечественной системе ПОО. Реализация программы «Профессионалитет» в системе СПО свидетельствует об опосредованности и закономерности проявления процессов интеграции и дифференциации в производстве и образовании, обусловленных технологическими изменениями в средствах производства, характере и содержании труда. В зависимости от глубины этих изменений процессы интеграции и дифференциации осуществляются на разных уровнях обобщения и их комбинации. Если обратиться к современному перечню профессий и специальностей СПО, то можно заметить, что он включает в себя направления подготовки по укрупненным группам профессий, сформированных в основном на отраслевом уровне интеграции³. Новые профессии, зародившиеся в рамках 5-го и 6-го технологических укладов, группируются на общепрофессиональном уровне, включая в себя родственные профессии. Наблюдается и частнопрофессиональная интеграция, связанная с изменением внутреннего содержания труда, вызванного появлением новых технологий, и сменой наименования профессии. В содержании профессионального образования усилилась междисциплинарная интеграция, что отражается в междисциплинарных курсах и профессиональных модулях. Процесс дифференциации в СПО, с одной стороны, характеризуется ориентацией на производственную и профессиональную направленность на конкретное рабочее место с заданным набором трудовых функций, а с другой – требованием мультипрофессиональности.

Выводы

Четвертая промышленная революция меняет парадигму развития производства и, соответственно, образования, которое должно быть непрерывным и уровневым. С точки зрения темпов развития и масштаба, эти изменения носят в настоящее время экспоненциальный характер. Четвертая промышленная революция подтверждает

¹ Исакова А. Б. Смена образовательных парадигм в высшем образовании в условиях четвертой промышленной революции // Вестник университета Туран. 2019. № 2 (82). С. 254–258. EDN: NNDQES

² Hijden P. van der, Martin. M. Short courses, micro-credentials, and flexible learning pathways: A blueprint for policy development and action. Paris: International Institute for Educational, 2023. 51 p. URL: https://ncpa.ru/images/stories/lenta/2023/inqaah2023/unesco_report.pdf (дата обращения: 30.10.2024).

³ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 336 от 17 мая 2022 г. «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=480478>. (дата обращения: 30.10.2024).

ранее выявленные закономерности взаимозависимости и взаимопроникновения тенденций интеграции и дифференциации в профессиональной деятельности и содержании профессионального образования на разных его уровнях. Интеграция как педагогическая закономерность и дидактический принцип представляет собой новообразование целого, которое обладает системными качествами междисциплинарного взаимодействия, а также соответствующими механизмами взаимосвязи. Применительно к интегрированному профессиональному образованию данное понятие конкретизируется как изменение исходных элементов на основе взаимодействия содержания трудовых функций, видов деятельности, характеризующихся обобщенностью, системностью и универсальностью характеристик.

Таким образом, подтверждается, что научное обоснование процессов интеграции и дифференциации в профессиональном образовании базируется на объективных закономерностях, происходящих в социально-экономической сфере, современном инновационном производстве. Усиление тенденций перемены, разделения, концентрации и кооперации труда обуславливает необходимость структурных преобразований в системе отечественного профессионального образования в соответствии с парадигмой «образование в течение всей жизни». СПО, как связующее звено между общим и высшим образованием, наиболее быстро воспринимающее технологические нововведения и инновации, должно служить катализатором в создании соответствующей системы воспроизводства кадров.

Список литературы / References

- Батышев С. Я. *Подготовка рабочих-профессионалов*. Москва: АПО, 1995. 243 с.
Batyshov S. Ya. *Training of professional workers*. Moscow: APO, 1995. 243 p. (In Russ.)
- Беляева А. П. *Интегральная теория и практика многоуровневого непрерывного профессионального образования*. Санкт-Петербург: Институт профессионально-технического образования, 2002. 240 с.
Beliaeva A. P. *Integral theory and practice of multilevel continuing vocational education*. St Petersburg: Institut professional'no-tehnicheskogo obrazovaniia, 2002. 240 p. (In Russ.)
- Беляева А. П. *Методология и теория профессиональной подготовки*. Санкт-Петербург: Институт профтехобразования РАО, 1999. 480 с.
Beliaeva A. P. *Methodology and theory of vocational training*. St Petersburg: Institut proftekhobrazovaniia RAO, 1999. 480 p. (In Russ.)
- Глазьев С. Ю. *Программа социально-экономического развития России. Социальная справедливость и экономический рост*. URL: <https://xn--h1acbkjiedashj.xn--p1ai/upload/soc-prog.pdf> (дата обращения: 31.10.2024).
Glaz'ev S. Y. *Program of socio-economic development of Russia. Social justice and economic growth*. Available at: <https://xn--h1acbkjiedashj.xn--p1ai/upload/soc-prog.pdf> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.)
- Думченко Н. И. *Подготовка квалифицированных рабочих широкого профиля*. Москва: Высшая школа, 1984. 64 с.

Dumchenko N. I. *Training of multiskilled workers*. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 64 p. (In Russ.)

Искакова А. Б. Смена образовательных парадигм в высшем образовании в условиях четвертой промышленной революции. *Вестник университета Туран*, 2019, № 2 (82), с. 254–258. EDN: NNDQES

Iskakova A. B. The change of educational paradigms in higher education under the fourth industrial revolution. *Bulletin of "Turan" University*, 2019, no. 2 (82), pp. 254–258. (In Russ.) EDN: NNDQES

Китайгородский М. Д. Индустрия 4.0 и ее влияние на технологическое образование. *Современные наукоемкие технологии*, 2018, № 11-2, с. 290–294. EDN: YVMCZV

Kitaigorodskii M. D. Industry 4.0 and its impact on technological education. *Modern high technologies*, 2018, no. 11-2, pp. 290–294. (In Russ.) EDN: YVMCZV

Корзина М. И. Роль образования в эпоху четвертой промышленной революции (социально-философский анализ). *Манускрипт*, 2020, т. 13, вып. 10, с. 186–192. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.34>

Korzina M. I. Role of education in the Fourth Industrial Revolution (social-philosophical analysis). *Manuscript*, 2020, vol. 13, iss. 10, pp. 186–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.34>

Листвин А. А. *Профессионально-интегративная система обучения квалифицированных рабочих и специалистов металлургического профиля*. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2009. 214 с.

Listvin A. A. *Professionally integrative system of training qualified workers and metallurgical employees*. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 214 p. (In Russ.)

Приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 336 от 17 мая 2022 г. «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=480478> (дата обращения: 08.11.2024).

Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 336 of May 17, 2022 “On Approval of the Lists of Professions and Specialties of Secondary Vocational Education”. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=480478> (accessed: 08.11.2024). (In Russ.)

Приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 619 от 8 апреля 2022 г. «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ». URL: <https://engineers2030.ru/about/> (дата обращения: 30.10.2024).

Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 619 dated April 8, 2022 “On measures of state support for the development of advanced engineering schools”. Available at: <https://engineers2030.ru/about/> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.)

Янкевич С. В., Княгина Н. В., Пучков Е. В. Кастомизация российского высшего образования через систему микростепеней. *Современная аналитика образования*, 2020, № 5 (35), с. 1–40.

Iankevich S. V., Kniaginina N. V., Puchkov E. V. Customization of Russian higher education through the micro-degree system. *Contemporary educational analytics*, 2020, no. 5 (35), pp. 1–40. (In Russ.)

Hijden P. van der, Martin M. *Short courses, micro-credentials, and flexible learning pathways: A blueprint for policy development and action*. Paris: International Institute for Educational, 2023. 51 p. Available at: https://ncpa.ru/images/stories/lenta/2023/inqaah2023/unesco_report.pdf (accessed: 30.10.2024).

Industry 4.0: computerization of production. Available at: <http://www.tekniker.es/en/industry-4-0-the-computerization-of-manufacturing> (accessed: 01.11.2024).

Plattform Industrie 4.0. Available at: <https://www.plattform-i40.de> (accessed: 01.11.2024).

Сведения об авторах

Александр Анатольевич Листвин – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-0445-3598>, alistvin.54@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Aleksandr A. Listvin** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-0445-3598>, alistvin.54@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Марина Арисовна Гарт – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-2664-4843>, garmara@rambler.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Marina A. Gart** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-2664-4843>, garmara@rambler.ru Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: авторы сделали разный вклад в подготовку публикации, что отражено в последовательности персоналий авторского коллектива. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors made different contributions to the preparation of the publication, which is reflected in the sequence of personalities of the author's team. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 10.01.2025.

The article was submitted 06.11.2024; Approved after reviewing 20.12.2024; Accepted for publication 10.01.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 156–167.
Cherapovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 156–167.

Научная статья

УДК 373.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-14>

<https://elibrary.ru/oiifk>

Теория и практика педагогического контроля в современной школе

Анна Витальевна Невзорова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Россия,
anna.nevzorova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9799-6497>

Аннотация. В данной статье мы рассматриваем современные научные представления о педагогическом контроле и его организации в системе общего образования. Предложено теоретическое обоснование педагогического контроля с позиций теории деятельности. В статье представлены результаты эмпирического исследования педагогических условий организации контроля в начальном общем образовании.

Ключевые слова: педагогический контроль, общеобразовательная школа, педагогическая диагностика, самоконтроль

Для цитирования: Невзорова А. В. Теория и практика педагогического контроля в современной школе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 156–167. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-14>; EDN: OIIFFK

Theory and practice of pedagogical control in modern school

Anna V. Nevzorova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia,
anna.nevzorova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9799-6497>

Abstract. The author examines modern scientific ideas about pedagogical control and its organization in the general education system; also provides theoretical substantiation of pedagogical control from the standpoint of activity theory. The article presents the results of an empirical study on the pedagogical conditions of the control organization in primary general education.

Keywords: pedagogical control, comprehensive school, pedagogical diagnostics, self-control.

For citation: Nevzorova A. V. Theory and practice of pedagogical control in modern school. *Cherapovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 156–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-14>; EDN: OIIFFK

Введение

Постановка проблемы

Педагогический контроль как предмет изучения дидактики является традиционным аспектом анализа процесса обучения. Целостная теоретическая обоснованность проблемы педагогического контроля в системе общего образования в советской педагогике и внедрение в образовательную практику технологии педагогического контроля обеспечивало стабильно высокое качество общего образования на территории всего Советского Союза, что позволило заложить прочный фундамент для формирования новых национальных образовательных систем в постсоветский период. В современной российской педагогике проблема педагогического контроля отошла на второй план, уступив место сначала рассмотрению проблемы менеджмента качества образования, а затем проблеме педагогической диагностики, экспертизы и оценки образовательных результатов. Однако при рассмотрении этих более масштабных педагогических проблем смещается ракурс исследовательской работы, целенаправленность научного поиска, и собственно проблема педагогического контроля, столь значимая в повседневной практической деятельности каждого педагога, оказывается в тени. В современных социокультурных условиях проблема педагогического контроля является актуальной для педагогики и образования, и в первую очередь для системы общего образования по целому ряду причин. Этими причинами являются: необходимость пересмотра и систематизации теоретических представлений о педагогическом контроле с учетом достижений психологической науки; разработка типовых технологических решений для организации педагогического контроля в обучении, обладающих свойствами универсальности; обеспечение реализации системы педагогического контроля, направленной на устойчивое формирование самоконтроля у обучающихся.

Различным аспектам педагогического контроля в общем образовании посвящены работы В. С. Аванесова, А. Б. Воронцова, В. Н. Беспалько, И. Я. Лернера, М. Н. Скаткина, Н. Ф. Талызиной, Л. М. Фридмана, Д. Б. Эльконина и других авторов. Решению проблемы педагогического контроля на содержательно-оценочной основе посвящены работы Ш. А. Амонашвили. Методы педагогического контроля рассмотрены в трудах Ю. К. Бабанского, В. Окуня, Г. И. Щукиной. Вместе с тем, опыт организации образовательного процесса в школе показывает, что педагогический контроль как направление педагогической деятельности, как компонент процесса обучения, как способ изучения результативности обучения, управления образованием, как средство формирования самоконтроля у обучающихся имеет целый ряд проблем и трудностей организации и содержания, которые наиболее отчетливо проявляются в процессе реализации образовательных программ. Проблемы и трудности педагогического контроля, проводимого современными учителями, мало изучены, в то время как педагогический контроль является действенным инструментом как достижения образовательных результатов, так и формирования самоконтроля обучающихся и учебной деятельности в целом. Кроме того, в условиях изменения образовательных стандартов общего образования особенно остро встает вопрос осмысления традиционных подходов к организации педагогического контроля, сопоставления традиций и современных реалий процесса обучения.

Методика

Изучение педагогического контроля осуществлялось посредством анализа результатов психолого-педагогических исследований, рассмотрения инновационных подходов, контент-анализа психолого-педагогических исследований за последние 5 лет по данной проблеме, а также обобщения образовательной практики, эмпирического исследования педагогических условий контроля результативности процесса обучения.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью анкетирования педагогов, протоколируемого наблюдения, изучения документации, проведения контрольных мероприятий в образовательном процессе. В исследовании приняли участие три четвертых класса общеобразовательной школы, выборка составила 94 ученика и 23 учителя начальной школы.

Основная часть

Этапы исследования

Настоящее исследование проводилось в русле более широкой темы, предполагающей изучение психолого-педагогических основ и методов организации образовательного процесса в общеобразовательной школе. В ходе работы над темой были реализованы следующие этапы. Рассмотрены теоретические основания педагогического контроля, систематизированы научные представления о педагогическом контроле с позиций теории деятельности, разработаны технологические решения, способствующие оптимальной организации педагогического контроля в процессе обучения, апробированы инструменты оценки эффективности процесса обучения, проведено эмпирическое исследование педагогических условий организации контроля в процессе обучения. Осуществлено исследование специфики педагогического контроля в школе в условиях реализации деятельностного подхода к организации процесса обучения. Разработаны и реализованы новые подходы к организации педагогического контроля, с учетом создания специальных условий, направленных на повышение эффективности обучения, перехода контроля в самоконтроль и на формирование самоконтроля обучающихся и самостоятельную организацию собственной учебной деятельности. Сформулированы новые представления об организационных принципах и методах оптимизации педагогического контроля в обучении школьников.

На данном этапе исследования были подвергнуты анализу традиционные и инновационные подходы к проблеме педагогического контроля, сформулированы предложения, совмещающие традиционные и инновационные идеи, обеспечивающие оптимальные условия организации педагогического контроля в процессе обучения школьников.

Наряду с этим получены результаты эмпирического исследования педагогических условий организации педагогического контроля в обучении школьников, на основе которых сформулированы проблемы и трудности в организации педагогического контроля.

Научные результаты

Педагогический контроль предполагает организацию и осуществление внешних процедур, реализуемых педагогом по отношению к деятельности обучающихся с целью отслеживания достижений, сбора информации, проверки промежуточных результатов, накопления данных, выявления динамики, прогнозирования и управления образовательным процессом. Он охватывает образовательный процесс в целом: и обучение, и воспитание; реализацию перечисленных выше процедур относительно всех личностных, метапредметных и предметных результатов. В то же время педагогический контроль – понятие достаточно емкое, характеризующее компонент процесса обучения, а также сущность и содержание конкретных трудовых функций педагога в области прежде всего обучения, а именно трудовых действий по систематическому анализу эффективности учебных занятий и подходов к обучению, а также организации, осуществлению контроля и оценки учебных достижений, текущих и итоговых результатов освоения основной образовательной программы обучающимися. По сравнению с понятиями менеджмента качества образования и педагогической диагностики, педагогический контроль имеет более узкий предмет деятельности. С позиций теории деятельности специфика этого предмета деятельности состоит в том, что он является компонентом не собственной деятельности, а компонентом деятельности другого человека – ученика, причем не одного, а каждого ребенка в классе.

Анализ психолого-педагогической литературы, размещенной на платформе Elibrary за период с 2020 по 2025 гг., показал, что количество публикаций по запросу «педагогический контроль» за этот период составило 31425 источников. Среди этих публикаций лишь в 757 «педагогический контроль» был обозначен в качестве ключевых слов. Контент-анализ названий отобранных публикаций показал, что они, в основном, посвящены тематике физического воспитания и спорта: Больше половины отобранных работ посвящены тематике физической культуры, оставшаяся часть — теме спорта. 7 % данных работ попали сразу в две категории. Непосредственно процессу обучения посвящены лишь 4 % работ. Эти данные свидетельствуют о том, что проблематика педагогического контроля сместилась в сферу физкультуры и спорта и практически не рассматривается в контексте процесса обучения другим предметам. Вместе с тем, как отечественные¹, так и зарубежные² исследования качества образования показывают, что частота, интенсивность, целенаправленность, систематичность и содержание педагогического контроля прямо пропорционально связаны с уровнем образовательных результатов обучающихся, а именно, чем чаще и полнее проводятся процедуры педагогического контроля, тем выше образовательные результаты учеников.

¹ Самарская А. В. Международное мониторинговое исследование качества школьного математического и естественнонаучного образования TIMSS: история современного состояния и перспектива развития // Актуальные вопросы науки. 2019. № 50. С. 129–130. EDN: YYEADP

² Al-Balushi S. M., Al-Harthy I. S., Almehrizi R. S., Al-Saadi Kh. K., Al-Aghbari M. S., Al-Balushi M. Metacognitive Awareness Perceptions of Students with High and Low Scores on TIMSS-like Science Tests // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2022. Vol. 10, no. 3. P. 73–82. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2022-10-3-73-82>

Итак, актуальность рассмотрения педагогического контроля в современной школе не вызывает сомнений. Рассмотрим теоретические аспекты организации и проведения педагогического контроля в обучении школьников. Традиционно под педагогическим контролем понимается способ получения информации о состоянии учебного процесса¹; единая методическая и дидактическая система проверочной деятельности². В основу предлагаемой нами системы научных представлений о педагогическом контроле положен деятельностный подход³. С этих позиций педагогический контроль как компонент процесса обучения, объединяющего в себе одновременно педагогическую и учебную деятельность, является, с одной стороны, деятельностью, осуществляемой педагогом, а, с другой стороны, деятельностью, направленной вовне, на деятельность другого индивида. Фактически педагогический контроль состоит из действий, замещающих действия самоконтроля в структуре учебной деятельности учеников. Ученики, не будучи в полной мере субъектами учебной деятельности, не обладают необходимым уровнем мотивации, принятия учебной задачи, владения операциональной стороной деятельности для самостоятельной организации и осуществления контроля за своей деятельностью и ее результатами. По этой причине педагогический контроль должен быть спроектирован и технологически подготовлен таким образом, чтобы обеспечить мотивацию, понимание и принятие учебной задачи, а также операциональную четкость проверочной процедуры. В этом случае педагог подготавливает почву для постепенной передачи функций педагогического контроля самим ученикам и его перехода в самоконтроль. Исходя из сформулированной системы представлений о педагогическом контроле в процессе обучения в школе, педагогическими условиями контроля результативности процесса обучения являются: 1) мотивация обучающихся к включению в учебную деятельность и подготовка к проверочным процедурам; 2) принятие учебной задачи; осознание школьниками смысла и цели изучения раздела, темы, урока, конкретного учебного задания; 3) приобретение школьниками опыта по выполнению различных способов проверочных и контрольных заданий, упражнение, многократное повторение, разного рода оперирование с учебным материалом до качественного его освоения. Способы мотивации к включению в учебную деятельность носят выраженный возрастной характер⁴. Для младших школьников мотивирующими средствами могут быть: игровая ситуация, включение героя в сценарий занятия, визуальные средства активизации внимания; средний школьный и подростковый возраст требуют иной организации работы по мотивированию школьников – учет интересов, включение в межличностное общение, предоставление возможности высказать собственное мнение

¹ Сеногноева Н. А. Характеристика многомерности дефиниции «педагогический контроль» при помощи контент-анализа и кластерного анализа // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7, вып. 1. С. 131–136. <https://doi.org/10.30853/ped20220008> URL: <https://pedagogy-journal.ru/article/ped20220008/fulltext> (дата обращения: 14.02.2025).

² Елкина И. М. Система оценивания результатов при различных педагогических подходах // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 5. С. 141–150. EDN: NPSHNO

³ Давыдов В. В. Что такое учебная деятельность? // Начальная школа. 1999. № 7. С. 12–18.

⁴ Карпова Е. В. Специфика современного состояния и перспективы развития проблемы мотивации учебной деятельности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Акмеология образования. 2006. Т. 12, № 2. С. 8–18.

ние; для старших школьников подойдут дискуссии, предоставление права выбора, открытое обсуждение острых тем. Для всех возрастных групп необходимым и значимым мотивирующим фактором является прозрачность и понятность предстоящих проверочных процедур, разумность, объективность и рациональность выбранных критериев, объема проверочных материалов. Важно в самом начале договориться с детьми о сроках, способах, критериях педагогического контроля. Что касается второго условия – принятия учебной задачи, – оно неразрывно связано с предыдущим, логически вытекает из него и может быть выполнено с помощью следующих технологических решений: установление связи с ранее изученным, выявление недостающих знаний, показ применимости нового материала в жизни и преимуществ овладения новыми навыками и компетенциями. В качестве проверочных процедур традиционными формами являются письменные и устные формы контроля: контрольные и проверочные работы, изложения, диктанты, сочинения, устные опросы. Новые формы, получившие распространение в современной школе, – проекты, портфолио, лабораторные и практические работы, научно-исследовательские работы. Основное требование к проверочным процедурам состоит в том, что они должны быть знакомы детям, в этом случае они воспринимаются более спокойно, обучающиеся справляются с ними более уверенно при условии подготовленности и добросовестного отношения к учебе. Представленная система педагогических условий, наряду с обеспечением качества обучения, обладает потенциалом достижения и воспитательных эффектов, она носит характер не только педагогического контроля, но и формирования добросовестного, ответственного отношения к учебе¹.

Эмпирическое исследование условий организации педагогического контроля проводилось с помощью следующих методик. Анкетирование педагогов начального общего образования использовалось с целью изучения частоты, периодичности контроля, применяемых учителями форм и методов контроля. Собственно педагогический контроль как компонент педагогической деятельности изучался с помощью методик «Оценка эффективности обучения учащихся в общеобразовательных классах» и «Оценка эффективности обучения учащихся в классах развивающего обучения». Эти две методики были выбраны из-за соответствия оцениваемых в них параметров деятельности учеников и педагогических условий организации педагогического контроля, представленных выше. Так, в первой из методик рассматриваются параметры основных учебных умений, успешности решения учебных задач, количества ошибок в проверочных работах, сохранности знаний и способов их применения, комплексной оценки обученности класса. Во второй методике в качестве параметров выделены рефлексия способа приема и переработки информации, характер ориентировочной деятельности, характер исполнительных действий, характер контрольных действий, индивидуальные способы действий, личностно-смысловое отношение к учебному предмету.

¹ Бухалова О. В., Невзорова А. В. Формирование самоконтроля учебной деятельности у младших школьников // Реализация стандартов второго поколения в школе: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской интернет-конференции (г. Ярославль, 1 октября – 1 декабря 2014 г.). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2014. С. 21–24. EDN: WKHSBB

Представим результаты анкетирования учителей начальных классов. Отвечая на вопрос о том, как педагоги оценивают успеваемость учеников своего класса, 68 % учителей отметили, что большинство детей в классе учатся на «4» и «5». Лишь 10 % учителей сообщили, что в их классе есть неуспевающие ученики. Учителя равномерно используют устные и письменные формы педагогического контроля, не отдавая предпочтение какой-то конкретной форме. 75 % учителей проводят контроль раз в три урока, и лишь четверть учителей организуют педагогический контроль на каждом уроке. Наиболее распространенным методом контроля является устный опрос, его в качестве основного выбрали 43 % учителей; второе место по распространенности заняло тестирование – 29 %, далее по 14 % учителей назвали викторины и кроссворды. 25 % педагогов согласились с необходимостью частых проверочных процедур, например тестов и проверочных работ, отметив, что такой подход к организации обучения мотивирует детей заниматься учебой и старательно выполнять домашние задания.

Анализ документации в трех 4-х классах показал высокий уровень успеваемости в двух классах и средний – в одном. В классах с высокой успеваемостью количество детей, обучающихся на «4» и «5» составило соответственно 82 % и 74 %. В классе со средней успеваемостью процент учеников, успевающих на «хорошо» и «отлично» значительно ниже (54 %). Количественный анализ результатов применения методик изучения эффективности обучения в 4-х классах показал следующее. Среди основных учебных умений у большинства четвероклассников (67 %) сформированы умения самостоятельно выделять способы решения задач; у третьей части детей сформированы знания о происхождении и основании способов учебных действий; ни у кого из обследованных школьников не сформированы на высоком уровне умения оценки и самокоррекции. Это свидетельствует о том, что учащиеся способны применить освоенный способ действия, часть школьников понимают суть и смысл этих действий, но они не способны оценить, проконтролировать применение способа действия и скорректировать его при обнаружении несоответствий эталону.

Следующий показатель, рассмотренный на основе полученного эмпирического материала – специфика предложенных условий учебного задания. Большинство школьников успешно справляются с решением задач с полным составом необходимых и достаточных условий, в то время как при предъявлении заданий с избыточной информацией, неполной представленностью признаков или нестандартных задач треть от общего количества детей не справляются с подобными заданиями, остальные две трети показывают средний уровень в решении таких задач. Исходя из полученных данных, мы можем предположить, что большая часть заданий, предлагаемых ученикам в учебном процессе, носят шаблонный характер, в связи с чем, сталкиваясь с нестандартными заданиями, школьники неизбежно испытывают трудности, которые они не способны преодолеть самостоятельно в силу несформированности способности к переносу умений в новые условия. Следующий показатель педагогического контроля – количество ошибок в контрольных и проверочных работах. Результаты оказались следующими: по количеству ошибок, обнаруженных и исправленных педагогами, треть четвероклассников допускают от 0 до 2 ошибок, две трети детей – от 3 до 5 ошибок. Этот показатель не соответствует среднему количеству

хорошистов и отличников в трех классах вместе (70 %), что говорит о том, что учителя склонны завышать отметки и в значительной степени ориентироваться на устные ответы детей. Обратная картина обнаружения ошибок наблюдается при нормируемой помощи со стороны учителя или самостоятельной проверке детьми собственных работ: 32 % учащихся находят с помощью учителя 3–5 ошибок, в то время как сами способны увидеть от 0 до 2 ошибок; 68 % детей – 6 и более ошибок; при этом самостоятельно находят лишь 3–5 ошибок. Следовательно, практически у всех младших школьников не сформирован самоконтроль на должном уровне. Экспертная оценка учителей свидетельствует о том, что они предполагают высокий уровень сформированности основных научных понятий у 70 % учеников и адекватное применение изученных правил в ходе выполнения практических заданий. Они дают аналогичную комплексную оценку обученности класса.

Проследим, как учителя контролируют и оценивают эффективность учебного процесса с точки зрения характеристик учебной деятельности школьников. Рефлексия способа приема и переработки информации с позиции выявления и осознания способа действия и решения проявляется у младших школьников на среднем (68 %) и низком (32 %) уровнях; рефлексивный контроль и самоконтроль также выражены на среднем и низком уровне у половины младших школьников. По характеру ориентировочной деятельности 80 % выборки показали преобладание эмпирического типа ориентировочной деятельности в противовес теоретическому типу, но в то же время план, в котором осуществляются ориентировочные действия, у 79 % детей – умственный, у 70 % – словесный, у 55 % – материальный. Эти результаты показывают, что одни и те же обучающиеся в разных учебных ситуациях используют разные ориентировочные планы, но преимущественными являются умственный и словесный, что соответствует возрастной норме развития детей 11–12 лет. Из вторичных характеристик ориентировочной деятельности слабее всего у школьников развиты осмысленность и развернутость (соответственно у 55 % и 60 %), в более высокой степени развиты осознанность и обобщенность (соответственно у 70 % и 80 %). По характеру исполнительных действий самыми проблемными для младших школьников являются перенос способа решения на другую реальность (сформировано у 50 %) и варьирование способов действий (сформировано у 54 %); в средней степени проявляется оценочное отношение (сформировано у 62 %), использование специальных средств анализа текста, в том числе графических (сформировано у 68 %), выделение и обобщение способа решения (сформировано у 70 %), принятие и удержание задачи (сформировано у 72 %). В основном сформированными можно считать лишь выделение объективного состава условий задачи (сформировано у 78 %) и оперирование условиями задачи (сформировано у 84 %). По характеру контрольных действий две трети четвероклассников способны соотнести получаемые промежуточные данные с условиями задачи, т. е. осуществить пошаговый контроль; оставшиеся 30 % детей могут выполнять эти действия только с помощью взрослого. Осуществить итоговый контроль, т. е. соотнести полученный результат с запланированным могут 80 % детей, они способны оценить качество полученного продукта. Рефлексивный контроль – контроль способа и средств решения или действия – могут осуществить меньшее количество детей, их 70 %.

Полученные результаты показали, что у младших школьников начинают складываться индивидуальные способы деятельности, причем самый высокий показатель получен по склонности к учебному сотрудничеству с группой (85 %); у большей части детей сформировано умение выделить целостный образ (75 %), а также умение (и предпочтение) материализованного, словесного или умственного плана действий; наличие результативных нестандартных, интуитивных действий обнаружено у половины обследованных детей. По показателям личностно-смыслового отношения к предмету большинство детей (63 %) испытывают непосредственный интерес к учебному предмету в целом, 17 % детей демонстрируют безразличное или нейтральное отношение, 7 % эмоционально (раздражительно) реагируют на трудности, столько же детей испытывают боязнь (страх) ошибок, и лишь 6 % показывают сверхнормативную активность в учебной работе.

Анализ личностно-смыслового отношения к учебе в отдельных классах позволил обнаружить существенные различия между ними. Например, в классе с наиболее высокими показателями интереса к учебе у учеников совершенно отсутствует страх сделать ошибку. Именно этот класс продемонстрировал наиболее высокие показатели успеваемости, а также частоты, регулярности и целенаправленности педагогического контроля. В начале изучения каждого раздела и темы учителем в совместном обсуждении с учениками четко обозначаются ожидаемые результаты и продукты учебной деятельности, чем обеспечивается мотивация обучающихся к включению в учебную деятельность и подготовка к проверочным процедурам. В классе с наиболее высокими показателями безразличного отношения к учебе нет детей со сверхнормативной активностью в учебной работе; это – класс с самой низкой успеваемостью и нерегулярными контрольно-проверочными процедурами; имеют место трудности с принятием учебной задачи, осознанием школьниками смысла и цели изучения темы, что провоцирует равнодушие и снижение интереса к учебе. В классе, в котором 10 % детей испытывают страх ошибки, эти же ученики эмоционально раздражительно реагируют на трудности. В этом классе педагог организует контроль, но проявляет принципиальность, не гибок в оценивании, не учитывает усилий детей при подготовке к урокам и выполнении заданий. Страх сделать ошибку и раздражительность от неудачи проявляются, если не обеспечено приобретение школьниками опыта по выполнению различных заданий, отсутствует достаточное количество упражнений, многократных повторений, разного рода оперирования с учебным материалом до качественного его освоения. Можно предположить, что в характеристиках учебной деятельности детей в классах проявляются преобладающие стили педагогического общения, специфика организуемого учителями педагогического контроля в силу разных показателей овладения профессиональными компетенциями.

Выводы

Педагогический контроль как ключевая категория педагогической деятельности, непосредственно направлен на организацию такого качества учебно-воспитательного процесса, который обеспечивает достижение образовательных результатов и вносит существенный вклад в воспитание школьников, развитие их личностных качеств, таких как ответственность, добросовестное отношение к учебе,

стремление к преодолению трудностей, ориентация на качество овладения учебным материалом. Педагогический контроль также напрямую создает условия для полноценной организации учебной деятельности детей, поскольку ввиду неполной сформированности компонентов учебной деятельности у учеников, по сути, замещает или дополняет до необходимого уровня отсутствующие или недостаточно сформированные компоненты, например педагогический контроль способствует развитию способности к осознанию и принятию учебной задачи, полноценному овладению учебными действиями, постепенной передаче функции контроля самому ученику, переходу в самоконтроль своей деятельности.

Результаты эмпирического исследования показали правомерность сформулированных нами педагогических условий контроля результативности процесса обучения. Мотивация обучающихся к включению в учебную деятельность и подготовка к проверочным процедурам организуют планомерное освоение учебного материала, способствуют осознанию его значения, обеспечивают эмоционально стабильную, деловую атмосферу в учебном процессе. Принятие учебной задачи, осознание школьниками смысла и цели изучения темы напрямую связано с поддержанием познавательной активности, интереса к учебе, следствием чего становится высокая успеваемость. Текущий педагогический контроль может помочь детям увидеть свои успехи в освоении учебного материала, обнаружить пробелы, понять, что именно и с какой целью предстоит освоить. Приобретение школьниками опыта по выполнению различных способов проверочных и контрольных заданий, упражнение, многократное повторение, разного рода оперирование с учебным материалом до качественного его освоения обеспечивают ученикам необходимую степень уверенности, высокую степень свободы владения формируемыми компетенциями, способность к переносу знаний и умений и готовность к новым условиям применения освоенного материала.

Таким образом, соответствие педагогического контроля сформулированным нами условиям обеспечивает высокое качество педагогической деятельности, достижение запланированных образовательных результатов школьников и соответствие образовательного процесса характеристикам результативности.

Список литературы / References

Бухалова О. В., Невзорова А. В. Формирование самоконтроля учебной деятельности у младших школьников. *Реализация стандартов второго поколения в школе: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской интернет-конференции (г. Ярославль, 1 октября – 1 декабря 2014 г.)*. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2014, с. 21–24. EDN: WKHSBB

Bukhalova O. V. Nevzorova A. V. Developing self-control of learning activity in junior school-children. *Implementation of the second generation standards at school: problems and prospects: Proceedings of the IV All-Russian Internet Conference (Yaroslavl, October 1 – December 1, 2014)*. Yaroslavl: Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K. D. Ushinskogo, 2014, pp. 21–24. (In Russ.) EDN: WKHSBB

Давыдов В. В. Что такое учебная деятельность? *Начальная школа*, 1999, № 7, с. 12–18.
Davydov V. V. What is learning activity? *Primary School*, 1999, no. 7, pp. 12–18. (In Russ.)

Елкина И. М. Система оценивания результатов при различных педагогических подходах. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 2012, № 5, с. 141–150. EDN: NPSHPO

Elkina I. M. System of results estimation in different pedagogical approaches. *National and foreign pedagogy*, 2012, no. 5, pp. 141–150. (In Russ.) EDN: NPSHPO

Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. Москва: РАО, 2015.

Karpov A. V. *Psychology of activity*: in 5 vol. Moscow: RAO, 2015. (In Russ.)

Карпова Е. В. Психологическая структура деятельности как объективная основа дифференциации базовых профессиональных компетенций учителя. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*, 2013, № 4 (26), с. 103–107. EDN: RSCUYN

Karpova E. V. The psychological structure of activity as an objective basis for the differentiation of teachers' basic professional competencies. *Bulletin of YarSU. Series: Humanities*, 2013, no. 4 (26), pp. 103–107. (In Russ.) EDN: RSCUYN

Карпова Е. В. Специфика современного состояния и перспективы развития проблемы мотивации учебной деятельности. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Акмеология образования*, 2006, т. 12, № 2, с. 8–18.

Karpova E. V. Specifics of the current state and prospects of developing the problem of motivation for learning activity. *Bulletin of Nekrasov Kostroma State University. Acmeology of education*, 2006, vol. 12, no. 2, pp. 8–18. (In Russ.)

Самарская А. В. Международное мониторинговое исследование качества школьного математического и естественнонаучного образования TIMSS: история современного состояния и перспектива развития. *Актуальные вопросы науки*, 2019, № 50, с. 129–130. EDN: YYEADP

Samarskaia A. V. International monitoring study on the quality of school mathematics and science education TIMSS: history of the current state and development prospects. *Topical issues of science*, 2019, no. 50, pp. 129–130. (In Russ.) EDN: YYEADP

Сенюгнеева Н. А. Характеристика многомерности дефиниции «педагогический контроль» при помощи контент-анализа и кластерного анализа. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 2022, т. 7, вып. 1, с. 131–136. <https://doi.org/10.30853/ped20220008> URL: <https://pedagogy-journal.ru/article/ped20220008/fulltext> (дата обращения: 14.02.2025).

Senognoeva N. A. Characterising the multidimensional nature of the “pedagogical control” definition using content analysis and cluster analysis. *Pedagogy. Theory & Practice*, 2022, vol. 7, iss. 1, pp. 131–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/ped20220008> Available at: <https://pedagogy-journal.ru/article/ped20220008/fulltext> (accessed: 14.02.2025).

Al-Balushi S. M., Al-Harthy I. S., Almehrizi R. S., Al-Saadi Kh. K., Al-Aghbari M. S., Al-Balushi M. Metacognitive Awareness Perceptions of Students with High and Low Scores on TIMSS-like Science Tests. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2022, vol. 10, no. 3, pp. 73–82. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2022-10-3-73-82>

Сведения об авторе

Анна Витальевна Невзорова – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9799-6497>, anna.nevzorova@gmail.com, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (д. 108, ул. Республиканская, 150000 Ярославль, Россия); **Anna V. Nevzorova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9799-6497>, anna.nevzorova@gmail.com, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (108, ul. Respublikanskaya, 150000 Yaroslavl, Russia).

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.

The article was submitted 12.02.2024; Approved after reviewing 26.02.2024; Accepted for publication 12.03.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 168–176.
Cherovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 168–176.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-15>

<https://elibrary.ru/xiidkt>

Технология самообучения информативному чтению на втором иностранном языке на неязыковых факультетах гуманитарного вуза

Александр Олегович Овсянников

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
alovs1960@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6485-2008>

Аннотация. В статье мы раскрываем лингвометодические механизмы, лежащие в основе технологии самообучения информативному чтению на втором иностранном языке. Данная технология призвана ориентировать студента на самостоятельную работу над вторым иностранным языком, развивает языковое творчество, помогает осознать себя субъектом творческой иноязычной деятельности. Внедрение данной технологии дает возможность преподавателю сформировать трилингвальную языковую личность обучающегося, развивает и поддерживает у обучающегося на высоком уровне мотивацию к изучению нового иностранного языка как при работе в режиме «учитель – ученик», так и в режиме «самоучитель – ученик».

Ключевые слова: технология самообучения, второй иностранный язык, информативное чтение, лингво-когнитивная задача, творческий вопрос, прямые цели обучения, фактические цели обучения

Для цитирования: *Овсянников А. О.* Технология самообучения информативному чтению на втором иностранном языке на неязыковых факультетах гуманитарного вуза // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 168–176. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-15>; EDN: XIIDKT

Self-learning technology of second foreign language informative reading at nonlinguistic departments of arts and humanities universities

Aleksandr O. Ovsiannikov

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,
alovs1960@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6485-2008>

Abstract. In the present study the author reveals the linguistic methodological mechanism behind the self-learning technology of informative reading in a second foreign language. This technology is developed to guide the students to independent study in second foreign language reading, this technology also develops language creativity, helps to realize oneself as a subject of creative foreign-

language activity. The introduction of this technology gives a teacher the opportunity to form a trilingual language personality, develops and maintains the student's motivation to learn a new foreign language at a high level both in the “teacher-student” and “auto-didactic” modes.

Keywords: self-learning technology, second foreign language, informative reading, linguocognitive task, creative question, direct learning objectives, actual learning objectives

For citation: Ovsiannikov A. O. Self-learning technology of second foreign language informative reading at nonlinguistic departments of arts and humanities universities. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 2 (125), pp. 168–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-15>; EDN: XIIDKT

Введение

В последние десятилетия в системе обучения *иностранным языкам* (ИЯ) в вузе сложилась ситуация, при которой преподаватели в рамках ведущих подходов к обучению¹ имеют возможность создания как собственной модели построения учебного курса, так и собственных учебных пособий, ориентированных на разные режимы работы, в частности на режим «самоучитель – ученик». Это особенно актуально при онлайн-обучении, к которому так часто в силу объективных причин вынуждены прибегать преподаватели. В отношении модели учебника, который ставит своей целью самообучение студентов, мы склоняемся к подходу, основанному на понимании «ведущей роли структурной идеи в когнитивной теории личности, роли, связанной с принципиальной важностью изучения структурных свойств познания в отличие от его содержательных свойств»², так как последние имеют тенденцию постоянно варьироваться, в то время как структурные обладают признаками инвариантности и могут быть описаны достаточно ограниченным числом терминов.

Основная часть

Предлагаемая технология разработана в рамках когнитивно-компенсаторного подхода³ в обучении *второму ИЯ* (ИЯ2) и ориентирована в первую очередь на студентов неспециальных факультетов гуманитарных вузов, что, однако, не исключает возможности пользоваться ею гораздо более широкому кругу людей. В опытном обучении, подтвердившем методическую релевантность нашего подхода и проведенном в 2015–2017 гг. на базе непрофильных факультетов РГПУ им. А. И. Герцена и кафедр философии, социологии, религиоведения, искусствоведения и политологии Русской христианской гуманитарной академии, приняло участие более 300 человек. Разработанная нами технология обучения информативному чтению на ИЯ2 является

¹ Среди них в первую очередь отметим личностно-ориентированный (Г. М. Анохина, Б. М. Бим-Бад, М. В. Богуславский, Е. В. Бондаревская, В. В. Сериков, В. И. Слободчиков, А. А. Хлынин, И. С. Якиманская и др.) и коммуникативно-деятельностный (Б. Г. Ананьев, И. А. Зимняя, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.).

² Матрос Д. Ш., Полев Д. М., Мельникова Н. Н. Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга. Москва: Педагогическое общество России, 1999. С. 49.

³ Овсянников А. О. Теория когнитивно-компенсаторного подхода в интенсивном обучении чтению на втором иностранном языке. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2013. 246 с.

практическим компонентом учебно-методического комплекса (УМК) «Метод ключей», нацеленного на опережающее развитие навыков чтения на ИЯ2, и представляет собой тестовую программу, состоящую из репродуктивно-компенсаторных и продуктивно-деятельностных задач¹, о которых мы поговорим немного позже.

При разработке нашего УМК в целом и предлагаемой технологии в частности мы опирались на одно из важнейших свойств современной российской образовательной системы, а именно – ее вариативность. При этом идея вариативности контента может быть эффективна лишь при условии своевременного создания новых вариативных учебных материалов². Существующая литература, во многом устаревшая, явно недостаточна и не отвечает запросам студенчества, а новая или находится на стадии подготовки, или не соответствует требованиям, предъявляемым к материалам, ориентированным на самообразование студентов. Таким образом, мы можем констатировать, что требование рациональной организации самостоятельной образовательной деятельности в вузе является крайне актуальным. При обучении ИЯ2 на непрофильных факультетах гуманитарного вуза данное требование является особенно насущным и предполагает оперативное реагирование со стороны как специалистов-теоретиков, так и преподавателей-практиков, вовлеченных в данный процесс. Известное мнение И. М. Бермана, высказанное уже более полувека назад, о том, что на основе учета психологических особенностей обучающихся в вузе их следует как можно раньше ориентировать на самостоятельную работу³, лишь подтверждает необходимость создания новых учебно-методических пособий, использующих идеи автодидактики.

В последнее время в педагогическом сообществе все настойчивее озвучивается мысль о необходимости создания учебников нового типа, способных выполнять роль интеллектуального самоучителя. Специалисты полагают, что подобный учебник формально и содержательно «должен быть проекцией не только научного знания, но и основных психологических линий интеллектуального развития детей, в том числе линий, связанных с учетом особенностей состава и строения ментального опыта ребенка»⁴.

¹ Овсянников А. О. Метод активизации навыка межязыковой догадки в обучении информативному чтению на втором иностранном языке (на примере французского и испанского языков) // *European Social Science Journal*. 2015. № 10. С. 293–301. EDN: VIKSLL

² Ариян М. А. К проблеме критериев анализа и оценки учебника иностранного языка // Реформирование школьного и вузовского образования и новые тенденции в преподавании иностранных языков: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию научно-педагогической деятельности профессора Г. В. Роговой. (г. Москва, ноябрь 2001 г.). Москва: Московский педагогический государственный университет, 2002. С. 226.

³ Берман И. М. Методика обучения английскому языку в неязыковых вузах. Москва: Высшая школа, 1970. 230 с.

⁴ Матрос Д. Ш., Полев Д. М., Мельникова Н. Н. Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга. Москва: Педагогическое общество России, 1999. С. 10.

Основой для структурирования учебного материала и разработки методических основ нашего самоучителя послужили методы компьютерного обучения чтению, цель которых совпадает в большой степени с целью нашего УМК, а именно: научить студента извлекать из текста смысловую информацию разного типа и объема, научить студента вырабатывать лексико-грамматические и переводческие навыки, научить студента различным методам анализа текста, научить студента самостоятельно работать над языком.

Выбор *информативного* чтения¹ для создания нашей технологии не случаен по нескольким причинам. Во-первых, этот вид речевой деятельности позволяет студентам гораздо быстрее почувствовать свою успешность в обучении задолго до окончания полного курса (код отождествления гораздо проще на начальной стадии, чем код продуцирования); во-вторых, чтение полезно не только для практического овладения ИЯ и стоящей за ним культурой, но оно одновременно является средством самообразования и формирования творческой языковой личности. В этой части мы всецело разделяем мнение А. В. Щепиловой о том, что «обучать – это выбрать такой подход и такие приемы, чтобы “освободить” творчество учащихся, “спровоцировать” их деятельность по изучению, освоению языка»²; в-третьих, чтение, гораздо более, чем любой другой вид *речевой деятельности* (РД) позволяет сместить удельный вес тренировочных упражнений в сторону интенсивной самостоятельной работы с максимальным использованием вспомогательных средств обучения, включая те, что созданы на основе программированных пособий; в-четвертых, чтение поддерживает и совершенствует не только навыки и умения, обеспечивающие восприятие, понимание и интерпретацию текста, но также участвует в организации процесса по обеспечению самостоятельного усвоения новых знаний.

В свою очередь, присвоение этих знаний и актуализация творчества обучающихся по их интериоризации возможны лишь при продуманной лингводидактической «стратегии обучения». Поэтому так важно остановиться в этой связи на основных теоретических положениях методической системы, лежащей в основе данной технологии и призванной сформировать и развить в обучающемся первичные свойства творческой трилингвальной личности (русский язык – базовый иностранный – второй иностранный). Применительно к данной трехкомпонентной ситуации мы в первую очередь исходили из содержания наличествующей у студентов, приступающих к изучению ИЯ2, лингвистической компетенции, а также из осознания того непреложного психологического фактора, который предполагает постоянное присутствие и влияние родного и/или *базового ИЯ* (ИЯ1) в процессе изучения ИЯ2. Таким образом, в фокусе нашего исследовательского внимания в психологическом плане оказались «методы работы преподавателя-модератора, побуждающие учащихся к деятельности и активизирующие ее, устанавливающие атмосферу сотрудничества и

¹ Овсянников А. О. Комплексный психолого-методический анализ искусственного субординативного трилингвизма при обучении чтению на втором иностранном языке студентов неязыковых факультетов гуманитарного вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 7 (75). С. 98.

² Щепилова А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. Москва: Школьная книга, 2003. С. 4.

благоприятного психологического климата»¹; в лингвистическом плане оказался комплекс вопросов, связанных со сравнительно-сопоставительным изучением контактирующих в процессе изучения ИЯ2 языков, а в дидактическом плане – весь спектр вопросов, вызванных разработкой наиболее адекватного частного метода обучения информативному чтению, который был бы основан на действенных методических приемах, учитывающих степень родства и генетической близости *родного языка* (Я1), ИЯ1 и ИЯ2. Как следствие, нами были разработаны два частных метода². Ниже опишем лингвометодические основы технологии лингво-когнитивных задач, созданных в рамках работы над этими частными методами.

Основные признаки лингво-когнитивной задачи: 1) ориентация на самостоятельное опережающее изучение чтения, что обуславливается поисково-исследовательской деятельностью студента (как пример, поиск им своих путей в решении переводческих задач при дешифровке текста ИЯ2); 2) осуществление аффективной составляющей в силу того, что сам характер задачи побуждает чтеца к самостоятельному решению проблемы и/или если само ее решение невольно требует включения компенсаторного навыка; 3) наличие познавательной-развивающей составляющей, выраженной, например, в проблеме формы и значения нового слова ИЯ2, предполагающей, что чтец актуализирует значение этого слова за счет соотнесения его формы с эквивалентной формой Я1 и/или ИЯ1. При этом конкретными речевыми продуктами вышеописанной деятельности являются: 1) аппроксимативная система ИЯ2 с чтением в роли доминирующего вида РД³; 2) знание индоевропейских корней⁴; 3) знание основных принципов сравнения языков⁵; 4) знание графемно-фонетических, морфологических и структурных ключей⁶; 5) знание некоторых основополагающих элементов методики самообучения.

¹ Абрамова И. Е., Ананьина А. В., Шерехова О. М., Шишмолина Е. П. Аудиторный билингвизм. Моделирование иноязычного пространства в нелингвистическом вузе. Санкт-Петербург: Лань, 2022. С. 168.

² Овсянников А. О. Регулярные графемно-фонетические соответствия как новый компонент лингвистической диффузии // Актуальные вопросы современного университетского образования: материалы VIII Российско-американской научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 17–19 мая 2005 г.). Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2005. С. 191–192. EDN: SBQNDD; Овсянников А. О. Метод активизации навыка межъязыковой догадки в обучении информативному чтению на втором иностранном языке (на примере французского и испанского языков) // European Social Science Journal. 2015. № 10. С. 293–301. EDN: VIKSSL

³ Овсянников А. О. Лингводидактические аспекты теории аппроксимации в обучении чтению на втором иностранном языке // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 9-8. С. 105–109. EDN: VHUVPF

⁴ Овсянников А. О. Теория когнитивно-компенсаторного подхода в интенсивном обучении чтению на втором иностранном языке. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2013. С. 198–200.

⁵ Там же. С. 192–194.

⁶ Там же. С. 195–197, 203–207.

Основываясь на общепринятом в науке понимании решения задачи как ее развертывания в систему вопросов¹, мы представили методическую структуру программы управления обучением информативному чтению на ИЯ2 в форме сочетания двух видов вопросов – репродуктивных и творческих. Если первые предполагают решение лингво-когнитивной задачи с опорой на уже сформированные у студента знания, навыки и умения в Я1, ИЯ1 и ИЯ2 (репродуцирующий вид ментальной деятельности), то вторые, ориентированные на активизацию компенсаторного навыка, представляют гораздо бóльшую сложность в решении (творческий вид ментальной деятельности). При этом мы понимаем, что «творческий вопрос» согласно общедидактическому принципу дружелюбности к обучающемуся и психологическому принципу апперцепции должен быть посильным для ответа и, конечно, максимально учитывать предшествующий жизненный и лингвистический опыт ученика. Учитывая двуплановость категории «творческий вопрос», с психолого-методических позиций его можно охарактеризовать как побуждение чтеца к активной мыслительной деятельности, нацеленной на дешифровку текста на ИЯ2 с опорой как на ранее усвоенные знания, умения и навыки, так и с подключением (вольным и невольным) всех видов догадок, включая межъязыковую.

«Творческий вопрос» имплицитно предполагает решение студентом сверхзадачи. Наличие таковой в методическом плане связано с явлением косвенного целеполагания, адекватное использование которого интенсифицирует процесс обучения ИЯ. Г. А. Китайгородская утверждает: «Так, если прямые цели всегда осознаются обучающимся, то фактическая цель (к которой ведет обучающегося преподаватель) остается неосознанной и раскрывается для него фактически ретроспективно. Таким образом, системность речевых признаков как функциональная грамматика на уровне операций остается временно неосознаваемой обучаемым»². В свою очередь переход от достижения прямых целей к достижению студентом пока еще не осознанной им фактической цели «осуществляется “вращением” форм речевого поведения в функциональную систему средств, необходимых для достижения этих целей. Адекватно организованный учебный процесс предполагает неизбежность такого перехода»³.

При решении «творческого вопроса» у студента возникает чувство интеллектуального удовлетворения от проделанной мыслительной деятельности, связанное с приобретением через ИЯ2 нового знания по той или иной теме или с подтверждением уже имеющегося у него знания в той или иной области. Именно возникновение данного чувства и является сверхзадачей «стратегии обучения», призванной освободить ученика от «тисков» (термин Г. А. Китайгородской) *прямой* задачи – понять смысл текста.

¹ Иванова Г. А. Методическое построение программ обучения углубленному чтению на иностранном языке в техническом вузе // Методика обучения иностранным языкам. Вып. 11. Минск: Вышэйшая школа, 1981. С. 116.

² Китайгородская Г. А. Явление косвенного целеполагания в интенсивном обучении // Пути повышения эффективности преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах: сборник научных трудов. Москва: Московский государственный университет, 1981. С. 16.

³ Там же.

Выводы

Резюмируя сказанное, можно сделать ряд выводов:

1. Предпринятое исследование позволило обосновать целостную лингводидактическую концепцию обучения студентов неязыковых факультетов гуманитарного вуза информативному чтению на втором иностранном языке и доказать, что она представляет собой самостоятельное направление в системе иноязычного образования. Означенная концепция разработана с учетом лингвофилософских, педагогических, психологических, лингвистических, психолингвистических, методических закономерностей и реализуется в образовательном пространстве на основе особого содержания и специфических приемов и методов организации учебного процесса.

2. Реализация на практике разработанной нами технологии способствует формированию и развитию у студентов неязыковых факультетов гуманитарного вуза когнитивно-компенсаторной компетенции в информативном чтении на ИЯ2, столь необходимой для решения как личных, так и профессионально ориентированных задач, связанных с декодированием письменной информации.

3. Разработанная технология самообучения информативному чтению на втором иностранном языке вносит существенный вклад в методику обучения чтению на втором иностранном языке, а ее применение на практике позволяет обеспечить повышение эффективности и качества иноязычного образования в области второго иностранного языка на неязыковых факультетах гуманитарного вуза.

Список литературы / References

Абрамова И. Е., Ананьина А. В., Шерехова О. М., Шишмолина Е. П. *Аудиторный билингвизм. Моделирование иноязычного пространства в нелингвистическом вузе*. Санкт-Петербург: Лань, 2022. 224 с.

Abramova I. E., Anan'ina A. V., Sherekhova O. M., Shishmolina E. P. *Classroom bilingualism. Modeling foreign language space at non-linguistic university*. St Petersburg: Lan', 2022. 224 p. (In Russ.)

Ариян М. А. К проблеме критериев анализа и оценки учебника иностранного языка. *Реформирование школьного и вузовского образования и новые тенденции в преподавании иностранных языков: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию научно-педагогической деятельности профессора Г. В. Роговой (г. Москва, ноябрь 2001 г.)*. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2002, с. 226–229.

Ariian M. A. To the problem of criteria for analyzing and evaluating a foreign language textbook. *Reforming school and university education and new trends in teaching foreign languages: Proceedings of the International research and practice conference to mark the 50th anniversary of the scientific and pedagogical work of Professor G. V. Rogova (Moscow, November 2001)*. Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2002, pp. 226–229. (In Russ.)

Берман И. М. *Методика обучения английскому языку в неязыковых вузах*. Москва: Высшая школа, 1970. 230 с.

Berman I. M. *Methods of teaching English at nonlinguistic universities*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1970. 230 p. (In Russ.)

Иванова Г. А. Методическое построение программ обучения углубленному чтению на иностранном языке в техническом вузе. *Методика обучения иностранным языкам*, вып. 11. Минск: Вышэйшая школа, 1981, с. 114–121.

Ivanova G. A. Methodological development of programs for teaching advanced reading in a foreign language at technical university. *Methodology of teaching foreign languages*, iss. 11. Minsk: Vysheishiaia shkola, 1981, pp. 114–121. (In Russ.)

Китайгородская Г. А. Явление косвенного целеполагания в интенсивном обучении. *Пути повышения эффективности преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах: сборник научных трудов*. Москва: Московский государственный университет, 1981, с. 15–21.

Kitaigorodskaia G. A. The phenomenon of indirect goal-setting in intensive teaching. *Ways to improve the effectiveness of teaching a foreign language at nonlinguistic faculties: collection of research papers*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1981, pp. 15–21. (In Russ.)

Матрос Д. Ш., Полев Д. М., Мельникова Н. Н. *Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга*. Москва: Педагогическое общество России, 1999. 95 с.

Matros D. Sh., Polev D. M., Mel'nikova N. N. *Education quality management based on new information technologies and educational monitoring*. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 1999. 95 p. (In Russ.)

Овсянников А. О. Комплексный психолого-методический анализ искусственного субординативного трилингвизма при обучении чтению на втором иностранном языке студентов неязыковых факультетов гуманитарного вуза. *Общество: социология, психология, педагогика*, 2020, № 7 (75), с. 97–102. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.7.16>

Ovsiannikov A. O. Comprehensive psychological and methodological analysis of the artificial subordinate trilinguism in teaching reading in the second foreign language to students of nonlinguistic departments of arts and humanities universities. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2020, no. 7 (75), pp. 97–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2020.7.16>

Овсянников А. О. Лингводидактические аспекты теории аппроксимации в обучении чтению на втором иностранном языке. *Современные тенденции развития науки и технологий*, 2015, № 9-8, с. 105–109. EDN: VHUVPF

Ovsiannikov A. O. Linguodidactic aspects of the approximation theory in teaching reading in a second foreign language. *Modern Trends in Science and Technology*, 2015, no. 9-8, pp. 105–109. (In Russ.) EDN: VHUVPF

Овсянников А. О. Метод активизации навыка межъязыковой догадки в обучении информативному чтению на втором иностранном языке (на примере французского и испанского языков). *European Social Science Journal*, 2015, № 10, с. 293–302. EDN: VIKSLL

Ovsiannikov A. O. Method for developing interlingual guessing skill in teaching informative reading in a second foreign language (French and Spanish). *European Social Science Journal*, 2015, no. 10, pp. 293–302. (In Russ.) EDN: VIKSLL

Овсянников А. О. Регулярные графемно-фонетические соответствия как новый компонент лингвистической диффузии. *Актуальные вопросы современного университетского образования: материалы VIII Российско-американской научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 17–19 мая 2005 г.)*. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2005, с. 191–193. EDN: SBQND

Ovsiannikov A. O. Regular grapheme-phonetic correspondences as a new component of linguistic diffusion. *Topical issues of modern university education: Proceedings of the VIII Russian-American research and practice conference (St Petersburg, May 17–19, 2005)*. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena, 2005, pp. 191–193. (In Russ.) EDN: SBQND D

Овсянников А. О. Результаты опытно-экспериментальной проверки эффективности технологии обучения информативному чтению на втором иностранном языке, построенной на основе когнитивно-компенсаторного подхода. *Евразийский Союз Ученых*, 2019, № 10 (67), с. 32–36.

Ovsiannikov A. O. The results of experimental testing of the teaching informative reading technology in the second foreign language on the basis of cognitive-compensatory approach. *Eurasian Union of Scientists*, 2019, no. 10 (67), pp. 32–36. (In Russ.)

Овсянников А. О. *Теория когнитивно-компенсаторного подхода в интенсивном обучении чтению на втором иностранном языке*. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2013. 246 с.

Ovsiannikov A. O. *Theory of cognitive-compensatory approach in intensive second foreign language reading instruction*. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena, 2013. 246 p. (In Russ.)

Щепилова А. В. *Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному*. Москва: Школьная книга, 2003. 486 с.

Shchepilova A. V. *Communicative-cognitive approach to teaching French as a second foreign language*. Moscow: Shkol'naia kniga, 2003. 486 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Александр Олегович Овсянников – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-6485-2008>, alovs1960@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (48 наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Aleksandr O. Ovsiannikov** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-6485-2008>, alovs1960@yandex.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 nab. reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 22.09.2024; принята к публикации 07.10.2024.

The article was submitted 20.08.2024; Approved after reviewing 22.09.2024; Accepted for publication 07.10.2024.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 177–190.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 2 (125), pp. 177–190.

Научный отчет
УДК 811:371.3
<https://elibrary.ru/lsiujv>

Итоги международной научной конференции «77-е Герценовские чтения. Иностранные языки»

Наталья Юрьевна Зайцева^{1✉}, Елена Алексеевна Жеребина²,
Светлана Георгиевна Курбатова³, Анастасия Валентиновна Ивкина⁴,
Анна Фирдавесовна Абдуллина⁵

^{1,2,3,4,5}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,

¹nzaytseva@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1497-4979>

²elenazherebina@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5605-4866>

³skurbatova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3864-0110>

⁴ivkinaav@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1600-9806>

⁵afabdullina@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2337-2224>

Аннотация. Публикация подводит итоги проведения международной научной конференции «77-е Герценовские чтения. Иностранные языки». В рамках конференции обсуждались актуальные вопросы современного лингвистического знания, культурологии, языкознания, переводоведения, литературы. Особое место заняли вопросы теории и практики обучения иностранным языкам в средней и высшей школе, а также исследования в области иностранного языка для академических и специальных целей.

Ключевые слова: дискурс, когнитивистика, межкультурное общение, перевод, герменевтика, лингвокультурология, фразеология, методика преподавания иностранных языков, иностранный язык для академических и специальных целей, восточные языки

Для цитирования: Зайцева Н. Ю., Жеребина Е. А., Курбатова С. Г., Ивкина А. В., Абдуллина А. Ф. Итоги международной научной конференции «77-е Герценовские чтения. Иностранные языки» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2 (125). С. 177–190. EDN: LSIUJV

**Results of the International scientific conference
“77th Herzen Readings. Foreign Languages”**

Natalia Iu. Zaitceva^{1✉}, Elena A. Zhrebina²,
Svetlana G. Kurbatova³, Anastasia V. Ivkina⁴,
Anna F. Abdullina⁵

^{1,2,3,4,5} The Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

^{1✉}nzaitseva@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1497-4979>

²elenazherebina@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5605-4866>

³skurbatova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3864-0110>

⁴ivkinaav@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1600-9806>

⁵afabdullina@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2337-2224>

Abstract. The article summarizes the results of the international scientific conference “77th Herzen Readings. Foreign languages”. During the conference, topical issues of modern linguistic knowledge, cultural studies, linguistics, translation studies, and literature were discussed. A special place was occupied by the theory and practice of teaching foreign languages in secondary and higher school, as well as research in the field of foreign languages for academic and professional purposes.

Keywords: discourse, cognitive science, cross-cultural communication, translation / interpreting, hermeneutics, cultural linguistics, phraseology, foreign language teaching methods, foreign language for academic and professional purposes, oriental languages

For citation: Zaitceva N. Iu., Zhrebina E. A., Kurbatova S. G., Ivkina A. V., Abdullina A. F. Results of the International scientific conference “77th Herzen Readings. Foreign Languages”. *Cherepovets State University Bulletin*, no. 2 (125), pp. 177–190. (In Russ.). EDN: LSIUJ

Введение

Ставшая традиционной в стенах Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, научная конференция «Герценовские чтения. Иностранные языки» прошла несколько этапов своего становления и развития, сменив внутривузовский статус на всероссийский и международный, который она прочно удерживает на протяжении последних десяти лет.

Отличительной чертой конференции, состоявшейся 11–12 апреля 2024 года, стало уточнение содержания некоторых секций и одновременно включение новых. Так, в частности, наряду с традиционными девятью секциями («Текст и дискурс в парадигме современного гуманитарного знания»; «Когнитивно-прагматические аспекты языка и речи»; «Когнитивная лексическая семантика»; «Лингвистические аспекты индивидуальной и социальной речевой деятельности»; «Герменевтические проблемы художественного текста»; «Лингвокультурология и фразеология как отражение менталитета народа»; «Теория, практика и дидактика перевода»; «Актуальные вопросы межкультурного общения»; «Вопросы изучения и преподавания восточных языков») состоялись заседания обновленной методической секции «Теоретические модели и методические решения в обучении иностранным языкам в средней и высшей школе» и двух новых секций «Вариативность языка и речи в социальной и культур-

ной обусловленности», «Исследования в области иностранного языка для академических и специальных целей».

Основная часть

Пленарное заседание открыли представители РГПУ¹ – проректор по научной работе, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор *Светлана Анатольевна Писарева*; советник ректора по интернационализации образования, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор *Юлия Александровна Комарова*; директор института иностранных языков, доктор филологических наук, профессор *Андрей Валентинович Ачкасов* и президент института иностранных языков, доктор филологических наук, почетный профессор *Татьяна Ивановна Воронцова*.

Проректор *С. А. Писарева*, отмечая важность сохранения традиций, подчеркнула, что конференция «Герценовские чтения» является особой частью корпоративной культуры РГПУ, форматом взаимодействия ученых, независимо от их статуса в науке и опыта, вокруг нового знания, и напомнила о двух значимых исторических событиях: о первой конференции – 1947 год, когда был выпущен журнал «Ученые записки», и традиционном месяце проведения конференции – апреле, что связано с днем рождения Александра Ивановича Герцена (06.04.1812).

Советник ректора *Ю. А. Комарова*, подчеркивая масштабность и результативность Герценовских чтений и продолжая тему преемственности, акцентировала внимание на любопытных исторических фактах, в частности деятельности педагогического университета (ранее Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена – ЛГПИ) в годы Великой Отечественной войны. Как известно, в ЛГПИ, эвакуированном в г. Кыштым, не прекращался образовательный процесс². Удивительным же фактом является то, что Герценовский университет продолжал заниматься и научными исследованиями, причем не в Кыштыме, а в Ленинграде. Подтверждением тому являются 8 диссертаций³, защищенных в блокадные годы. Для защит диссертаций вызывали с фронта членов диссертационного совета.

В своем приветственном слове директор института иностранных языков *А. В. Ачкасов* отметил, что «Герценовские чтения» стали одной из ведущих конференций в Санкт-Петербурге. Эта конференция уже давно имеет свое лицо и свою специфику, в том числе благодаря тому, что институт иностранных языков, следуя современным тенденциям лингвистических исследований, в частности в области искусственного

¹ Здесь и далее: РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

² См. также об истории пребывания ЛГПИ им. А. И. Герцена в г. Кыштыме в Объединенном государственном архиве Челябинской области. URL: <https://archive74.ru/news/v-trudnyudlya-nas-chas-my-vstretili-samyu-radushnyu-priem-k-istorii-prebyvaniya-lgpi-imeni-i> (дата обращения: 16.06.2024).

³ Цифра нерасчиленная, поэтому сложно определить, были ли среди защищенных диссертации по филологии или по технологии обучения.

интеллекта, не забывает и о традициях. Андрей Валентинович привел несколько цифр, свидетельствующих о масштабе конференции текущего года. Конференция объединила более 200 исследователей из высших учебных заведений, средних и начальных общеобразовательных школ, российских и международных учебно-научных и исследовательских центров, центров межкультурного партнерства России, библиотек (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Астрахань, Барнаул, Белгород, посёлок Бугры Ленинградской области, Великие Луки, Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Калуга, Красноярск, Курск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Орехово-Зуево, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Смоленск, Сургут, Сыктывкар, Таганрог, Уфа). Ближнее зарубежье было представлено шестью организациями из трех государств: Беларусь (Минск), Казахстан (Астана, Алматы, Кокшетау, село имени Турара Рыскулова), Узбекистан (Ташкент)). Из дальнего зарубежья в работе организационного и программного комитетов конференции, а также в пленарном и секционных заседаниях приняли участие представители восьми организаций из семи государств (Вьетнам (Нячанг, Хюэ), Германия (Гермерсхайм), Израиль (Хайфа), Италия (Генуя), Китай (Пекин), США (Ирвайн, штат Калифорния), Чили (Сантьяго)).

Президент института иностранных языков *Т. И. Воронцова* отметила, что научная деятельность помогает людям науки выдерживать тяжелые испытания, будь то пандемия или война, и, в конце концов, побеждать. Татьяна Ивановна, говоря о преемственности поколений, напомнила имена известных профессоров – учителей Герценовского университета, лингвистов, филологов, методистов, благодаря которым родились и получили развитие лингвистические и методическая школы института иностранных языков: И. В. Арнольд, М. В. Никитин, А. И. Домашнев, И. К. Архипов, Р. Г. Пиотровский, З. Я. Тураева, Л. М. Скрелина, С. Ф. Шатилов и мн. др.

Работа конференции продолжилась пленарным заседанием, на котором в очном и онлайн-форматах выступили специалисты-филологи. Докладчиками стали заведующая кафедрой славистики при Департаменте современных языков и культур Генуэзского университета, профессор *Лаура Сальмон* и доцент кафедры английской филологии РГПУ им. А. И. Герцена *Рикардо Джезус Монсальве Карвахаль*.

Лаура Сальмон в докладе «Об этико-эстетической функции художественного слова при переводе: идеологическое искажение повести “Наши” С. Довлатова в ее американском “варианте”», представила типологию переводческих манипуляций и особо затронула вопрос манипуляций, к которым осознанно прибегают переводчики в работе над текстом перевода с целью радикально изменить суть исходного текста и искаженно передать замысел автора, превратив его в свою противоположность. Так, в частности, был искажен С. Довлатов, в том числе в восприятии российского читателя. Ряд читателей считают его юмористическим писателем, в то время как это один из сложнейших писателей классической русской традиции. Докладчица подчеркнула важность выбираемых в тексте слов, поскольку слова любого художественного текста определяют его идеологию¹, которая и оказывает воздействие на

¹ Об идеологической стороне художественной литературы см.: Кондаков И. В. По ту сторону слова: (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков) // Вопросы литературы.

мироощущение читателей и формирует нравственные убеждения, эстетические вкусы, религиозные и политические взгляды, научные и философские представления. По Довлатову, литература – это источник нравственного мирозерцания (слова *мировоззрение* Довлатов избегал). Обязанность переводчика – уважительно относиться к каждому выбранному автором слову, поскольку другие слова были намеренно им исключены.

Рикардо Джезус Монсальве Карвахаль посвятил свой доклад «“Emma Zunz’s Revenge: Figural Interpretation in the Work of J. L. Borges” (Месть Эммы Цунц: образная интерпретация в творчестве Х. Л. Борхеса)» анализу и современным стратегиям интерпретации художественного текста на материале творчества одного из основоположников и классиков новой латиноамериканской литературы Х. Л. Борхеса. Докладчик продемонстрировал, как в приключенческой истории об Эмме Цунц, мстящей за смерть своего отца, просматривается глубоко философская тема человеческого удела, смерти, смысла жизни, а также проследил взаимосвязь тем рассказа Борхеса и тем «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Участниками секции «*Текст и дискурс в парадигме современного гуманитарного знания*» был охвачен широкий круг тем, включающий в себя различные типы текста, а также понятия гипер- и сверхтекста. Часть докладов касалась проблем медийной коммуникации. Так, *Н. Н. Казыдуб* (КГПУ¹) описала принципы конституирования параметрической модели рекламного дискурса, а *Н. В. Трунова* (Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва) рассмотрела интенционально-оценочный характер англоязычного политического дискурса сквозь призму ценностных констант. *Л. И. Шрамко* (СПбГУ²) проанализировала принципы создания негативного образа политика в современной англоязычной прессе.

С. М. Паиков (РГПУ) предложил определение гносеологической гетерогенности как текстуальной организации двух типов знания, где одно знание порождается в процессе позитивной / негативной концептуализации другого.

Несомненный интерес у слушателей вызвали доклады, посвященные дискурсивному анализу различных жанров художественного текста. В нескольких выступлениях была актуализирована тема эмоционального состояния персонажей и способов их репрезентации – состояния измененного сознания, отчаянья, дружеской симпатии и т. п. Особенности выражения сопереживания в религиозном дискурсе на примере праздничных проповедей описала в своем докладе *Л. Р. Тимохина* (КГПУ), а *А. В. Остроумова* (РГПУ) коснулась проблем построения идентичности в автобиографическом тексте.

2008. № 5. URL: <https://voplit.ru/article/po-tu-storonu-slova-krizis-literaturotsentrizma-v-rossii-xx-xxi-vekov/> (дата обращения: 16.06.2024).

¹ Здесь и далее: КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

² Здесь и далее: СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

В целом ряде докладов были затронуты вопросы функционирования научного и научно-популярного дискурса. Например, *Д. А. Кожанов* (АлтГПУ¹) представил механизмы взаимодействия научного и художественного дискурсов и убедительно раскрыл феномен интердискурсивности. Доклад *О. С. Мурановой* (Калифорнийский университет, Ирвайн) касался жанра научно-популярной статьи и особенностей функционирования сравнений в англоязычной научно-популярной литературе. *Т. М. Большакова* (РГПУ) рассмотрела понятие адресант-адресатной дискурсивной личности на примере школьного нормативного дискурса.

Секция «*Когнитивно-прагматические аспекты языка и речи*» объединила широкий спектр исследований, направленных на понимание когнитивных и прагматических аспектов языка и речи в различных дискурсивных контекстах, от политического, как в докладах *М. М. Раевской* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), *М. А. Гаевской* (РГПУ) и *Н. А. Чес* (МГИМО²), до гастрономического у *У. Ш. Хадулаевой* (РГПУ).

М. М. Раевская обратилась к анализу дискурса власти на материале публичного дискурса испанского короля Филиппа VI. Анализ речевых актов монарха согласно компонентам прагматической рамки продемонстрировал, что в его публичных выступлениях представлены определенные конфигурации речевых актов с характерным набором языковых форм и речевых формул, детерминированных коммуникативным заданием и интенцией оратора. Также политический, но уже англоязычный, дискурс стал объектом внимания *М. А. Гаевской*, рассмотревшей использование речевого акта «поричание», его основные значения, смыслы, цели и мотивы, а также тактики и стратегии их реализации. На материале англоязычного политического медиадискурса построено и исследование *Н. А. Чес*, использовавшей новейшие разработки в сфере современной метафорологии для демонстрации эвристических возможностей методики моделирования концептуально-метафорических оснований дискурса.

Инновационный биокогнитивный подход в исследовании форм повелительного наклонения в английском языке применила *Е. Б. Жулина* (СПбГУ). Когнитивный анализ данных языковых форм, основанный на концепции психолога и нейробиолога М. Льюиса, показал, что они отражают как структуральное знание говорящего, так и непосредственный и опосредованный опыт наблюдателя.

На заседании секции «*Когнитивная лексическая семантика*» был представлен широкий спектр исследований, направленных на углубленное понимание когнитивных механизмов и семантических аспектов языка, их влияние на формирование и функционирование языковых единиц и их применение в различных контекстах.

Вторичная номинация и метафорический перенос стали предметом внимания *И. П. Исаевой* (АлтГПУ) и *В. А. Родина* (ЛГУ³). *И. П. Исаева* проанализировала

¹ Здесь и далее: АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул.

² Здесь и далее: МГИМО – Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации.

³ Здесь и далее: ЛГУ – Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина.

функционирование когнитивного механизма аналогии во вторичной номинации на материале современного английского языка. Было продемонстрировано, как сходства между объектами или ситуациями, выявленные путем построения смысловых связей между разнородными понятиями на основе ассоциаций, используются в качестве когнитивной опоры для построения аналогий. Предметом исследования В. А. Родина стали когнитивно-семантические характеристики метафорической лексики английской терминологии в области строительной техники. На основе анализа особенностей формирования метафорических моделей данных терминологических единиц были сделаны выводы о принципах, лежащих в основе трансформаций метафорических понятий.

Также к англоязычной терминологии в сфере производственных финансов обратилась М. В. Кожевникова (СПбГЭУ¹). Анализ формирования и функционирования концептов с учетом процессов концептуализации и классификации позволил выявить характеристики номинации терминов в английской финансовой терминологии с когнитивной точки зрения.

В докладе С. Ю. Богдановой (Иркутский государственный университет) был рассмотрен один из самых показательных аспектов когнитивной семантики – семантика пространственная (на примере отношений приближения и удаления с точки зрения схемы *контейнер*). В докладе было проанализировано, как выбор в составе фразовых глаголов послелогов, характеризующих данную динамическую схему, указывает на степень удаления объекта от условной границы или приближения к ней.

Работа секции «*Лингвостилистические аспекты индивидуальной и социальной речевой деятельности*» характеризовалась большим тематическим и языковым многообразием. Часть докладов была посвящена различным видам дискурса, например, испаноязычному интернет-дискурсу (Е. А. Ивлиева, РГПУ), рекламному дискурсу, а также кинодискурсу на примере французского кинематографа (Е. Е. Смирнова, Московский государственный лингвистический университет). Доклад А. А. Радюшкиной (РГПУ), посвященный специфике поликодовых текстов, проиллюстрировал взаимодействие вербального и невербального компонентов на материале учебной литературы и интернет-мемов. И. В. Породиным (СПбГИКиТ²) была рассмотрена проблематика идентичности субъекта познания и коммуникации в культуре метамодерна в контексте «структуры чувства».

Темой нескольких докладов стали лингвостилистические особенности художественного текста и приемы создания художественного образа. В своем выступлении З. М. Чемодурова (РГПУ) определила понятие транслингвального художественного текста и предложила текстовую категорию «транскультурная авторская модальность».

В докладе О. С. Сытник (Санкт-Петербургский горный университет) исследовались причины различий в декодировании речевых жанров и коммуникативных стра-

¹ Здесь и далее: СПбГЭУ – Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

² Здесь и далее: СПбГИКиТ – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения.

тегий адресантом и адресатом и обосновывалось существование двух категорий речевых жанров: 1) жанры, идентифицируемые говорящим, и 2) жанры, идентифицируемые с точки зрения слушающего. *О. А. Кобрин* (РГПУ) очертила круг проблем, связанных с классификацией и функционированием коллоквиальных конструкций в современном английском языке.

На заседании секции «*Герменевтические проблемы художественного текста*» обсуждались актуальные подходы к интерпретации текстов различных жанров. Литературным материалом для анализа послужили в основном произведения англоязычных писателей: В. Вулф, А. Мердок, а также Н. Геймана, Дж. Роулинг и Д. Брауна.

В. Н. Мурлина (РГПУ) систематизировала способы создания образов персонажей в текстах фэнтези, уделив особое внимание онтологическому статусу персонажа. *Д. С. Перельгина* (РГПУ) в своем докладе сделала акцент на портретном описании образа протагониста в детективном романе. *Е. Я. Никитина* (СПбГУ) обратилась к средствам создания портрета безобразной дамы во французской поэзии XVI–XVII вв. Свообразие описаний растительного и животного мира в древнегреческой поэзии подчеркнула в своем выступлении *Л. Н. Мушнина* (РГПУ).

Л. Л. Шевченко (АлтГПУ) обратила внимание слушателей на понятие гипертекста как устойчивой смысловой структуры, которая отражается на всех текстах отдельного автора. Особенности повествовательной структуры в биографическом тексте проанализировала *И. В. Сафьянова* (СПбГУ), а *Е. В. Скугарева* (РГПУ) рассмотрела феномен интердискурсивности на примере взаимодействия религиозного и научного дискурсов.

Широкий взгляд на понятие художественного текста предложила *О. В. Трунова* (Российский университет транспорта, г. Москва), подчеркнув важность литературного текста в структуре лингвистического образования, в рамках которого иноязычный текст носит трансдисциплинарный характер.

Доклады участников секции «*Лингвокультурология и фразеология как отражение менталитета народа*» отличались как разнообразием языкового материала (английский, немецкий, испанский, румынский, финский языки), так и глубиной анализа различных типов фразеологических единиц с учетом экстралингвистических факторов, синхронических и диахронических закономерностей. Так, *Т. В. Внук* (Минский государственный лингвистический университет) провела всесторонний сопоставительный анализ национально-маркированных архаичных компонентов в немецком и русском языках по тематическим группам. *О. С. Дудкин* (СПбГУ) обратился в своем докладе к библеизмам как разновидности архаической лексики. *О. К. Войку* и *М. М. Рыжова* (СПбГУ) представили фразеологические единицы в рамках концепта религиозного праздника на примере румынского и испанского культурных ареалов.

Современное состояние фразеологической системы немецкого, французского и испанского языков в разных национальных вариантах описали *В. А. Чукиш* (Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево), *Э. А. Николаева* (МГИМО) и *В. М. Ключевский* (РГПУ), уделив особое внимание их лингвопрагматическому потенциалу.

Популярный жанр интернет-травелога нашел свое отражение в докладе Н. А. Осмак (РГПУ), в котором были наглядно представлены и систематизированы принципы функционирования топонимов, антропонимов и культуронимов в финно-язычном тексте.

Л. Б. Копчук (РГПУ) затронула в своем выступлении актуальную тему современных немецких урбанолектов, динамики их развития и зависимости от социокультурного контекста.

Разнообразием тематики исследований, проведенных на материале английского и романских языков, отличилась секция «**Вариативность языка и речи в социальной и культурной обусловленности**». Докладчики затронули, в частности, вопросы конструирования образа России в иноязычном русскоцентричном дискурсе (Е. В. Белоглазова, РГПУ; А. М. Витошинова, РГПУ; Е. А. Кулигина, РГПУ); культурного маркирования языка в современном британском песенном дискурсе (М. Н. Никколаева, МГПУ¹); смешения религиозного и политического дискурса в документах карлистского движения в Испании в 1830-е гг. (А. А. Терещук, РГПУ); взаимодействия диалектной речи и речевого мышления, поведения, психологии итальянцев (Ю. А. Филипаци, РГПУ).

Доклады секции «**Теория, практика и дидактика перевода**» традиционно отличались глубиной и высокой степенью проработанности. В этом году пристальное внимание участников секции было направлено на вопросы, связанные с особенностями и проблемами специализированного перевода в различных областях, в частности в сфере экологического туризма (Т. В. Радыгина, РГПУ), маркетинга (Т. В. Юдина, РГПУ), экономики (М. Г. Задонская, РГПУ), публицистики (Н. В. Сигарева, РГПУ), а также в социально-политической сфере (М. М. Ли, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева) и в области делового дискурса (А. В. Попова, СПбГЭУ).

В рамках секции был затронут вопрос, связанный с технологиями машинного перевода. Е. С. Коканова (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск) рассказала об особенностях и сложностях пред-редактирования текстов для машинного перевода.

Несомненный интерес традиционно вызвали доклады, посвященные переводу литературных и аудиовизуальных произведений. Особое внимание участников секции привлек доклад Л. В. Стаховой и А. П. Дорохиной (ЛГУ) о передаче маркеров культурно-исторического колорита при переводе аудиовизуального произведения. Неподдельный интерес слушателей вызвал доклад члена Союза писателей Санкт-Петербурга, переводчика С. А. Степанова (РГПУ), посвященный исследованию творчества Шекспира «О подлинной дате публикации “Сонетов” Шекспира».

Ю. В. Коноваленко (Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск) познакомила аудиторию с особенностями творчества Дж. Даррела (на материале перевода книги «Под пологом пьяного леса»).

¹ Здесь и далее: МГПУ – Московский городской педагогический университет.

Несмотря на небольшое количество участников, доклады секции *«Актуальные вопросы межкультурного общения»* отличались интересной тематикой и глубиной проработки представленного материала. В рамках секции были рассмотрены животрепещущие вопросы и проблемы межкультурной коммуникации, связанные с возникновением новых геополитических и социальных противоречий в международном сообществе, а также с изменяющимися запросами российского общества в сфере культуры и интеллектуального развития.

В своем докладе Э. А. Зойдзе (МГПУ) изучила ситуацию в области интереса к чтению у современной аудитории и проанализировала дискурсивные стратегии продвижения независимых книжных магазинов в регионах России.

Ряд докладов был посвящен анализу стратегий подбора соответствующего языкового материала для продуктивного изучения иностранных языков в средней и высшей школе. У. В. Емельянова (ГБОУ Средняя общеобразовательная школа № 347, г. Санкт-Петербург) обратила внимание на важность использования аутентичных аудиотекстов в обучении межкультурному общению на уроках английского языка. Ю. М. Прокушева (МАОУ Средняя общеобразовательная школа № 24 им. Каллистрата Жакова, г. Сыктывкар) предложила использовать региональный культурный компонент при обучении английскому языку учащихся средней школы и рассказала о положительном опыте своего учебного заведения, где на уроках иностранного языка учащиеся имеют возможность познакомиться с культурой своего края, что воспитывает бережное и уважительное отношение к национальному наследию. Таким образом, на уроке иностранного языка могут реализовываться сразу несколько целей образовательного и воспитательного плана.

Н. И. Власенко (Юго-Западный государственный университет, г. Курск) затронула вопросы национально-языковой специфики усвоения русского языка и проанализировала проблемы, возникающие при изучении русского языка у испаноговорящей аудитории. Продолжая тему обучения иностранных студентов, Т. С. Царская (Сургутский государственный университет) поделилась своими наблюдениями в области оценки сформированности умений и навыков иноязычного общения у иностранных студентов-медиков.

А. Н. Ткачева (СПбГИКиТ) продолжила работу с материалом французского кино, и в этом году поделилась с коллегами своим видением конфликта культур во французском обществе на базе кинофильма «Класс» режиссера Л. Канте.

Живой интерес участников секции вызвал доклад аспирантки Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы Цици Паньсинь «Рецепция “Кто виноват?” А. И. Герцена в Китае». В докладе были проанализированы состояние китайского общества и связанные с этим причины возросшего интереса китайского общества к русскому роману. Докладчица подчеркнула, что, несмотря на различие культурных традиций, человек способен постигать культуры других народов, что в свою очередь способствует плодотворной межкультурной коммуникации.

Языковая палитра секции *«Вопросы изучения и преподавания восточных языков»*, включающая традиционно китайский, корейский и японский языки, дополнилась в текущем году вьетнамским языком. Проблема жанровых границ между взаи-

мосвязанными вьетнамскими пословицами тукнгы, песнями-казао и народными песнями занка был посвящен доклад *Е. О. Стариковой* (РГПУ).

Преподаватели корейского языка сосредоточились на вопросах формирования фонетической и социокультурной компетенций у студентов-корееведов. На основе собственной педагогической практики была предложена технология формирования фонетической компетенции (*А. В. Геворкян*, РГПУ). Для совершенствования социокультурной компетенции были представлены критерии отбора аудиовизуального материала и принципы работы с ним в соответствии с психолого-возрастными особенностями обучающихся и учебно-тематическим планом (*К. И. Мусеева, А. Ден*, РГПУ).

Вопросы изучения грамматики, лексики, научного дискурса, литературы китайского языка объединили преподавателей-китаеведов не только из РГПУ, но и из Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ), Московского городского педагогического университета, Омского государственного педагогического университета, Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС, г. Новосибирск). В докладах гостей обращалось внимание, в частности, на грамматическую интерференцию в китайской речи носителей русского языка (*В. Ш. Сю*, СПбГЭУ), тесную связь словообразовательного компонента с особенностями китайской культуры, традициями, национальным мировоззрением (*Н. Н. Ренякова*, СГУПС), категорию эвиденциальности научного дискурса (*У. Н. Решетнёва*, СПбПУ). Были представлены авторские пособия по китайскому языку «Дополнительный элемент в китайском предложении: комментарии по грамматике», «Дополнительный элемент в китайском предложении: сборник упражнений» (*К. Э. Дубровская*, МГПУ). *Т. В. Иоффе* (Омский государственный педагогический университет), обратившись к поэтическому циклу первого поэта Тао Юань Мина «Поминальная песня», проанализировала план выражения концепта «смерть» на иероглифическом, лексическом и стилистическом уровнях.

Среди докладов преподавателей-японистов вызвал особый интерес анализ лингвистических механизмов описания русской культуры в заголовках японских книг (*Е. К. Шувалова*, РГПУ). Поиск и обработка материала выполнены в рамках проекта РГПУ им. А. И. Герцена «Универсальные и идиоэтнические механизмы иноязычного описания русской культуры: исследование на основе сравнительных корпусов на финском, японском и английском языках».

Участники секции «*Исследования в области иностранного языка для академических и специальных целей*» сконцентрировались главным образом на обсуждении таких вопросов, как дифференциация понятий *иностранный язык для специальных целей* и *иностранный язык для академических целей*, соотношение понятий *язык для специальных целей – язык – подъязык – функциональный стиль – регистр – жанр* (*Н. Ю. Зайцева*, РГПУ); возможность реализации самостоятельности преподавателя на фоне жестко заданной траектории обучения иностранному языку для специальных целей (*Т. В. Алиева*, МГИМО); принципы, позволяющие студентам исходно различного уровня подготовки достичь одинаковых профессионально значимых компетенций в рамках курса английского языка для специальных целей (*Д. Н. Нови-*

ков, МГИМО); определение задач преподавания английского языка в контексте растущих интегративных тенденций, характерных для современного образования (И. В. Федорова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г. Москва); пути совершенствования компетенций преподавателей иностранного языка для академических и специальных целей (С. А. Симонова, Московский авиационный институт, г. Москва); важность чтения вслух как эффективного инструмента овладения языком, его преимущества и значение для студентов неязыковых факультетов высших учебных заведений (О. А. Голякова, Е. Г. Слипченко, РГПУ).

Участники секции «*Теоретические модели и методические решения в обучении иностранным языкам в средней и высшей школе*» в своих исследованиях обратились к актуальным общедидактическим и частнометодическим проблемам в преподавании иностранных языков. Обсуждались инновационные технологии обучения иностранным языкам, в частности виртуальные туры (А. С. Павлова, МГПУ), нейросети (Е. С. Калинина, МБОУ Средняя общеобразовательная школа «Бугровский Центр образования» № 2, Ленинградская область), лингвокоучинг (Н. И. Гуила, ГБОУ Средняя общеобразовательная школа № 347, г. Санкт-Петербург), сетевой медиатекст (И. И. Давидюк, РГПУ), мобильные приложения для изучения иностранного языка (Е. В. Волкова, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет). Поднимались вопросы профессионально-ориентированного обучения, такие как развитие эмоционального интеллекта студентов-экологов (А. Б. Макаренко, РГПУ), организация самостоятельной работы при обучении английскому языку в высшей школе (Я. А. Гудкова, М. А. Самолетова, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону), внедрение лабораторного практикума «Информационные ресурсы» в программы филологических направлений подготовки (Н. В. Казаченкова, П. С. Минакова, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток), опыт применения интерактивных технологий в обучении иностранному языку студентов магистратуры аграрного профиля (Е. С. Кузнецова, Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I).

Е. А. Иваненко вместе с соавторами З. Н. Соколовой, А. В. Хэкетт-Джонс (РГПУ) познакомили слушателей со своим опытом применения креативного письма (создания творческих текстов для достижения определенных учебных целей) как эффективного метода лингвометодической поддержки (так называемого *скаффолдинга* – букв. ‘метода строительных лесов’, или учебных опор) в обучении второму иностранному языку.

М. А. Баскакова (Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина) также обратилась к письменной речи, а именно развитию креативности посредством создания авторского блога на уроках английского языка, который может рассматриваться одновременно как электронное портфолио. Самостоятельное определение обучающимися структуры блога, его дизайна, контента, языковых средств и стилистических приемов закономерно повышает их мотивацию к изучению иностранного языка.

В докладе *В. А. Цыбанёвой* (МГПУ) была представлена персонифицированная модель оценки качества иноязычного образования, задачей которой является оценка и анализ уровня владения иноязычной коммуникативной компетенцией каждым обучающимся с учетом его индивидуальных особенностей и потребностей.

Предметом рассмотрения в докладе *Л. А. Миловановой* (МГПУ) стал такой компонент иноязычной коммуникативной компетенции, как стратегическая компетенция. Докладчица познакомила аудиторию с методическими приемами для ее формирования у школьников, направленными на развитие креативного мышления. Вместе с тем были дифференцированы понятия *стратегическая компетенция* и *компенсаторная компетенция*.

Выводы

Подводя итоги работы конференции «77-е Герценовские чтения. Иностранные языки», следует подчеркнуть, что она успешно сохраняет свой международный статус и обширную географию, привлекая ежегодно докладчиков из различных российских регионов, ближнего и дальнего зарубежья. Значимая и востребованная для развития науки, она не перестает вызывать интерес у преподавателей иностранных языков, русского языка как иностранного, научных сотрудников, аспирантов, магистрантов. По сравнению с предыдущими годами увеличилось количество участвующих в конференции аспирантов, магистрантов и учителей средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и других городов России.

Лучшие доклады рекомендованы для опубликования в Герценовском журнале «Исследования языка и современное гуманитарное знание».

Сведения об авторах

Наталья Юрьевна Зайцева – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-1497-4979>, nzaytseva@herzen.spb.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Natalia Iu. Zaitceva** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1497-4979>, nzaytseva@herzen.spb.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Елена Алексеевна Жеребина – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-3864-0110>, elenazherebina@herzen.spb.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Elena A. Zherebina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5605-4866>, elenazherebina@herzen.spb.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Светлана Георгиевна Курбатова – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-3864-0110>, skurbatova@herzen.spb.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Svetlana G. Kurbatova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-3864-0110>, skurbatova@herzen.spb.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Анастасия Валентиновна Ивкина – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1600-9806>, [ivkinaav@herzen.spb.ru](mailto:ivkinaav@ Herzen.spb.ru), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Anastasia V. Ivkina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1600-9806>, [ivkinaav@herzen.spb.ru](mailto:ivkinaav@ Herzen.spb.ru), The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Анна Фирдавесовна Абдуллина – магистр педагогики; <https://orcid.org/0000-0002-2337-2224>, [afabdullina@herzen.spb.ru](mailto:afabdullina@ Herzen.spb.ru), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Anna F. Abdullina** – Master in Pedagogy, <https://orcid.org/0000-0002-2337-2224>, [afabdullina@herzen.spb.ru](mailto:afabdullina@ Herzen.spb.ru), The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; принята к публикации 01.07.2024.

The article was submitted 17.06.2024; Accepted for publication 01.07.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями и ключевыми словами на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О. _научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора) и скан заполненного, подписанного лицензионного договора (форма размещена на сайте). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %. Использование искусственного интеллекта при создании текста статьи без обработки автора(ов) не допускается (статья отклоняется).

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х рабочих дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

13. Опубликованную версию статьи автор может получить при обращении к сайту периодического издания (раздел «Архив»).

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: (8202) 51-78-54. E-mail: Vestnik@chsu.ru

Сайт журнала: <https://vestnik.chsu.ru/>

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

Редакционная коллегия

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Яский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

БОГИНСКАЯ Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГОРБУНОВ Вячеслав Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ДМИТРИЕВ Андрей Петрович, доктор филологических наук (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ИРЛИ РАН)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (ИЛИ РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛОГУНОВА Оксана Сергеевна, доктор технических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ЛУКИН Сергей Владимирович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ЦЕЙТЛИН Стелла Наумовна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 06.04.2025 г. Зак.

Выход в свет: 15.04.2025 г.

Уч.-изд. л. 20. Усл. п. л. 22. Тир. 300 (1 з-д – 23).

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.